

Другая женщина
Dreamer

У него есть всё, о чём может мечтать каждый мужчина. Любящая жена, прибыльный бизнес, дорогие дома и машины, уважение людей своего круга. Она разведена. Долгое время оправлялась от последствий ужасной аварии и предательства самых близких людей. Её единственная и самая сокровенная мечта — стать матерью. Но как её осуществить, когда все мужчины опротивели? Когда нужны огромные деньги, чтобы оплатить операцию и раз и навсегда вычеркнуть из своей жизни страшное слово "бесплодие"? Их связала ЕГО прихоть и ЕЁ беспомощность. Но никто из них не думал, что мимолётная и по-сути вынужденная интрижка может перерасти во что-то больше. И тогда им обоим придётся выбирать. ЕМУ — уйти к любимой женщине, при этом потеряв семью, бизнес, всех прежних друзей или всё оставить на своих местах? ЕЙ — поддаться соблазну, попробовать, вопреки знакомой всем пословицы построить своё счастье на чужом несчастье или не причинять ДРУГОЙ той же боли, что, когда-то она сама испила до дна?

Из коридора послышался скрип открывающейся двери, и я тут же отложила книгу на журнальный столик. Когда на пороге спальни появилась Алинка, мои губы невольно растянулись в широкой улыбке. Всякий раз, когда ко мне приходила подруга, у меня резко поднималось настроение. Не потому что мы могли болтать с ней без перерыва совершенно о всяких пустяках, а скорее от осознания того, что я не одинока. Что помимо любимого мужчины, в моей жизни есть ещё настоящая подруга. Которая не бросила, которая все эти полгода, что я прикована к инвалидной коляске, остаётся рядом со мной, поддерживает всем, чем только может. Они с Лёшкой даже дежурство по мне установили. Когда мужу нужно срочно куда-то отъехать, Алинка, бросает все свои дела и едет ко мне. Поначалу мне это даже не нравилось, не хотелось никого обременять. Пыталась со всем справиться сама, никогда не жаловалась на судьбу. Но со временем, когда я поняла не только то, что в одиночку мне не справиться, но и то, что для супруга и Алинки я не являюсь обузой, как для остальных родственников, мне стало намного легче принимать от них помощь.

— Алинка, привет, ты чего в дверях застыла? Проходи скорее, я тебе тут такую книгу покажу. Ты будешь в восторге. Сюжет просто бомба! Вампиры, оборотни, куча крови, в общем, всё как ты любишь. Я, правда, только до половины дочитала... — заметив, что подруга так и продолжает стоять в проходе комнаты и, по-моему, даже не слушает меня, я замолчала. Хватило всего секунды, чтобы я поняла, что с Алиной, что-то не так. Я заметила, как она нервно сжимает края кофточки и почему-то избегает смотреть мне в глаза. Стало страшно. Вдруг у неё, что-то случилось? Может у мамы опять приступ, а она боится мне сказать, не хочет расстраивать лишней раз? — Алин, в чём дело? Что с тобой?

После нескольких минут молчания я хотела подъехать к ней, попытаться выведать в чём дело, но подруга вдруг сделала глубокий вдох и сама за считанные секунды преодолела разделявшее нас расстояние. Присев на краешек моей кровати, Алина провела нервно дрожащей ладонь по лицу.

— Я надеялась, что этого разговора никогда не случится. Точнее я оттягивала момент, когда тебе нужно будет всё рассказать... Но сейчас, в сложившейся ситуации, я больше не могу, да если честно и не хочу уже ничего скрывать, — я напряглась. У меня совершенно точно сложилось такое ощущение, что сейчас я узнаю что-то, что навсегда изменит мою

жизнь. И почему-то мне казалось, что изменит не в лучшую сторону. — Я жду ребёнка от твоего мужа.

Сначала я даже не поняла последних слов, которые она произнесла немного дрогнувшим голосом. Точнее их смысл дошёл до меня только через какой-то промежуток времени. И как только я поняла, что именно сказала Алина, мне захотелось рассмеяться. Это, что шутка такая? Или розыгрыш? В любом случае уж точно не правда.

— Алин, я, конечно, ценю твоё чувство юмора, но шутка прямо скажем...

— Это не шутка. Я жду от Лёши ребёнка. Срок уже два месяца, хотя узнала я об этом всего три дня назад. Всё это время мы думали, как тебе это сказать. И вот, наконец, решились... Ты прости меня, Кристин, если сможешь, ...хотя я и сама, конечно, понимаю, что не сможешь. Такое, наверное, нельзя простить.

Я всё ещё не понимала, что происходит. Я даже не прибывала в шоковом состоянии после слов лучшей подруги, у меня просто совершенно ничего не укладывалось в голове. Алина ждёт от Лёши ребёнка? Мне даже смешно от этой мысли. Бред какой-то. Полная чушь.

— Алин, да ладно тебе, хватит. Уже не смешно...

— А никто и не смеётся, — я вздрогнула и резко перевела взгляд в сторону, увидев появившегося в проходе спальни мужа. А что он здесь делает? У него же командировка в Екатеринбург? — Алин, выйди, пожалуйста. Я дальше сам.

— Уверен? Может мне всё-таки остаться?

— Нет, нам с Кристиной нужно поговорить с глазу на глаз.

Несколько секунд я переводила ничего не понимающий взгляд то на Лёшу, то на Алину, а когда подруга встала с постели и, избегая меня глазами, вышла из комнаты, у меня внутри всё болезненно сжалось. Первый раз появилось какое-то скверное ужасающее предчувствие. Нет, я всё ещё не верила, в то, что слова Алины правда...но смеяться мне уже не хотелось.

— Давно надо было с тобой обо всём поговорить. Я просто не знал, как это сделать, да и чего греха таить, не был уверен, что дело вообще дойдёт до этого разговора. Я не знал, что с Алиной у нас всё так круто завяжется.

— Что завяжется? — я попыталась взять Лёшу за ладонь, но он как-то резко отдернул руку, отойдя к окну. — О чём ты вообще? Что ты здесь делаешь, у тебя ведь командировка в Екатеринбург!

Муж усмехнулся, достав из кармана брюк пачку сигарет. Он всё ещё стоял у окна, спиной ко мне и я не могла увидеть его взгляда. Но болезненное скверное предчувствие начало пробираться ещё глубже в душу.

— Командировка...да не был я ни в каком Екатеринбурге, и в Москве тоже не был, и в Питере. Только тебе ведь надо было, что-то сказать, и я подумал, что лучше будет соврать, чем сообщить, что я давно уже “гощу” у твоей лучшей подруги, — муж закурил, и на несколько секунд в комнате повисла угнетающая тишина. А из моих глаз покатались слёзы. Я всё ещё не до конца осознала происходящее, но боль, ядовитая боль предательства уже растеклась по моей крови. — С Алиной у нас всё началось спустя месяца два, после того как ты попала в аварию. Я даже сам не понял, как это произошло. Мы в тот день возили тебя на обследования, потом, уже вечером, я пошёл провожать её до дома, она пригласила меня на чай...ну и, в общем, утром мы проснулись уже в одной постели. Так у нас всё и закрутилось. Сперва сопротивлялись, конечно, старались держаться подальше друг от друга, ...но от себя ведь не уйдёшь, верно? Мы всё думали, стоит ли тебе рассказывать и если да, то, как это

сделать....А в пятницу Алина сказала, что ждёт от меня ребёнка. Мы этого не планировали, но раз уж так вышло, решили, что поговорить нам с тобой всё-таки нужно и откладывать ничего нельзя.

Муж замолчал, а потом резко обернулся и в считанные секунды оказался сидящим возле меня на коленях. Он бережно стёр большим пальцем каждую слезинку с моего лица.

— Ну, вот чего ты плачешь? Неужели сама не понимаешь? Я здоровый мужчина, мне нужна нормальная здоровая девушка...Я хочу ЖИТЬ, жить так же, как живут все мои друзья. Я больше не могу возиться с тобой как с маленьким ребёнком, бороться с пролежнями, водить тебя на горшок...Я хочу отдыхать, так же как и раньше, хочу нормально работать, не забывая себе голову мыслями о больной жене, мне, в конце концов, нужен секс. Нормальный здоровый секс. И давай заглянем правде в глаза. Вероятность того, что ты встанешь на ноги один к тысячи. У нас никогда с тобой не будет нормальной семьи. Ты не сможешь родить мне ребёнка. А Алина сможет...и родит. Так что давай всё закончим прямо сейчас, — Лёша положил мне на колени какие-то листы, на которые тут же одна за другой скатились капельки моих слёз. — Это документы о разводе. Подпиши, пожалуйста. И не плачь, я прошу тебя. У тебя всё ещё будет хорошо, но не со мной.

Пять лет спустя

Выкурив вторую сигарету, Туманов потушил её о пепельницу. Ещё раз, взглянув на циферблат наручных часов, мужчина усмехнулся. Уже полчаса назад он должен был получить проект. Что-то раньше Марк не замечал за стариком-Минеевым такой не пунктуальности.

Сделав глоток уже успевшего остыть кофе, мужчина недовольно скривился, вспомнив вчерашний разбор полётов, который устроила жена, обнаружив на воротнике его рубашки яркий след от губной помады. Беляева сучка, нарочно всё подстроила. После того, как он в достаточно грубой форме объяснил ей, что кроме редких встреч в её квартире между ними больше ничего не может быть, она решила подгадать ему отношения с женой. И ведь ей это прекрасно удалось. После грандиозного скандала Маринка решила объявить ему бойкот. Нет, в том, что жена скоро отойдёт Туманов не сомневался, но ему порядком уже надоели все эти сцены. Почему женщины любят так всё усложнять? Крики, слёзы, скандалы...Ладно Маринка, жена всё-таки, но Беляева-то, на что рассчитывала? Похоже, он и правда начинает терять сноровку. Наверное, на время стоит прекратить эти мимолётные интрижки. Маринка итак в последнее время нервная стала. Ещё чего к маме вдруг вздумает укатить. С неё станется. А ему только проблем в семье сейчас не хватало. Бизнес надо расширять, сейчас для этого и время подходящее и все возможности имеются. А вообще надо сказать, что Туманову крупно по жизни везёт. Ему скоро тридцатник стукнет, а он уже добился всего, о чём когда-то, пожалуй, и мечтать не мог. Сразу поехавшая в гору карьера, посыпавшиеся вместе с ней деньги, известность в своих кругах. Красавица-жена, с которой он познакомился ещё в студенческие годы, и которая сразила его наповал своими большими ярко-голубыми глазами. Правда сейчас и её красота и те самые глаза, уже не вызывали в нём былого восхищение. Страсти поутихли, а домашний быт не пришёлся Марку по душе. Он довольно быстро свернул, что называется на сторону. В его жизни стали появляться и другие женщины, помимо Марины, но все они были мимолётными, ни с кем из них Марк не собирался заводить серьёзных отношений. Да и зачем ему эти проблемы? Тем более что

недавно они с Маринкой решили завести ребёнка. Пора бы уже подумать и потомстве, к тому же финансы позволяют не только одного, а двух, может быть даже и трёх малышей.

— Здравствуйте, простите, я немного задержалась. На дорогах ужасные пробки.

Марк резко поднял голову кверху, и чуть было не присвистнул, когда вместо облысевшего старичка Минеева увидел перед собой молодую девушку. Привлекательную девушку. Если бы не её старомодный свитер и доисторическая юбка, можно даже сказать красавицу. Невольно Туманов начал разглядывать появившуюся, словно из неоткуда незнакомку и ещё раз, едва ли сдержался, чтобы не ухмыльнуться. И откуда, только в конторе Генки такие красотки взялись? Шикарные густые пепельно-чёрные волосы, изумрудные глаза, обрамлённые длинными ресницами, полные сочные чувственные губы. Фигурка точёная, даже совершенно немодный серый свитер не может скрыть привлекательную полную грудь, а из-под мешковатой длинной юбки выглядывают длинные стройные ножки.

Видимо девушка засмузилась под его пристальным оценивающим взглядом. К её щекам прилил густой румянец, она даже неловко поправила воротничок рубашки, выглядывающий из-под свитера.

— То, что вы в пробке застряли, это совершенно не страшно. А вот то, что Генка подлец, скрыл от меня, что вместо Минеева я перед собой такую очаровательную красоту увижу, я ему никогда не прощу.

Девушка покраснела ещё большее, сильнее сцепив пальчики на своём чёрном старомодном портфеле. И это позабавило Туманова. Ну и ангелочек. Этакая недотрога.

— Простите, Борис Сергеевич немного приболел и Гена...Геннадий Иванович попросил меня, его подменить. Но вы не подумайте, я прекрасно ознакомлена со всеми проектами. Я ассистентка Минеева.

Туманов встал и вежливо помог девушке сесть в мягкое кресло.

— Нисколько не сомневаюсь, что вы умны и талантливы настолько же, насколько и красивы. Кстати, я могу узнать ваше имя?

— Да, конечно. Я Кристина.

Девушка положила на стол толстую чёрную папку, но Туманов даже не обратил на это внимания. Мужчина не мог заставить себя отвести взгляд с полных губ Кристины. Интересно, что испытываешь, когда их целуешь? Наверное, просто сумасшедшее наслаждение.

— Меня вы думаю, знаете. Но всё же представляюсь. Марк. Для вас просто Марк, — и эту минуту к ним за столик подошёл официант. — Кристина, что вы будете?

— Спасибо, ничего. Я не голодна.

В который раз за этот вечер Туманов сдержал ухмылку. Нет, ну точно сама скромность. “Интересненько, таких у меня ещё не было. Даже Маринка и то в своё время более раскрепощено себя вела”.

— Девушке принесите чашечку кофе, ваш фирменный десерт и клубничное мороженое. Мне заказ повторите, — как только официант ушёл, Марк снова перевёл своё внимание на слегка смутившуюся и неловко улыбнувшуюся девушку. — Ну что ж, начнём?

— Да, разумеется. Вот здесь дизайн работы, на случай, если вам что-то не понравится, мы подготовили ещё парочку новых эскизов. Так же вы можете ознакомиться с прейскурантом цен, хотя у нас всё осталось по-прежнему.

Марк тихо рассмеялся, прервав тем самым Кристину.

— Я имел в виду, начнём наше с вами знакомство. Мне, например, очень интересно, что такая прекрасная девушка забыла в Генкиной конторе? Возня с бумагами в пыльном кабинете явно не для вас.

Официант поставил на их столик заказ и тактично удалился. А Марк, сделав глоток горячего кофе, не стал сопротивляться своему желанию и накрыл ладонью маленькую ладошку девушки. ” А кожа у неё мягкая бархатная. Чёрт, было бы неплохо продолжить этот вечер не в ресторане, а скажем в гостиничном номере”. Правда Кристина, кажется, не разделяла его настроения. Девушка аккуратно высвободила свою ладошку и совершенно серьёзно, уже без тени бывшего смущения, ответила ему.

— Прекрасным девушкам тоже нужно на что-то жить и как-то зарабатывать, — на этот раз Марк не сдержался и тихо усмехнулся. Надо же, а птичка оказывается с характером. Что ж так даже интересней. — Вот посмотрите, это совершенно новый эскиз, я думаю, вам понравится...

— Мне нравится смотреть на вас, а не на скучные бумажки. Кристина, сегодня замечательная погода, может, пройдемся по набережной?

Туманов снова накрыл ладонью ладошку девушки, мысленно уже представляя как после набережной, он отвезёт её в отель, затащит в постель, а после подпишет все бумаги, которые Генка подготовил. Надо будет только Марине позвонить. Приврать, что-нибудь...

Туманов даже не успел сообразить, что произошло, когда девушка отдернула ладошку и тут же встала с кресла, смерив Марка презрительным взглядом.

— Я вам оставляю папку. Если вас заинтересует какое-нибудь наше предложение — свяжитесь с Минеевым, я думаю, он уже завтра выйдет с больничного. Всего доброго.

Кристина исчезла также внезапно, как и появилась. А Туманов, только через несколько минут сообразил, что произошло. Это она его сейчас отшибла? Его? Да ему всегда стоило только пальцем щёлкнуть, как баба уже была в его постели. А может это и к лучшему? Он ведь собирался завязывать со всеми этими интрижками. Нет, сначала он получит эту девчонку, трахнет её хорошенько и только потом будет выходить на тропу примерного семьянина. Так, что он знает об этой Кристине? Она работает в конторе у Генки, ассистентка Минеева. Не так уж и мало. “Посмотрим Кристиночка, как вам понравится охрипший от криков голос Минеева. А Бориска охрипнет, когда узнает, что все контракты с моей фирмой сорвались, он будет рвать и метать. Да Генка его просто уволит. На этих контрактах, держалась вся их шарашкина контора. А они их не получают, пока я не получу Кристину”.

— Стрижева, ты, что натворила а?

Я вздрогнула, резко оторвала взгляд от монитора и перевела его на внезапно появившегося в кабинете Минеева.

— Борис Сергеевич, а что вы тут делаете? Вы же на больничном.

Мужчина криво усмехнулся, и только сейчас я заметила, с какой ненавистью он на меня смотрит. Мне даже как-то страшно стало. Никогда ещё не видела столько злости в глазах этого толстенького вечно добренького старичка.

— На больничном?! По твоей милости у меня теперь вообще никогда больничных не будет. Меня просто уволят. Ты, что вчера устроила? Почему мне звонит Генка и охрипшим от крика голосом говорит, что все контракты с ‘Visitorfort’ сорвались?!

Несколько секунд я молчала, не понимаяюще смотря на начальника. ‘Visitorfort’ — это

насколько я помню, та самая фирма, с владельцем которой я вчера встречалась. Меня даже передёрнуло, когда я вспомнила о вчерашнем ужине. Выходит, что Туманов не подписал с нами контракт....Так, а причём здесь я?

— Борис Сергеевич, я что-то не очень понимаю...

— Это я, что-то совершенно ничего не понимаю. Что вчера произошло? Что такого ты наговорила Туманову, что он оборвал все связи с нашей конторой?

— Да ничего я ему не говорила. Я просто оставила каталоги и ушла.

— Ушла?! — голос Минеева сорвался на крик, а я даже испугалась, что его сейчас приступ схватит. Мужчина побагровел от ярости. — Ты совсем с ума сошла? Разве так дела делаются? Ты должна была показать ему все эскизы, рассказать о нашем новом маркетинговом ходе, предоставить все возможные скидки. Одним словом сделать всё, чтобы он остановил свой выбор именно на нас. А ты просто взяла и ушла?

Тут уже я подернулась дымкой ярости. Любая нормальная девушка на моём месте не просто бы ушла, а ещё напоследок отвесила бы этому Туманову хорошую пощёчину.

— Борис Сергеевич, я пыталась сделать всё, так как вы и говорили. Я начала показывать ему наши эскизы, собиралась рассказать преимущества нашей новой маркетинговой стратегии, но он просто не стал меня слушать!

— Что значит, не стал слушать?

Взгляд Минеева немного смягчился.

— То и значит. Он даже не взглянул на папку с эскизами и, по-моему, его совершенно не волновали ни скидки, ни преимущества нашего маркетинга. Он предложил мне прогуляться по набережной.

Минеев смотрел на меня испытывающим взглядом. Скрестив руки на груди, мужчина совершенно серьёзно произнёс:

— И, ты что отказалась?

— А, по-вашему, я должна была согласиться?

— Ты должна была сделать всё, чтобы сделка состоялась.

Я вспыхнула. По взгляду Минеева я поняла, что именно он подразумевает под этим 'всё'.

— Знаете что, в мои обязанности не входит потакать всяким прихотям клиента. Я вообще не должна была с ним встречаться. К тому же этот Туманов, что вообще не думает о бизнесе? Разорвать с нами все связи всего лишь...

— Очнись Стрижева! — Минеев рявкнул так, что я даже невольно вздрогнула от испуга. — Кто мы, по-твоему? Боги маркетинга? Мы обычная затюканная рекламная конторка. Таких как мы в городе тысяча и больше. А компания Туманова одна из самых прибыльных по своей специализации в России. Как ты думаешь, кому больше нужна была эта сделка. Да Марку стоит только пальцем щелкнуть, как к нему приползут с эскизами тысячи фирм на подобии нашей. А мы, что делать будем? Можно сказать, что мы все держимся на этих контрактах. Так что Стрижева хватит дурить и исправляй ситуацию, пока Туманов не нашёл нам замену.

— Что значит исправляй ситуацию? К чему вы клоните Борис Сергеевич?

— Я ни к чему не клоню, а говорю всё абсолютно прямо. Делай что хочешь, но все контракты должны быть подписаны.

Я медленно поднялась с кресла. Несколько секунд молча, смотрела в абсолютно невозмутимое лицо Минеева, а потом с полной ненавистью произнесла:

— А не пошли бы вы Борис Сергеевич. Я вам крепостная что ли? Хотите уволить — увольняйте. Только под клиентов меня подкладывать не нужно. Вы вон лучше предложите Наташке с этим Тумановым по набережной прогуляться, я уверена, что она не откажет.

Минеев даже не побагровел, а скорее почернел от ярости.

— Ты, что Стрижёва, совсем обнаглела? Я тебя значит, как ободранного щенка с улицы подобрал, а ты теперь мне нож в спину...

— Хватит этого драматизма. Я вам нож в спину не втыкала. Только ради этих несчастных контрактов, я не собираюсь лизать задницу Туманову.

— Да кто тебя об этом просит? Может тебе, и делать-то ничего такого не придётся. Состроишь ему пару улыбочек, пофлиртуешь и контракты у нас в кармане. Ну а уж если Туманов будет настаивать на чём-то большем, так уж не обломишься, не девочка уже, небось. Кроме того мы тебе такую премию...

— Вот вы этим и займитесь. Прогуляйтесь с ним по набережной, состройте глазки, пофлиртуйте...Ну а уж если он о чём-то большем попросит,...зато какую вы себе потом премию начислите! А я Борис Сергеевич, пожалуй, пойду. Заявление об увольнении завтра занесу.

Несколько минут Минеев, молча, наблюдал за тем, как я застёгиваю пуговички на своём пальто, а потом, как заорал на весь офис:

— ПОШЛА ВОН ОТСЮДА!

— Да я собственно и не собиралась задерживаться.

***))

Кутаясь в чёрное тоненькое пальто, я шла по размытой дороге, мысленно приказывая себя успокоиться и не заикливаться на том, что случилось. И если по поводу работы мне ещё удавалось сдерживать волнение (всё-таки я же не место в какой-то престижной компании потеряла, да и зарплата у меня не ахти какая была), то воспоминания о вчерашней встрече просто разъедали меня до костей. Нет ну какой всё-таки гнида этот Туманов. А с первого взгляда и не скажешь. Вроде вежливый, комплименты отвесил, а потом по набережной предложил пройтись, при этом таким взглядом на меня посмотрел, что я сразу поняла чем закончится эта прогулка. Вот ведь скотина. А у самого обручальное кольцо на безымянном пальце сверкает. Ублюдок. Впрочем, такой же, как и все мужики. Циник. Изменник. Предатель. Да я скорее под забором от голода сдохну, чем к нему в постель прыгну. И Минеев тоже хорош. А я-то его таким милым добрым старичком считала. Без задних мыслей согласилась выручить его, пойти на эту чёртову встречу. Вот уж верно говорят: не делай людям добра — не получишь зла. Только я этого, к сожалению всё никак понять не могу.

Вбежав в клинику, я сдала вещи в гардероб и прямиком направилась к кабинету Ваньки. Слава богу, очереди не было, и ждать мне не пришлось. Как только я появилась на пороге его кабинета, Рушанов широко улыбнулся, потушив сигарету о пепельницу. Ванька — мой лечащий врач и по совместительству мой единственный друг мужского пола. Хотя из девушек у меня собственно тоже только одна подруга. Ванька — просто чудо человек. Замечательный врач. Один из тех, кто никогда не сдаётся. Наверное, если бы не он я бы уже давно крест на себя наложила. А ещё Рушанов...ну как бы это сказать, не совсем традиционной ориентации. Об этом практически никто не знает. Только его самые близкие друзья. И, наверное, благодаря этому мне так легко с ним общаться. Он по-сути самая лучшая подружка, от которой не нужно ждать удара в спину.

— Ну что Стрижева, вот и на нашей улице свинки захрюкали!

После этих слов я облегчённо вздохнула, рухнув в кресло напротив его стола.

— То есть результаты хорошие?

— Результаты просто прекрасные! Если ты и дальше продолжишь строго соблюдать режим, который я тебе составил, и мы проведём процедуры, шанс, что ты сможешь забеременеть — 50 %. Ты понимаешь, какой это прогресс по сравнению с тем, что мы видели в прошлом году?

У меня словно от души отлегло. На глаза даже слёзы выступили. В прошлом году все врачи твердили мне, что детей у меня не будет никогда. Полное бесплодие. А сейчас, 50 %!

— Ванька... Ванька как я тебя обожаю!

Соскочив с кресла, я бросилась к мужчине, чуть не задушив его в стальных объятиях.

— Отлипни от меня Стрижёва, совсем сдурела? Хочешь меня на путь истинный наставить? Тебе потом Костик жизни не даст. Кроме того нам с тобой ещё работать и работать. Ты мне скажи, будем на операцию соглашаться?

— Будем, конечно, будем! Ванька и чем раньше, тем лучше!

— Ты погоди, не спеши так. Я, конечно, понимаю твоё рвение, но ведь помимо риска, пусть и незначительного, для здоровья, встают ещё и материальные проблемы. Ты хоть помнишь, что эта операция вместе с последующей реабилитацией стоит порядка полумиллиона рублей?

— Вань я помню, и деньги совершенно не проблема. Выпиши мне направление, я всё оплачу в бухгалтерии.

Рушанов удивлённо приподнял брови.

— И давно ты такой миллиардершей стала?

— Я возьму кредит.

— Опомнись Стрижёва, кто тебе его даст? У тебя ведь уже есть два немалых, частично непогашенных кредита. А ты собираешься ещё один брать. К тому же на полмиллиона. Я звонил в банк и узнавал, что для этого нужна справка с места работы, подтверждающая, что ты работаешь на одном месте не меньше полугода, а также понадобится справка о твоих доходах.

Эти слова пришили мне как обухом по голове. Чёрт, ну почему Ванька сказал мне это только сейчас? Когда я в пух и прах разругалась с Минеевым. Кто мне теперь эти справки даст?

— Я что-нибудь придумаю.

— И ещё Кристин, после операции надо будет усиленно налечь на... создания ребёнка. Шанс есть только, если ты забеременеешь в течение этого года.

— Я собиралась сделать искусственное оплодотворение.

— Ну, зачем тебе это? Ты молодая красивая девушка. Неужели нельзя просто с кем-нибудь сойтись на несколько месяцев? Кроме того искусственное оплодотворение — это только лишние затраты. Что опять кредит брать будешь? А выплачивать ты всё это как собралась?

Я не знала, что ответить. Конечно, Ванька был прав и по-хорошему, мне было бы лучше, просто найти мужчину на пару ночей, но сама мысль, что я ещё раз позволю какой-нибудь мужской особи прикоснуться к своему телу, вызывала во мне волну отвращения. Но ребёнок... это мечта, которая ещё держит меня на плаву в течение всех этих пяти лет. Разве нельзя потерпеть всего лишь пару ночей для того, чтобы эта мечта сбылась?

— Ладно, Вань, я ещё подумаю над этим. Ты мне выпиши направление, а я постараюсь всё оплатить как можно скорее.

Когда Ванька начиркал мне бумажку, я попрощалась с другом и спешно вышла из его кабинета. Присев на лавочку в коридоре я всё ещё медлила несколько минут, размышляя, правильно ли я поступаю? Может быть, есть какой-то другой шанс получить кредит? Нет. Этого шанса нет. Ванька прав у меня уже есть два непогашенных долга и без этих чёртовых справок никто не даст мне ещё один кредит, тем более на такую крупную сумму.

Глубоко вздохнув, я вытащила из сумки мобильный и набрала номер Минеева.

— Борис Сергеевич, здравствуйте... Я бы хотела извиниться за то, что устроила утром. Я была неправа и постараюсь исправить ситуацию. Дайте мне номер этого Туманова.

— Слушай, ещё парочка таких контрактов как с 'Росторгом' и всё, можно на время расслабиться, — грохнувшись в чёрное кожаное кресло и закинув ноги на стол, Ветров бросил на него папку с документами. — Может, по такому поводу баньку организуем? Девчоночек позовем, я тут на днях с такими красоточками познакомился, просто загляденье. А-то что-то давненько мы так не собирались. Всё работа и работа. Отдыхать-то тоже надо.

— А ты от отдыха этого ещё не устал? Что-то мне подсказывает, что вчера ты Катюшу с отдела продаж не просто так домой решил подвезти, — усмехнувшись, Туманов занял кресло во главе стола. — А на счёт баньки, извини, не могу. Сегодняшний вечер я уже обещал Марине.

Ветров расхохотался, с усмешкой взглянув на фотографию Марка и его жены, стоящую у друга на столе. По снимку можно сказать, что они вполне счастливая пара. Хотя возможно так и есть. Если, конечно, не считать скандалов, которые практически ежедневно закатывала Маринка Туманову.

— И не устал ты ещё от жизни семейной? Вот сколько лет мы с тобой знакомы, а я всё никак не могу понять, на черта тебе оно нужно? В мире столько прекрасных очаровательных девушек, все они, ну или по крайней мере большинство, были бы счастливы закадрить тебя хотя бы на какое-то время, а ты вместо этого сам повесил себе крест на шею до конца жизни засыпать и просыпать только с одной женщиной. Нет, я этого не понимаю.

— Ну, во-первых, Марина — прекрасная партия. Она умная, с ней всегда есть о чём поговорить, она может поддержать любую беседу, она из хорошей семьи, что немало важно. На одних только связях её отца мы с тобой провернули колоссальное количество нужных для компании сделок. Во-вторых, Марина — это удобно. Она хозяйственная, любит и что немало важно умеет готовить, благодаря ней в моём доме всегда порядок. Кроме всего прочего она верная. За все семь лет нашего брака она ни разу не давала мне повода для ревности. Ну, и, в-третьих, я просто люблю её. Хотя тебе вряд ли знакомо это чувство. А, что касается красивых очаровательных девушек, так их вниманием я не был обделён ни до, ни после свадьбы.

— Только Мариша этим вниманием в твоей жизни явно недовольна.

Положив папку с документами в сейф, Марк усмехнулся:

— При желании, можно иметь отношения с несколькими девушками одновременно. Романы на стороне, ещё никогда не ставили под удар наши с Мариной отношения. По крайней мере пока. Надо только уметь шифроваться.

Ветров расхохотался, взъерошив ладонью волосы.

— О да, это на самом деле самое важное. Только у тебя, по-моему, это пока не очень

получается. Чего только интрижка с Беляевой стоила.

— Ну, опыт приходит со временем, — Туманов открыл ноутбук, кликнув мышью на высветившееся сообщение. — Ладно, хватит, сейчас не время наши с Маринкой отношения обсуждать. Сашка пишет, что ему удалось созвониться со Шнайдером. Кажется, он, наконец, готов с нами встретиться. Серый, срочно свяжись с адвокатами, пусть уже сейчас, на всякий случай готовят бумаги. А я пока вызову Похоменко...

Постучавшись, в проходе кабинета появился пожилой мужчина в строгом чёрном костюме с папкой документов в руках.

— Вадим Викторович, ну вы просто ясновидящий. Марк только что хотел вас к себе в кабинет вызвать, а вы уже здесь.

Ветров стрельнул весёлым взглядом в Похоменко, получив в ответ тяжёлый нахмурившийся взгляд мужчины.

— Мне звонил Александр Иванович. Он сказал, что Шнайдеров готов с нами встретиться. Это так?

— Да, это так. Нам, наконец, удалось пробить в нём толстую корку льда, — усмехнулся Марк, прикрикнув на Серого. — Ну, ты чего расселся? С адвокатами кто будет созваниваться?

— Считай, что меня здесь уже нет.

Ветров поднялся с кресла и неспешным шагом прошёл к выходу из кабинета, прежде чем покинуть который, окинул насмешливым взглядом Похоменко. Как только за мужчиной закрылась дверь, Похоменко спешно подошёл к столу Марка.

— Ты уверен, в том, что делаешь? Марк подумай хорошенько, стоит ли связываться со Шнайдером? Предложение, конечно заманчивое, но мне кажется, что надо ещё триста раз подумать. В последнее время репутация Шнайдерова сильно подпортилась. Кроме того меня очень беспокоит, что это дело ведёт Ветров. Этот парень совсем не внушает мне доверия.

— Вадим Викторович, вам ли не знать, что в бизнесе нет места, беспочвенным кажется, может быть и так далее. Всё решают факты и реальные документы, согласно которым мы получим неплохую прибыль от сделки со Шнайдером. А, что касается Серёги, так вы его с первого дня знакомства невзлюбили.

— И на то есть свои причины, — нахмурившись, произнёс Похоменко. — Марк, я не первый день на этом свете живу, и поверь мне, уже прекрасно научился разбираться в людях. Не того ты себе друга выбрал. Ветров — слизкий мерзкий тип. Такой легко может пойти на подлость.

— Вадим Викторович, я вас очень уважаю, правда, но на этот раз вы ошибаетесь. У Серёги, конечно, есть свои недостатки, но он еще, ни разу не давал повода усомниться в верности нашему общему делу. И давайте на этом закончим. Вот, посмотрите, пожалуйста, эти бумаги, если всё в порядке, пусть их отнесут в отдел планирования.

Похоменко нахмурился, взяв в руки толстую чёрную папку. Прежде чем выйти из кабинета, мужчина тяжело добавил:

— Ох, наворотишь ты дел Марк, а Ветров тебе в этом только поможет.

Туманов откинулся на спинку кресла, устало потерев глаза. Станный всё-таки этот мужик — Похоменко. Специалист вроде хороший, в бизнесе не первый день крутиться, а всё к каким-то предчувствиям прислушивается. Только позже, намного позже Марк поймёт, как Виктор был прав. Во всём.

Зазвонил телефон, и Туманов тут же поднял трубку.

— Слушаю.

— Простите, я разговариваю с господином Тумановым?

Из телефона послышался тонкий женский голосок. Марка тут же ощутимо тряхнуло от звука этого голоса. И не только потому, что у мужчины сложилось ощущение, что он его уже когда-то слышал, от этого низкого голоса, в теле Туманова разгорелся пожар, особенно в области паха.

— Он самый. А вы...

— Я Кристина — ассистентка Минеева. Мы с вами встречались в пятницу. Помните?

Марк едва сдержал усмешку. Конечно, он её помнит. Та самая привлекательная серая мышка с острыми ноготками. И чего это ей вдруг понадобилось? Три дня от неё никаких вестей не было, Марк уже начал забывать об этой встрече, как вдруг этот звонок....Ах да, он ведь, кажется, сказал Ветрову оборвать все связи с Генкиной конторкой. Засуетились видать.

— Конечно, помню, вас трудно забыть Кристина.

Усмехнувшись, Марк развалился в кресле, и на несколько минут в трубке повисла тишина. Видимо девушка раздумывала, что ответить.

— Я хотела извиниться, за свой тогдашний скорый уход. Если вы не против, мы могли бы с вами встретиться, тогда, когда вам будет удобно и всё обсудить.

‘...и всё обсудить’ — Марку снова едва удалось сдержать ухмылку. Да, что там обсуждать? Он думал, она его сразу к себе в гости пригласит.

— И на этот раз вы снова так поспешно исчезните? Или позволите мне насладиться вечером в вашем прекрасном обществе?

— Позволю.

Девушка произнесла это после большой паузы и с такой интонацией, что у Марка сложилось впечатление, что эта Кристина готова разорвать его на куски. Туманов усмехнулся. А это интересно. С огоньком, оно всегда круче. В разы круче. Непонятно только, чего эта девчонка так сопротивляется? Может, есть у неё кто? Хотя какая разница? Ему на это наплевать.

— Что ж тогда я со всем не против ещё раз с вами побеседовать, — усмехнувшись на последнем слове, мужчина подумал, на какое время будет лучше назначит свидание с Кристиной. Долго тянуть не хотелось, но вся эта неделя расписана буквально по минутам. Всё забито встречами, переговорами, вечеринками, на которые нельзя не прийти, так как там могут быть очень важные для него люди. Свободен только сегодняшний вечер....Но как же Марина? Опять скандал закатит, что он совсем не уделяет ей времени. А если ‘общение’ с Кристиной пройдет, так как он хочет, вероятно, дома он появится только под утро. И тогда точно очередной вынос мозга. Но с другой стороны провести целый вечер за просмотром какой-нибудь романтической дребедени, а потом переодеться в пижаму и просто лечь спать, потому, что у Маринки наверняка опять голова разболится...нет, Марка даже передёрнуло от одной этой мысли. Ладно, пусть сегодняшний вечер будет его последней маленькой шалостью. — Давайте встретимся сегодня, в восемь вечера. Скажите, куда за вами заехать?

— В офис. Вы помните адрес?

— Конечно, помню. Не бойтесь, не заблужусь.

— Хорошо, тогда до встречи.

— До встречи Кристиночка.

Завив последний локон, я положила плойку обратно в шкафчик и взглянула на своё

отражение в зеркале. Вроде бы ничего. Чёрное строгое платье чуть выше колен с небольшим вырезом на бедре подчеркивает стройность фигуры и вместе с тем остаётся сдержанным и элегантным. Струящиеся локонами волосы уложены в довольно простенькую причёску. Из украшений только позолоченный браслет на запястье правой руки. Косметикой я уже давно не пользуюсь, но сегодня, в виде исключения подвела ресницы тушью и покрыла губы прозрачным блеском. В целом образ получился довольно сдержанным. На свидания так точно не ходят. Но ведь я и не собиралась на свидание. У меня деловая встреча. Правда осознание того, что она состоится с законченным бабником, от которого слишком много для меня зависит, всё-таки заставило меня немного повозиться перед зеркалом.

Открыв нижний шкафчик тумбочки, я невольно опустила взгляд на аккуратно сложенные в самом уголке кружевные чулки. В ту же секунду в голове всплыли болезненные воспоминания. Когда-то очень давно, пожалуй, даже не в этой жизни, я любила одеваться ярко и сексуально. Любила привлекать к себе внимание. Та Кристина, от которой сейчас уже ничего не осталось, любила вот эти самые кружевные чулки, кружевное бельё, красивые модные вещи. Она не могла представить, как можно выйти на улицу без макияжа или стильной причёски. Наверное, она бы фыркнула, если бы увидела мой теперешний гардероб.

Я резко зажмурилась, заставив себя отогнать непрошенные воспоминания. Всё. Хватит. Это уже в прошлом. Теперь вместо кружевных чулок — капроновые колготки. А яркие модные вещи заменяют длинные старомодные юбки и бесформенные свитера. Правда сегодня я заставила себя сделать исключение. От этой встречи слишком многое зависит. Мне кровь из носу надо получить эти контракты. И дело даже не только в кредите. Помимо неплохой премии, которую я получу в случае удачной сделки, я ещё пойду на повышение. По крайней мере так обещал Минеев. А это бы сейчас пришлось очень кстати. Если всё получится, а всё обязательно получится, я в этом уверена, тогда мне будет просто необходим хороший стабильный заработок. Помимо того, что кредиты нужно будет погашать, ребёнок — это целая куча затрат. И самое плохое, что именно сейчас, когда наступил, пожалуй, самый ответственный момент в моей жизни от меня самой по-сути ничего зависит. Я полностью во власти этого Туманова.

Взглянув на наручные часы, я тихо чертыхнулась. Уже без четверти восемь. Надо поспешить. Хотя больше всего на свете мне сейчас хочется зарыться под одеяло и никуда не идти. Но, несмотря на свои желания, я всё же накинула на себя лёгкое чёрное пальто и вышла из квартиры, закрыв входную дверь на ключ.

До офиса я добралась, как и обычно на автобусе. Опоздала на пятнадцать минут. Правда, Туманова это, по-моему, совсем не волновало. Завидев меня, мужчина потушил сигарету, широко улыбнулся и открыл передо мной дверцу своей иномарки.

— Добрый вечер Кристина, если честно я думал, мне придётся провести на свежем воздухе ещё минут двадцать-тридцать.

— Простите, нужно было выйти пораньше.

Я села на пассажирское кресло возле водителя и уже через секунду за мной захлопнулась дверца. Обогнув машину, Марк занял место за рулём, и не прошло и мгновения как мы тронулись с места.

— Это вам. Вы сегодня безумно красивая.

В ту же секунду на моих коленях оказался просто восхитительный букет из роз и лилий. Очень нежная композиция. Наверное, если бы я увидела такой шедевр на прилавке цветочного киоска, не смогла бы сдержать восхищённого вздоха. Хотя такие вряд ли

продаются в киосках. Наверняка сие чудо из какого-нибудь супер дорого цветочного салона. А впрочем, всё равно. Как только освобожусь от общества этого кретина, выкину букет в первую попавшуюся урну.

— Спасибо. Великолепный букет. У меня тоже для вас кое-что есть, — в глазах мужчины блеснули искорки удивления, а я достала из сумки толстую чёрную папку. — Здесь контракты, с обновлённым прейскурантом цен, а ещё как приложение идёт...

Марк рассмеялся. Неожиданно, я даже чуть было рот от удивления не приоткрыла. Мужчина взъерошил ладонью пепельно-черные волосы и перевёл на меня взгляд, в котором плясали чёртики.

— Хороший же вы мне подарок приготовили. Кристина, давайте оставим эти формальности на потом. Я только что вернулся с деловой встречи, не хотелось бы сейчас снова загружать себя всеми этими контрактами.

‘Он оттягивает время. Специально сбивает меня с толку. Чёрт, что ему нужно? Хотя понятно что. Похоже, мне не удастся с ним договориться, пока он не снимет со мной напряжение от своей недавней деловой встречи’. Меня передёрнуло от таких мыслей. Конечно, я знала, точнее, предполагала, что эта встреча может закончиться чем-то подобным. Но я всё же надеялась, что мне удастся как-то выкрутиться.

— Думаете, я вас обманываю? Оттягиваю время? — он нахмурился, на его лбу выступили морщинки. Улыбка моментально сошла с его лица. — Мне просто не хотелось бы, обсуждать все эти дела в машине. Мы сейчас подъедем к одному очень уютному ресторанчику, там и поговорим, заодно и поужинаем. Я ужасно голоден. С утра ничего не ел. Надеюсь, вам нравится итальянская кухня?

Я слегка опешила. Никак не ожидала, что Туманов может пойти мне на встречу. Хотя... вечер ещё не закончился.

— Да, вполне.

Всю оставшуюся дорогу, мужчина ввёл машину молча. А я сама того не замечая начала украдкой его разглядывать. Сквозь опущенные ресницы я смотрела на него долго, наверное, даже слишком долго и у меня создалось абсолютно точное впечатление, что я ещё не встречала таких мужчин, а если и встречала, то очень давно, в той, прошлой жизни. От Минеева я узнала, что Марку через пару месяцев исполнится тридцать. Но в этой белой рубашке, расстёгнутой на две верхних пуговицы и не заправленной в тёмные джинсы, он мог бы сойти за моего ровесника. Он в прекрасной физической форме. Тело рельефное мускулистое. В карих глазах все ещё пляшут чёртики, искорки какого-то мальчишеского веселья. Присутствует лёгкая небритость, но его внешности она только придаёт шарма. На шее серебряная подвеска со скорпионом. В эту секунду Марк подловил мой взгляд, и я смущенно опустила глаза на свои колени.

— Нравится?

Голос ехидный усмехающийся. Но не по злomu, а скорее с ноткой какого-то задорства.

— Красивая вещь. Где купили?

Не знаю, зачем задала этот вопрос. Наверное, чтобы мужчина чуть подзабыл, что ещё несколько секунд назад я его так бестактно разглядывала.

— А что? Хотите купить подарок своему парню или может другу?

Его глаза подёрнулись вдруг какой-то непонятной мне дымкой недовольства и тут же погасли. Но от моего взгляда не осталось незамеченным, с какой силой он сцепил пальцы на руле.

— Нет, просто обычное любопытство. А что это какой-то секрет?

Я ушла от вопроса. Да и что мне было отвечать? Хотелось, ой как хотелось сказать, что у меня есть молодой человек или даже жених. Кто знает, может ему знакомо такое понятие как мужская солидарность. Но с другой стороны, не в моих интересах сейчас вступать с ним конфликты. Вот подпишет бумаги и всё, смогу выдохнуть спокойно.

— Нет. Этот кулон — подарок. Я не знаю, где он был куплен.

По голосу Марка я сразу поняла, что разговор на эту тему он продолжать не желает. В голове сразу всплыла догадка: видимо это подарок от его жены. Даже усмехнуться захотелось, но вместо этого я перевела взгляд на его ладонь, подметив, что на безымянном пальце нет обручального кольца. Снял. Для чего интересно? Специально перед встречей со мной? Если так, то мне это ничем хорошим не сулит.

Марк остановил машину возле какого-то здания, вылез из автомобиля, обогнул его и помог выйти мне. Когда я взглянула на вывеску здания, куда меня привёз Туманов, я невольно подвернула ступню, чуть было, не сломав каблук и свалившись на грудь мужчины. Тут же мне на талию легла сильная мужская рука, а ладонь второй я ощутила на бедре, там, где был вырез платья. Краска стыда моментально прилила к моим щекам. И не столько потому, что я была прижата к мощному сильному мужскому телу, не столько потому, что мою шею опаляло горячее дыхание, а скорее от того, какие ощущения я от всего этого испытывала. Мою кожу начало покалывать в тех местах, где он касался меня. И внизу живота разгорелось уже давно забытое томление. Дьявол. Только этого мне сейчас не хватало. Я осторожно попыталась высвободиться из объятий, и мужчина тут же разжал руки. Хотя я видела, как горел его взгляд, как дёрнулся кадык на его горле и ладони сжались в кулаки.

— Спасибо, что помогли, — я прикусила губу, мысленно приказав себе успокоиться. — Вы привезли меня в гостиницу?

Я кивнула на вывеску здания.

— Здесь на первом этаже прекрасный ресторан итальянской кухни, — ответил чуть хрипловатым голосом, по-прежнему не сводя с меня горящего взгляда. Чёрт, он ведь даже не скрывает мыслей, которые вертятся у него в голове. Кретин. Мог бы проявить хоть капелючку уважения. Я ему всё-таки не девочка по вызову, которую можно вот так откровенно разглядывать и возить по мотелям. — Пойдёмте?

Я могла отказаться. Просто развернуться и уйти. Но это бы сразу значило, что на мечте родить ребёнка я могу поставить крест. Минеев ясно дал мне понять, что я не получу справок с работы, пока он не получит эти чёртовы контракты. И плевать ему, что мне, возможно, придётся на горло себе наступить, вывалить себя в грязи, чтобы достать эти несчастные бумажки.

— Пойдёмте.

Как только мы вошли в гостиницу, и я увидела, что на первом этаже действительно расположен небольшой ресторан, на пару секунд мне удалось облегчённо вздохнуть. Признаться, я думала, что Туманов, что-нибудь соврёт и сразу попытается затащить меня в номер. А, что ещё ужасней возможности отказаться в данной ситуации я практически лишена. Заняв дальний столик, Марк учтиво помог мне сесть, только, после чего устроился в кресле напротив меня. Практически сразу к нам подошёл официант и с натянутой улыбкой выдал отчеканенный вопрос, что мы будем заказывать.

— Кристина?

Взяв меню, я на автомате пролистала пару первых страниц, так ничего и, не заметив. Самое меньшее, что меня сейчас волновало — еда. Но сделать заказ всё-таки было необходимо. Чем больше мы здесь сидим, тем больше вероятность, что мне удастся раскрутить его на контракты и увильнуть от предложения переместиться в номер. А в том, что Марк собирается мне это предложить я даже не сомневалась.

— Чашечку крепкого кофе, если можно, и какой-нибудь десерт.

Марк на меню даже не взглянул. Заказ сделал сразу после меня. Видимо он частенько бывает в этом ресторане...или в этой гостинице.

— Бутылку 'Lafite' 99-го года и стейк на гриле с перечным соусом.

— Отличный выбор. Всё будет готово через несколько минут.

Чиркнув, что-то в своём блокноте, официант удалился, а я тут же почувствовала себя неуютно. Всё внимание Марка было приковано ко мне и от этого я мягко, скажем, чувствовала себя не в своей тарелке. Быстро достав из сумочки папку, я положила её на стол.

— Вот взгляните. Сначала идут непосредственные эскизы, которые ранее уже были утверждены, вот здесь — прейскуранты цен...

— Я не первый год сотрудничаю с Генкой и знаю наизусть каждую строчку из тех бумажек, что лежат у вас в папочке.

После этих слов мне стало ещё больше не по себе. Наконец решившись, я подняла взгляд на мужчину и тут же пожалела об этом. В его глазах плескалась совершенно откровенная наглость, дерзость и усмешка. У меня мурашки пошли по коже, от этого взгляда. Наверное, ещё никогда раньше на меня никто так не смотрел. Никто столько дерзко не раздевал меня взглядом, тем более всего при второй встрече. Дьявол, а ведь этот мужчина даже не скрывает, что в гостиницу мы пришли вовсе не с целью ужина.

Прикусив нижнюю губу, я с трудом заставила себя перевести взгляд обратно на папку. На ладонях выступили капельки пота, а по телу прошла целая волна предательской дрожи. 'Спокойно Кристина. Возьми себя в руки. Не поддавайся. Он тебя провоцирует'.

— У нас появились и новые работы. Посмотрите, я думаю, это вас заинтересует.

— Меня интересует вовсе не содержимое вашей папки, — Туманов усмехнулся, опустив взгляд на мои губы, и я вновь почувствовала, как меня начинает одолевать паника. Чёрт, пусть он прекратит, иначе я не выдержу и сбегу прямо сейчас. — Скажите, а там есть ваши работы?

Этот вопрос одновременно и ввёл меня в тупик и мысленно заставил сделать облегчённый вздох. Наконец-то он начал говорить о делах.

— Нет, здесь их нет.

— А вообще вы этим занимаетесь?

— Конечно, правда в основном Минеев выдвигает на тендеры только свои работы.

Взгляд Марка стал более серьёзным, но при этом в нём всё также продолжали сверкать дерзкие искры. У меня даже в горле пересохло. Определённо его взгляд наводил на меня панику, но вместе с этим он вызывал во мне какие-то непонятные, казалось бы, давно забытые чувства.

— Я хочу увидеть ваши работы. Это возможно?

Возможно ли это? Конечно, возможно. В последнее время я всё чаще стала братья за карандаш. Но практически все мои работы находятся дома, и чтобы показать их Марку мне придётся пригласить его на чашечку кофе. Ну, уж нет. Меня передёрнуло только от одной

такой мысли.

— Думаю да. Мои работы находятся в моём компьютере, в офисе. Я могу скинуть их вам по электронной почте.

Марк усмехнулся, и я вновь почувствовала неловкость. Видимо он сразу догадался и что я вру, и что лишний раз не желаю с ним видеться. Кажется, он собирался, что-то мне ответить, но к счастью в этот момент к нам подошёл официант, поставив блюда на стол и тут же удалившись. Взяв моё кофе, Марк высыпал туда сахар, размешал и протянул мне чашечку.

— Спасибо. Но я вообще-то люблю без сахара.

Неожиданно его губы растянулись в улыбке. Чёрт, в дьявольской улыбке, невероятно заразной. Мне даже зажмуриться захотелось, чтобы не улыбнуться в ответ.

— Что ж, так как я испортил ваш кофе, думаю, справедливо будет отдать вам своё вино. Желание улыбаться отпало в одночасье. Я перевела на мужчину шокированный взгляд, не понимая, шутит ли он или говорит серьёзно.

— Нет, что вы, я не пью.

— Ну, я ведь не предлагаю вам опустошать всю бутылку, — Марк вновь улыбнулся, только уже по-другому, с определённой долей лукавства. Наполнив бокал тёмно-красной жидкостью, мужчина протянул его мне. — Всего один бокал. Уверен после него вы не впадёте в пьяное разгулье и не потащите меня в какой-нибудь номер этой гостиницы.

Я заплыла краской. Чёрт, его последние слова вызвали судорогу в моём теле, проняли до самых костей. Взяв бокал, я, уже не особо осознавая свои действия, сделала один большой глоток, после которого вина в бокале осталось разве что всего пару капель. Зато уже через пару секунд мне стало лучше. Значительно лучше. По крайней мере спало это ужасное напряжение.

Проследив за моими действиями, Марк улыбнулся, всё с той же долей дерзости и наглости во взгляде. Теперь он уже совершенно откровенно смотрел на мои губы и, кажется, я даже на каком-то интуитивном уровне чувствовала, что он предвкушает смять их в жадном поцелуе. Мои щёки вновь заплыли краской. Сердце забилося в дьявольском, бешеном ритме. Вновь захотелось сделать небольшой глоток вина для храбрости, но попросить наполнить мой бокал во второй раз я не решилась. А взгляд Марка становился всё более откровенным. Он раздевал меня. До нижнего белья. Нет, он в клочья разрывал на мне всю одежду. А я...а я почему-то не испытывала привычного отвращения. Внизу живота, что-то болезненно заныло. Не знаю, то ли на меня так вино подействовало, то ли взгляд Марка, но в помещении вдруг стало ужасно душно. Теперь я уже сама думала о чём угодно, только не о работе.

Внезапно мужчина накрыл ладонью мою ладонь, и прежде чем забрать у меня бокал, несколько секунд я чувствовала на себе его прикосновение. И эти чувства, ощущения, которые я при этом испытывала, мне совсем не понравились. Они пугали меня. Наверное, мне не стоило пить вино. Да, несомненно, всё дело в алкоголе. Иначе бы разве в здравом уме я сама могла бы хотеть оказаться с ним в номере? Чёрт, Кристина, да возьми ты себя в руки! Что с тобой происходит? Где твоя выдержка? Куда подевалось твоё отвращение к этому мужчине?

— Марк, я...

— Давайте потанцуем?

Кажется, это был вопрос из ряда тех, на которые даже не требуется ответа. Уже через пару мгновений мы кружили по залу, а я медленно начинала сходиться с ума, чувствуя его

ладони на своей талии, его горячее, обжигающее дыхание — на шее. Пожар внизу живота разгорался всё больше и больше. Остатки сознание твердили мне, что надо немедленно прекратить это безумие, и когда ладонь Марка начала постепенно съезжать мне на бедро я нашла в себе силы оттолкнуть её. Точнее я хотела это сделать, я даже уже накрыла его ладонь своей, как вдруг он резко приподнял моё лицо, заставляя посмотреть в его глаза. В эту же секунду я задохнулась. Горло продрало. Его глаза, его дьявольские глаза обещали мне сущее безумие. Сейчас на меня смотрел хищник. Смотрел жадно, страстно, испепеляющее. На меня уже давно так никто не смотрел. Нет, на меня вообще никогда и никто так не смотрел. Этот взгляд не просто будоражил в моём теле лёгкое желание, он, заставлял меня сгорать в безумии, плевать на всякий разум. Он чёрт подери, заставлял меня чувствовать себя женщиной. Желанной женщиной.

Это забытьё продлилось всего мгновение. И я не знаю, чем бы оно могло закончиться, если бы в кармане джинс Марка не запиликал телефон. Он в буквальном смысле спас меня и вывел из себя Туманова. Сжав челюсти так, что меж них проступили желваки, мужчина лишь на пару сантиметров отстранил меня от себя и достал мобильный. Взгляд Марка сразу стал серьёзным, стоило ему лишь только перевести его на дисплей.

— Простите, я отойду на пару секунд...

Пока Марк разговаривал по телефону, я перебралась за столик и жадно выпила своё кофе, не обращая внимания на сладкий привкус. Ароматный напиток смог немного привести меня в чувства, и теперь я вцепилась в свою папку как утопающий в спасательный круг, сквозь опущенные ресницы, наблюдая за Марком. Я не слышала разговора, но по лицу мужчины совершенно точно могла понять, что он недоволен. Нет, он зол. Чертовски зол. Кто мог так резко испортить ему настроение? Обдумать этот вопрос я не успела. Марк убрал телефон обратно в карман и подошёл к нашему столику.

— Мне надо срочно отъехать. Скажите, сколько контрактов вы хотели заключить?

Я посмотрела на папку, дрожащими руками открыв её. Вот сейчас всё решится. Он либо подпишет бумаги, либо прощай моя мечта стать матерью.

— Ну, в этом месяце мы внесли кое-какие изменения и...

— Сколько?

Голос мужчины был столь требовательным, что я сразу ответила:

— Восемь.

— Они у вас с собой?

— Да.

— Давайте их сюда, я подпишу.

Не веря своему счастью, я протянула мужчине бумаги. Перед глазами у меня всё поплыло. Сердце радостно забило где-то в горле. Мне даже показалось, что у меня за спиной выросли крылья. Неужели это всё? Так просто? Он действительно подпишет эти бумаги, и мы с ним больше никогда не увидимся? Я навсегда избавлю себя от его общества?

Ещё толком не успев прочувствовать всю эйфорию от внезапно свалившегося счастья, я в удивлении уставилась на обратно протянутую мне папку.

— Но вы ведь подписали только один договор...

— Верно. Второй я подпишу при следующей встрече, ровно, как и третий и все остальные. Чем чаще мы будем видеться — тем быстрее вы получите все бумаги. Я не хочу, чтобы наше знакомство так заканчивалось. Но я не настаиваю. Вы можете отказаться, если хотите.

Отказаться? Я могу отказаться? Да, чёрт подери, я могу отказаться, а ты скотина погонная не подпишешь ни одного контракта и тот, на котором уже поставил свою заковырку, порвёшь. А уже завтра Минеев выставит меня за дверь без всяких справок. За этим следует, что кредит мне не дадут. Придётся искать новую работу, ждать ещё полгода и только потом я, возможно, наконец, смогу взять кредит, но он будет уже не нужен. Нельзя тянуть так долго, у меня нет столько времени. Мне нужен этот чёртов кредит прямо сейчас!

В эту секунду мне так сильно захотелось разбить бутылку с вином о голову Туманова. Ну, какая же сволочь! Ненависть к этому мужчине всколыхнулась с новой силой. Он загнал меня в ловушку, из которой я просто не смогу выбраться.

— Нет, я...я тоже хочу узнать вас поближе.

Вряд ли он поверил в искренность моих слов, но во всяком случае возражать ничего не стал.

— Пойдёмте, я отвезу вас домой.

Хотелось тут же ответить твёрдое и категорическое 'нет', но я смогла перебороть себя. Находиться ещё около получаса в обществе Туманова, конечно, не очень хотелось, но, что-то мне подсказывало, что на этот раз он не будет пожирать меня взглядом и тем более распускать руки. Мужчина выглядел слишком раздражённым и взбудораженным. Интересно, как один телефонный звонок смог произвести на него такое впечатление?

Расплатившись по счёту, Марк проводил меня до машины. Как я и думала, в этот раз он даже не смотрел в мою сторону. Всё его внимание было сосредоточенно целиком на дороге, иногда он кидал волнительные взгляды на свой сотовый. И хотя мужчина практически не обращал на меня внимания, мне всё равно было неудобно находиться рядом с ним, да ещё и наедине.

По весьма понятным причинам я не стала называть Туманову свой настоящий адрес. Мужчина остановил машину во дворе одной моей знакомой, которая жила в двух кварталах от меня. Дождавшись пока машина строится из виду, я спокойно дошла до своего дома, и стоило мне очутиться у себя в квартире, как я обессилено свалилась на пол прямо в прихожей. Подняться, снять пальто, туфли и еле как доползти до кухни мне стоило невероятных усилий. Порывшись в пустом холодильнике, я так ничего и не вытащив оттуда, уже было хотела спуститься к киоску и купить пачку сигарет, но вовремя одумалась. Нельзя. Пока надо забыть об этом пагубном пристрастии. По крайней мере до тех пор, пока я не возьму на руки своего малыша. И если я хочу, чтобы этот малыш был здоровым, мне придётся немного потерпеть. Хотя курить, конечно, хотелось жутко. Возможно, пара затяжек сейчас смогла бы привести меня в чувства. Хотя вряд ли. После того, что сегодня случилось, не думаю, что одни сигареты смогли бы мне помочь. Что это было? Что со мной произошло? Почему моё тело так отреагировало на взгляды и прикосновения этого мужчины? И ведь отреагировало весьма примитивно. Я возбуждалась. Чёрт подери, я первый раз за многие годы возбуждалась не от собственных весьма редких ласк в душе, а из-за мужчины. Мои соски затвердели под его взглядом. Внизу живота болезненно заныло, а когда во время танца он положил ладонь на моё бедро, мне вдруг невыносимо сильно захотелось переместиться с ним в номер той чёртовой гостиницы. Хотя...что в этом собственно удивительного? Уже более пяти лет я не была близка с мужчиной. Видимо природа, наконец, начала брать своё. Конечно, когда тебе всего двадцать пять лет хочется секса, страстной чувственной любви, а не редкого онанизма в душе. Только вот почему всего этого мне захотелось именно сейчас и именно с этим мужчиной? Хотя ответ на этот вопрос,

думаю тоже весьма простой. Марк первый мужчина за все эти годы, которого я пусть и не совсем по собственному желанию, но всё же подпустила к себе. С того самого дня как я подписала бумаги о разводе, я стала держать всех мужчин на расстоянии. Более-менее близко я общалась только с парой коллег по работе и Ванькой. Но ведь это совсем другое, не сравнить с сегодняшним вечером. Именно сегодня я первый раз за долгое время почувствовала себя женщиной. И не просто женщиной, а до безумия желанной женщиной. Так как смотрел Марк, на меня уже давно или может быть, совсем никогда никто не смотрел. И почему-то я испытывала весьма противоречивые чувства от этого взгляда. Наглость и дерзость пробуждали давно забытый пожар в моём теле, а вот эта самодовольная усмешка альфо-самца, который, по-видимому, всегда привык получать желаемое, меня дико раздражала. Меньше всего мне хотелось становиться очередным трофеем Туманова, но есть ли у меня выход? Теперь мне предстоит выстоять ещё семь встреч с этим мужчиной, учитывая, что один контракт мне еле как удалось выбить. И смогу ли я отстоять столько времени? А даже если у меня и получится справиться с самой собой, Туманов всё равно потащит меня в постель, и ведь я не смогу сказать 'нет'. Мне нужны эти контракты как воздух, и если ради них потребуется провести несколько ночей с мужчиной, который к тому же мне в какой-то степени весьма симпатичен, кто меня осудит? Его жена. Да, чёрт подери, не стоит забыть, что Марк несвободен. И хотя его жена — это целиком его проблемы, которые никак не должны меня волновать (не собираюсь же я становиться его любовницей), меня всё равно коробит мысль, что я заставлю какую-то женщину чувствовать всё то, что сама когда-то испытала. Боль, страдания, унижения... Но ведь меня никто не пожалел. Никто не подумал о моих чувствах. От меня практически все отвернулись, предали. Почему теперь я должна думать о чувствах других, даже совсем незнакомых мне людей? Когда на кону стоит мечта всей жизни, я не имею право упускать этот шанс. И будь, что будет.

Пять лет назад

Когда в палату вошла Аня, я попыталась приподняться на кровати, но мои силы меня подвели. Мне еле как удалось опуститься на подушки.

— Тише, не надо, лежи, тебе сейчас отдыхать нужно... — попыталась улыбнуться, а в глазах плохо скрытое сочувствие. Поставив какой-то белый пакет на тумбу, возле моей кровати, сестра нервно прикусила нижнюю губу. — А я вот тебе фруктиков принесла. Тут твои любимые бананчики и земляничка... Господи, Кристина, зачем ты это сделала?

Сестра закрыла лицо руками, её хрупкие плечи стали вздрагивать от тихих всхлипов. А я не знала, что ответить. Мне хотелось её успокоить, но слов для этого совершенно не было. Я только спрятала перебинтованные запястья под одеяло.

— Не надо Ань, не плачь. Что сделано — то сделано, уже ничего не вернёшь. Я же, к сожалению, не умерла... Только невинную жизнь погубила.

Положив руки на живот, я испытала уже привычную за прошедшие несколько дней пустоту. Даже боли нет. Закончилась. Иссякла. Удивительно как быстро могут разбиваться мечты, надежды... Ни один человек не может сказать, что его ждёт в следующее мгновение. Всё может измениться, разрушиться за какие-то секунды. Вот, например, ещё дня три назад, я думала, что всё, наконец, начинает налаживаться. Со мной рядом верная подруга, любящий муж, а у меня в животе развивается новая жизнь. Подарок Бога. Долгожданный подарок, о котором так мечтал супруг. А сегодня у меня уже ничего нет. Ни верной подруги, ни

любящего мужа, ни так и не родившегося ребёнка... Меня ведь тоже не должно было быть. Ну почему врачи успели? Почему Аня решила зайти ко мне именно в тот день?

— Не говори так, — сестра всхлипнула и подняла на меня заплаканные глаза. — Что бы со мной было, если бы тебя не стало? Я бы ведь никогда не смогла себе этого простить... Ты извини меня Крестюшь, за то, что я так редко приходила к тебе, толком и не поддерживала... Когда у человека горе, всем сразу как-то становится некогда. Сразу появляются куча своих забот... Прости сестрёнка, такого больше не будет. Я теперь всегда с тобой.

— Не надо. Мне не нужно это самопожертвование.

— Ты идиотка! — сестра так вскрикнула, что я даже немного испугалась. — Решила поставить на себе крест? Превратиться в овощ или свести счёты с жизнью? А из-за кого? Да плюнь ты на них! Забудь, будто и вовсе их не было в твоей жизни. Бог им судья. Когда-нибудь они за всё ответят.

— Ответят или нет, мне уже всё равно. Я никогда не встану с этой чёртовой инвалидной коляски, а снова переваливать на кого-нибудь такую обузу, я не буду.

— Конечно, не будешь. Потому что с сегодняшнего дня у тебя начнётся новая жизнь полная отчаянной борьбы и невероятного упорства. Ты из кожи вон вылезешь, но снова будешь ходить и назло всему миру, ты станешь счастливой. Пускай не сразу, но обязательно станешь. А мы тебе в этом поможем.

Я удивлённо посмотрела на сестру.

— Кто это 'мы'?

— Я нашла тебя замечательного врача. Пускай, он ещё довольно молод, но зато он очень талантлив и относится к тому разряду людей, что никогда не при каких обстоятельствах не опускают руки. Я уже с ним разговаривала, завтра он придёт к тебе, и только попробуй его выгнать. Я не дам тебе поставить на себе крест.

Спорить с сестрой я не стала. Пусть приходит этот врач. Вряд ли он чем-то сможет мне помочь, но попытка не пытка. Может и правда, что-то получится.

Вспомнив о сегодняшнем утреннем звонке, я пересилила себя и смогла немного приподняться на кровати.

— Ань, я сегодня звонила домой, хотела поговорить с мамой, но трубку взяла тётя Даша.... Скажи, почему услышав мой голос она испуганно вскрикнула и сбросила звонок?

Аня замешкала с ответом. Сестра явно напряглась от моего вопроса.

— Ну, понимаешь... мама узнала о том, что вы с Лёшей расстались и о том, что ты пыталась покончить с собой...

Аня замолчала, а на меня накатило какое-то дурное предчувствие. Если мама уже обо всём знает... почему она не пришла меня навестить? Конечно, после аварии мы практически перестали видеться. Мама не приходила ко мне домой, бывало, звонила несколько раз в неделю, но не виделись мы с ней уже месяца два. Анька подбадривала меня, говорила, что у мамы просто много дел, но она очень любит и переживает за меня, а я понимала, что это неправда. Точнее, конечно, мама меня любит, но на первом месте для неё всегда стоял престиж семьи, в который больная дочка-инвалид, конечно не вписывалась. Тем более с тех пор, когда мама вышла замуж за депутата.

— И что? Что она сказала?

Аня отвела глаза и на несколько минут в палате опять повисла нагнетающая тишина, которая начала меня ужасно раздражать.

— Аня, что она сказала?

— Ты...ты только не принимай близко к сердцу, и пожалуйста, не падай духом. Мама она...она сказала родственникам, что ты умерла.

Марк гнал машину по ночному городу изо всех сил пытаясь сдержать нецензурную брань. Чёрт, похоже, именно сейчас он начинает понимать всю прелесть семейных отношений. Маринка ему не просто не доверяет, теперь она ещё стала его контролировать. Отслеживать каждый шаг. Ведь перед тем как заехать за Кристиной он позвонил жене, предупредил, что у него на работе образовалось срочное незапланированное совещание и приедет он уже ближе к ночи. И ведь отмазка вроде нормальная, раньше всегда срабатывала, да у него и правда на работе часто случались авралы, и Марина никогда не закатывала по этому поводу скандалов. Но нет, сегодня она видимо решила сделать исключение. И какого чёрта её вообще к нему на работу понесло? Что-то Марку не верилось, что жена и вправду просто проходила мимо, как она сказала. Похоже, за ним установилась капитальная слежка. Теперь и шагу без надзора сделать будет нельзя. Особенно налево. Так ведь ладно, нравится Маринке в шпионов играть — пусть играет, но почему именно сегодня? Чёрт, такой вечер сорвала. От мыслей о Кристине у Туманова даже голова закружилась, пришлось с силой сцепить пальцы на руле и сосредоточить всё внимание на дороге. А ведь возможно именно сейчас он мог бы уже наслаждаться её упругим телом в уже бронированном отелем номере. Только представив, как он будет стягивать с Кристины трусики, у Марка продрало горло. Да эта бестия завела его не на шутку. Поначалу Марк и правда старалась вникнуть в то, что она говорит, но взгляд сам собой опускался не туда, куда нужно. То в вырез её платья на ноге...чёрт, а ноги-то охринительные. Стройные точёные. Ещё бы увидеть, как их обтягивает ткань кружевных чулок,...хотя нет, лучше не надо. Он бы, наверное, кончил от одной такой картины. Дьявол, было просто преступлением скрывать такую красоту под длиннющими мешковатыми юбками. А ведь сегодня она оделась иначе. Никак столичные штучки, конечно. Платье довольно закрытое, а от того пробуждает в нём ещё большее желание. В отличие от всех девиц, с которыми Туманов привык иметь дело, Кристина поставила между ними какую-то невидимую грань. И хотя сегодня она ввела себя намного более раскованнее, чем при их первой встрече, Марк всё равно чувствовал, что девушка изо всех сил борется с собой. Именно с собой, со своими чувствами. А ведь он ей понравился. Марк мог дать за это голову на отсечение. Она точно прониклась к нему определённой симпатией, и это напугало её. Да он видел страх в её глазах. Страх не от того, что она боится близости с ним, а, наоборот, от того, что она её желает. Это одновременно и забавило Туманова и побуждало в нём ещё большее желание. Чем труднее добиваться девушку, тем приятнее потом наслаждаться выигрышем. И ведь сегодня он бы уже мог победить. Даже, несмотря на страх, смущение и невероятное яростное сопротивление, Кристина захмелела от вина. Чёрт, только вспомнив, как она прижалась своими сочными пухлыми губами к бокалу, Марк судорожно сглотнул слюну. Нет, он получит эту женщину. Обязательно получит. У него до сих пор ломит в паху от их встречи, а аромат её простеньких духов, кажется, ещё долго будет его преследовать. И дьявол он просто жаждет почувствовать, как будет извиваться под ним её упругое тело, как с её губ будут срывать хриплые стоны наслаждения. Кристина станет его женщиной. Пусть всего на несколько ночей, но обязательно станет.

Открыв дверь своим ключом, Марк едва смог сдержать чуть не сорвавшийся с языка мат. В прихожей стояла жена, закутанная в одеяло. И как всегда Маринка смотрела на него мокрыми от слёз глазами, с вечным укором во взгляде. Дьявол, опять назревает скандал.

— Ну и где ты был?

Сняв пальто и повесив его в шкаф, Туманов попытался приобнять жену, но она брезгливо от него отшатнулась. Чёрт, как он устал от всего этого. ‘Где ты был?’ — как же ему уже отошнотворил этот извечный вопрос, который так обожают задавать все женщины.

— На встрече. Обсуждал деловые вопросы с Полянским я ведь, кажется, уже говорил тебе.

— Хватит врать! — жена вскрикнула, закрыв уши руками. Вот дьявол, только истерики ему не хватало. Опять попытался её обнять, но Маринка снова отшатнулась от него как от прокажённого. — Я была у тебя на работе и прекрасно знаю, что никакой встречи не было, а если и была, то уж точно не с Полянским. Ты ушёл из офиса в семь вечера, а я звонила тебе в половине восьмого, и ты сказал мне, что ты ещё в компании!

— Я сказал, что я на переговорах, которые были не в компании, а в ресторане. Ясно?

— Ясно, конечно, ясно, — Маринка жалостно всхлипнула, утерев слёзы. — Только я почему-то не верю ни одному твоему слову, ну вот вообще не верю. Скажи, ну почему ты так со мной поступаешь? Почему я вынуждена всё это терпеть? Ты ведь обещал, ты обещал мне, что с другими женщинами покончено, что ты любишь только меня и тебе больше никто не нужен. Ну почему теперь я вынуждена примерять на себя роль самой рогатой жены самого объемлемого бабника?

— А почему я-то должен всё это терпеть?! — Марк не выдержал и в первый раз за долгое время повысил голос на жену. Обычно он старался спокойно переносить её выходки, но сегодня она превзошла саму себя. Её истерики скоро его просто доконают. Неужели все женщины становятся такими ненормальными, когда получают свои штампы в паспорта? Ведь до свадьбы у них всё было хорошо. — Я весь день пахал как проклятый, только и думал, когда, наконец, получится вырваться домой к любимой жене, которая устроила мне грандиозный разнос. Ну чего ты хочешь? Не веришь, что я ужинал с Полянским? Господи, ну позвони ему, он всё тебе подтвердит.

Жена истерически хохотнула, нервно прикусив нижнюю губу. В её глазах опять блеснули слёзы.

— Конечно, подтвердит. Полянский такой же бабник, как и ты. Думаешь, я забыла, что это именно он устроил тебе мальчишник в сауне и пригласил стриптизёрш? Какой толк ему звонить, он с превеликим удовольствием покроет любое твоё похождение. Вот может, будет лучше позвонить в ресторан, в котором вы ужинали? Наверняка, это какое-нибудь дорогое место. Там обычно знают клиентов по именам.

— А знаешь, звони, — Марк понимал, что рискует. В том ресторане, в котором он сегодня был, его действительно знали в лицо. Довольно часто он посещал не только ресторан, но и отель. И если жена действительно решит позвонить, пожалуй, одним скандалом он не отделается. Но с другой стороны, ему уже так осточертели эти истерики. Скоро волосы начнут выпадать. — Звони, проверяй, выискивай. Вообще делай, что хочешь. Меня это уже всё достало. Мало того, что на работе сейчас напряжёнка, так теперь и домой лучше не приходиться. Ты доконала меня своим постоянным недоверием.

Сняв обувь, Марк прошёл мимо затихшей жены в кухню. Достал из джинс пачку сигарет, закурил. Интуитивно почувствовал присутствие Марины за спиной и уже через

секунду, девушка прижалась к нему всем телом.

— Прости. Любимый извини меня, — сделав последнюю затяжку, Марк потушил сигарету и, обернувшись, крепко обнял жену. Что он испытал в этот момент? Ничего. Ну, разве, что жалость. Ему и вправду не хотелось доводить Марину до слёз. Он ведь любит её. Да, их отношения остыли, да он больше не испытывает к ней былой страсти, хотя когда-то она была просто бешеной манией, да он привык к её красоте и она больше его не восхищает, да у него чёрт подери есть другие женщины, но ведь это нормально. Все так живут. Это просто закон природы. Мужчины терпят вечные истерики своих жён, женщины мирятся с неверностью мужей. Так было всегда и их семья не исключение. — Я просто ужасно тебя люблю. Ты самый дорогой человек в моей жизни и меня коробит только от одной мысли, что у тебя может быть другая женщина...

— Не может. Марин, не накручивай себя. Я тебя люблю, и никакая другая мне не нужна.

— Правда?

Жена подняла на него заплаканные глаза, и Марк почувствовал какую-то небывалую тоску. Сколько надежды в её взгляде, доверия, хотя сама понимает, что конечно, это ложь. Марина изменилась. Она уже не та красавица, что раньше. Стала хуже за собой следить. Вон мешки под глазами, волосы растрёпанны, одежда какая-то нелепая. Почему же она удивляется после этого, что его тянет на сторону? Хотя Марк врёт. Даже если бы Марина выглядела безупречно, он бы всё равно изменял. Желание новизны никогда бы не давало ему покоя. Да и семейный быт — это словно удавка на шею. Хоть изредка, но ему необходимы глотки свежего воздуха. В эту секунду Марк вспомнил о Кристине и почувствовал бешеный всплеск эмоций. Кровь забурлила в жилах, Туманов даже интуитивно крепче прижал к себе жену.

— Правда. У меня никого нет.

— Честно-честно?

Не выдержав пронзительного взгляда жены, Марк наклонился и поцеловал её в губы, почувствовав солёный привкус. В голове тут же всплыла мысль, что этот поцелуй не вызвал никаких эмоций. Марк приник к губам жены скорее из жалости, из желания её успокоить, но никак не от какого-то порыва чувств. Моментально мужчина отмёл эту мысль. Ну и что с того? Это нормально. Просто он привык к Марине, поэтому и не испытывает былой страсти. Но он её любит. Точно любит.

— Честно-честно. Мариш, я очень голодный. Покорми меня, ты ведь знаешь, как я ненавижу эту ресторанныю еду.

— Я сейчас плов разогрею. А ты пока иди, переоденься.

Поцеловав жену в макушку, Марк прошёл в спальню, плотно прикрыв за собой дверь. Несколько секунд помедлил, а потом всё-таки достал телефон из кармана, набрав нужный номер.

— Генка привет, узнал? Жаль, богатым значит, не буду. Как прошла вчера? Продуктивно. Да получишь ты свои контракты, не сразу, но получишь. У меня сейчас нет времени объяснять. Мне срочно нужен номер Кристины. Как какой? Девушки, с которой я сегодня встречался. Ассистентки Минеева. Как это у тебя нет номера? Ну, так достань. Он нужен мне немедленно!

Насухо вытеревшись полотенцем, я натянула платье через голову. Распустив косу и

слегка взъерошив струящиеся локонами волосы, я невольно засмотрелась на своё отражение в зеркале. На меня смотрела стройная девушка, с густыми вьющиеся кудрями тёмными волосами, хорошо сложенной фигуркой и нежными чертами лица. Наверное, это звучит банально, в какой-то степени может быть даже смешно, но больше всего в своей внешности мне нравились глаза. Когда папа был жив, он любил говорить, что в моём взгляде можно увидеть сверкающие изумрудные горы. Позже мне часто делали подобные комплименты, но в отличие от папы всех остальных мужчин хватало только на дешёвую лесть. Лишь однажды я поверила в искренность слов и чувств одного парня, а позже перестала доверять вообще, кому бы-то ни было.

Отгнав от себя непрощенные мысли, мне удалось целиком и полностью сосредоточить себя на сегодняшнем дне. У меня полно важных дел, которые требуют полной концентрации и самоотдачи. Хотя признаться, ещё вчера вечером я думала, что все планы на сегодняшний день сведутся к утренней тренировке в манеже и встрече с Ванькой, которая должна была состояться в обед. В конце концов, сегодня воскресенье, могу я хоть в этот день позволить себе немного отдохнуть? По закону-то, конечно, могу, но вот Минеев видимо решил иначе. Уже через полчаса я зачем-то должна была подъехать в офис. Что-то мне подсказывало, что со мной хотят поговорить на счёт этих чёртовых контрактов. Минеев уезжал из города на два дня, и я ещё не успела ему рассказать об условии, которое мне поставил Туманов, но почему-то я была уверена, что Бориска уже в курсе всех дел. Наверняка он связывался с Марком. И от этого мне становилось не по себе. Когда я позвонила Минееву и сказала, что согласна ещё раз встретиться с представителем 'Visitorfort' взамен он обещал выдать мне все необходимые справки для получения кредита, не говорю уже о повышении. Но только как-то само по себе подразумевалось, что после этой встречи я принесу подписанные контракты. Восемь подписанных контрактов. А, что будет теперь? Выдаст ли мне Минеев справки, когда я отдам ему всего лишь один контракт?

Я забежала в офис в половине двенадцатого, на двадцать минут раньше назначенного. Торопилась зачем-то. Когда постучавшись, зашла в кабинет начальника поняла, что торопилась зря. Всего за каких-то несколько дней наши отношения с Минеевым успели изрядно подпортиться. Теперь каждая наша встреча становилась для меня непосильной ношей. Наверное, всё-таки придётся увольняться и подыскивать себе новое место работы. Правда, до этого я должна получить, эти чёртовы справки. И, что-то мне подсказывает, что сейчас мне придётся унижаться, упрасывая Минеева пойти мне на уступки.

— Что-то ты рано, Кристина. Присаживайся, кофе будешь?

Отрицательно помотав головой, я села в кресло, уже морально приготовившись к крикам Минеева, которые вот-вот должны были разрушить тишину в кабинете.

— Я полагаю, ты догадываешься, что я уже в курсе всех событий. Да, Туманов, конечно, жучара, — я удивлённо моргнула, когда губы Минеева растянулись в усмешке. Он что же, не собирается на меня орать? — Но каким бы он ни был, нам позарез нужны эти контракты. Ты ведь понимаешь, какое у нас сейчас шаткое положение. Оглянись вокруг Кристина, некогда даже крупные рекламные компании сейчас закрываются, а мы-то, что? Мы обычная мелкая конторка и 'Visitorfort' наш единственный крупный клиент, которого нам никак нельзя терять. Ты понимаешь?

Я кивнула, чувствуя, как с каждым словом Минеева моя самооценка падает всё ниже и ниже. В довольно мягкой форме Борис пытается настроить меня на то, что в ближайшее

время мне надо будет поработать резиновой куклой. Сейчас речь уже не идёт о банальном кокетстве и симпатии. Меня конкретно подкладывают под клиента. А самое дерьмовое, что я ничего не могу изменить.

— Кристин, ты пойми...

— Я понимаю, — с трудом, но мне удалось держать голос стойким. — Я, правда, всё понимаю, Борис Сергеевич. Нам нужны эти контракты, и я сделаю всё, что в моих силах, чтобы их получить.

Минеев улыбнулся, широко и гадко, так гадко, что мне захотелось его ударить. Хотя бить я должна не его. Он тоже подстраивается под обстоятельства и как может, пытается отодрать себе лакомый кусочек. Что же я не должна его в этом винить. Такова жизнь. Все всё делают только для себя, а на чужую боль всем наплевать. И мне... мне тоже должно быть наплевать на чужую боль.

— Отлично, я всегда знал, что ты умная талантливая девушка. Ты кстати принесла с собой уже подписанный контракт?

— Да, конечно, — я достала из сумки бумаги и протянула их Минееву. — Борис Сергеевич, мне нужно с вами ещё кое о чём оговорить. Вы обещали, что я смогу получить справки для кредита...

— Кристин, — нахмурившись, Минеев не дал мне договорить. — Я от своих слов не отказываюсь. Только ведь я обещал, что ты получишь необходимые тебе справки, когда я получу контракты. Кто же знал...

— Вот именно никто не знал, что дело примет такой оборот. И кто может знать, что выкинет Туманов в дальнейшем? Мы будем подстраиваться под каждую его прихоть? Не отвечайте, я итак знаю, что будем. У нас ведь нет другого выхода, верно? Только у меня тоже есть один единственный шанс, который сейчас висит на волоске. Вся эта канитель с контракты может затянуться на месяц, а потом, кредит ведь тоже в один день не выдают. Там знаете сколько возни. Я не могу ждать так долго!

— Тебе что так приспичило завести ребёнка именно сейчас?

В глазах Минеева сверкнули гневные искорки, но я не уступала ему. Сейчас я тоже была на взводе и еле сдерживалась, чтобы в сердцах чего не сказать. Не надо было всё-таки рассказывать про операцию. С другой стороны, у меня не было другого выхода. Надо ведь было объяснить, зачем мне так срочно понадобились справки с работы.

— Это уже моё дело, которое вас никак не касается.

— Ты права, извини, — Минеев немного смягчился. Откинувшись на спинку кресла, мужчина тяжело вздохнул, ослабив узел галстука. Кристин, ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь. Ты ответственный добросовестный работник и у нас с тобой никогда не возникало каких-либо проблем. Но сейчас от тебя очень многое зависит. Ну, вот дам я тебе эти справки, и где гарантия, что ты, прости, не увильнёшь куда-нибудь? Я ведь и сам понимаю, что эти встречи с Тумановым не вызывают у тебя особого восторга. Хотя он видный мужчина, ты его, по-моему, сильно зацепила, у вас могло бы...

— Это пустой разговор. Без этих справок у меня нет никакого стимула, добиваться так нужных для компании контрактов.

Я поставила вопрос ребром. Всё хватит уже мельтешить. Мне надоело под всех прогибаться. Я не буду стелиться перед Тумановым ради этих чёртовых контрактов, пока Минеев не выполнит свою часть уговора.

— Ладно, давай вот как поступим, — судя по вибрации в голосе, похоже, Борька и,

правда, испугался, что я могу соскочить. Видимо, я действительно слишком важна для них. Чёрт, надо было с этого и начинать. Шантажом на шантаж. — Я свяжусь с Геной и постараюсь уладить все вопросы на счёт тебя. Как только что-нибудь прояснится, я сразу тебе позвоню.

— Тогда я буду ждать звонка.

Я встала и пошла к выходу из кабинета. Борис окликнул меня уже в самых дверях:

— Да, кстати, чуть не забыл. Зайди в бухгалтерию, мы тебе премию начисляли, — я развернулась и полным непонимания взглядом уставилась на начальника. — Не смотри на меня так. Твои рабочие обязанности вроде как расширились, вот и финансы прибавились. И Кристина... потрать эти деньги с пользой. Купи там себе чего-нибудь... ну что сейчас у вас, у женщин, в моде. Ты же понимаешь, чем быстрее развяжется вся эта заварушка, тем лучше.

Я усмехнулась. Не смогла сдержаться. Да Боричка, конечно, я всё понимаю. Ты имеешь в виду, что чем быстрее я попаду в постель Туманова, тем быстрее ты получишь контракты, а я справки. И чёрт подери, ты прав.

Выбежав на улицу, я тут же сделала несколько жадных глотков воздуха. Хорошо, что сегодня холодный ветер, это хоть как-то может привести меня в чувства. Дойдя до детской площадки, которая располагалась недалеко от моей работы, я села на лавочку и подумала, что это, наверное, правильно, что я не пошла в бухгалтерию и не взяла денег. Ни к чему они мне. Те вещи, о которых говорил Минеев, у меня есть, правда, я уже давно их не надевала, но похоже сейчас пришло время сделать исключение. Борис прав, чем быстрее я получу контракты, тем быстрее смогу с этим совсем покончить. Невольно из моей груди вырвался смех. Нервный. Больше походящий на истерику. Закрыв лицо руками, я позволила себе выпустить наружу пару слезинок. Я устала. Я просто устала со всем этим бороться. Бороться в одиночку. Только у меня получается хоть что-то урвать у жизни, как меня снова макают мордой в грязь. Нет, сейчас я не имею право отступить. Я ещё никогда не была настолько близка к своей мечте, кажется, всего один шаг, один рывок вперёд, и у меня всё получится. Только для этого нужно.... А, что собственно такого запредельного для этого нужно? Переспать с Тумановым? Да чёрт с ним. Он ведь не жирный пятидесятилетний старик. Я ведь что-то чувствую к нему. Кажется, это называется желанием? И это хорошо. Может быть, мне даже понравится, и я смогу получить удовольствие от процесса. В этом ведь нет ничего плохого, а даже если и есть, то плевать. Сейчас, когда я так близко к своей цели, я не позволю себе отступить. Очень скоро всё закончится, и я забуду об этом как о страшном сне. Надо только немного потерпеть.

Мой взгляд невольно пал на девушку, которая сидела на соседней лавочке. Сколько ей лет? Двадцать максимум. Она была вся в чёрном. Чёрная куртка, чёрная мини-юбка, едва прикрывающая то, что вообще надо прикрывать, чёрные колготки в сеточку и сапоги того же цвета, доходящие чуть ли не до колена. Полная безвкусица. Ко всему прочему образ завершает стоящая на её коленях бутылка пива и сигарета в зубах. Обыкновенная проститутка. И всё бы ничего, если бы не её выпирающий живот. Наверное, уже месяц 7–8. А она в такую погоду в мини-юбке разгуливает, бухает и сигарету в зубах зажимает. Тварь. Конченная тварь. Плевать ей родится ли её ребёнок здоровым и родится ли он вообще. И вот где справедливость? Такие мерзавки абортуют на каждом шагу делают, портят здоровья своим ещё не родившимся малышам и никаких у них проблем. Беременеют снова и рожают как кошки. А я что хуже них? Я хуже наркоманок и проституток? Почему я не могу родить даже

одного? Я ведь бы подарила ему всю свою любовь, всю ласку и заботу.

В кармане плаща завибрировал телефон. На дисплее высветился незнакомый номер. Наверное, Ванька. У него всегда денег на мобильном нет, звонит с чужих телефонов. Но как только я приняла вызов и услышала в трубке этот голос, низкий, с долей хрипотцы и как всегда пропитанный необычайной наглостью, у меня даже дыхание спёрло. Невольно я вскочила с лавки и крепче прижала телефон к уху.

— Здравствуйте, Кристина. Это Марк, вы меня узнали?

Я не сразу сообразила, что сказать. Несколько секунд стояла как дура с открытым ртом и не понимала, что мне ответить.

— Откуда у вас мой номер?

— Вот так сразу? А как же вежливость? Что, даже не поздороваетесь со мной?

Я уловила эту извечную дерзкую усмешку в его голосе и тут же пришла в себя. Опять все чувства, которые я испытывала ещё пару секунд назад, вытесняла убийственная злость. Будь проклят этот Туманов.

— Здравствуйте. Теперь вы скажете мне, откуда у вас мой номер?

— Кто ищет, тот всегда найдёт. Кроме того вы же не в ЦРУ работаете, — он улыбнулся, я почувствовала это на каком-то интуитивном уровне и вдруг напряглась, когда уловила, что мои губы тоже расплылись в улыбке. Вот дьявол, а я ведь всё ещё злюсь на него. — Сегодня хорошая погода, правда? Ветер только холодный, зато дождя не обещают. Как вы смотрите на то, чтобы получить мою заковырку на втором контракте?

Я замешкала. Это он мне сейчас предлагает встретиться? Так скоро, мы ведь только вчера с ним ужинали... Хотя может это и к лучшему. Чего тянуть-то? Но у меня же назначена встреча с Ванькой на два часа. Это тоже очень важно. Рушанов должен рассказать мне про операцию.

— Нет, простите, я сейчас занята.

— Ну и замечательно. Я заказал столик в ‘Дюма’ на восемь вечера. Думаю, к тому времени вы уже освободитесь, а я заеду за вами в половине восьмого. Идёт?

Вот ведь... козлина. Всё просчитал. Заказал столик ещё до того как позвонил мне. ‘Идёт?’ Сказала бы я, куда тебе пойти. Ещё и заехать предложил. Ага, шас, так я и сказала ему свой настоящий адрес.

— Идёт. Только заезжать за мной не надо, встретимся уже там, я знаю, где этот ресторан и обещаю, на сей раз не опаздывать. Всего доброго.

Я сбросила вызов, боясь, что ненароком из меня всё-таки вырвется что-нибудь... не очень приличное. Ещё одна встреча. С ним. Я ведь так и не поняла, что произошло со мной вчера. Прошедший вечер мог закончиться тем, что сегодня я проснулась бы в номере того отеля. Меня спас только этот внезапный звонок. А сегодня мне вряд ли так подфартит. Смогу ли я сама отстоять ещё один вечер? Да и стоит ли...

— Ну, вот вроде и всё. Как ты сама видишь, ничего страшного с тобой не произойдёт. Операция по времени занимает приблизительно четыре часа. После надо будет хотя бы дня три полежать в клинике, понаблюдаться. Я должен быть уверен, что всё прошло успешно.

— Ваня, скажи мне только честно. После этой операции у меня действительно появится шанс родить ребёнка?

Рушанов усмехнулся, посмотрев на меня как на умалишённую.

— Птица, ты чем слушаешь? После этой операции шанс забеременеть у тебя

увеличивается с нуля до пятидесяти процентов. Разницу чувствуешь? Прости, конечно, но полной гарантии тебе не даст никто. Эта операция лучшее, что я могу тебе сейчас посоветовать. Правда, если будешь долго тянуть, пропадёт всякий смысл вообще что-то делать.

— Я сегодня разговаривала с Минеевым, вопрос на счёт справок будет решён со дня на день. Мне дадут кредит, и я сразу всё оплачу.

Рушанов отхлебнул из своей кружки кофе и как-то странно на меня посмотрел. С долей какого-то смущения что ли.

— Кристин, прости, конечно, я понимаю, что это не моё дело, но как ты собираешься со всем справляться, когда родится ребёнок? На тебе два частично непогашенных кредита общей суммой в триста двадцать тысяч, теперь вот ты ещё полмиллиона брать собралась. А как ты будешь всё это отдавать, когда с рождением ребёнка тебе как минимум год придётся просидеть дома? И на что ты собралась жить?

Я увидела в глазах Ваньки неподдельное волнение и, наверное, я сумасшедшая, но меня это чертовски порадовало. Приятно осознавать, что ты кому-то нужна, кто-то волнуется и переживает за тебя. Просто так. Потому что ты это ты.

— Вань, поверь, я не сумасшедшая и давно об этом подумала. После развода у меня осталась трёхкомнатная квартира. Я разменяю её с доплатой. Кроме того ты помнишь как я зарабатывала сидя в инвалидном кресле? Думаю, диплом мастера по маникюру и хорошие отношения со многими бывшими клиентками мне сейчас пригодятся.

— Ну, хорошо, если так, — Рушанов широко улыбнулся, подлив мне в кружку чай. — Только, Кристин, помни, что чем быстрее у тебя получится забеременеть после операции, тем лучше. В идеале, конечно, это должно случиться в первые три месяца. Тогда потом всё как по маслу пойдёт. Поэтому ещё раз тебе настоятельно советую, найди мужчину, с которым ты бы смогла пробыть хотя бы в период такого малого количества времени.

На этот раз я тщательней готовилась к встрече с Тумановым. Уложила волосы в красивую высокую причёску, долго провозилась с макияжем, но в итоге осталась довольна. Надо признаться, что я уже и забыла, когда в последний раз пользовалась яркой красной помадой. Кстати под цвет этой самой помады я и платье выбрала. Долго сомневалась, не решалась его даже с вешалки снять, но в итоге остановила свой выбор именно на нём. К тому же даже по прошествию длительного количества времени оно по-прежнему смотрелось на мне безупречно, словно на меня и было сшито. Хотя собственно так и есть. Это яркое красное вызывающее и безумно сексуальное платье мне сшили в семейном ателье, когда я отдыхала в маленьком городке Италии. Давно это было. Да и надела я его всего один раз. Лёша потом запретил, сказал, что меня в нём все мужики глазами пожирали....А вот сейчас я его надену, и никто мне этого не запретит!

Причиной такого резкого преображения была не только безнадёжность ситуации и желание поскорее заполучить контракты. После встречи с Ванькой я проплась по набережной, полюбовалась умиротворённым видом на речку и вообще как-то воспрянула духом. Я решила больше не сгущать краски и просто дать себе небольшой шанс хоть немного пожить в своё удовольствие. Надо признаться, что секс с Тумановым для меня вещь неизбежная, так почему бы мне не перестать себя накручивать и просто не позволить себе получить удовольствие от процесса? Марк красивый харизматичный мужчина. Глупо отрицать, что я испытала к нему своего рода симпатию. И мимолётная, да к тому же и

неизбежная для меня интрижка, никому из нас не повредит. Ну, мне-то во всяком случае точно. Всё равно это ненадолго. Пару встреч, а потом через какое-то время мы и не вспомним имён друг друга. По крайней мере тогда, когда я в приподнятом настроении крутилась возле зеркала, примеряла платья, которые уже давным-давно не надевала и позволила себе такое удовольствие как кружевные чулки, я думала именно так. Уже позже я пойму насколько же сильно я ошибалась.

Не знаю почему, но в последнее время у меня уже вошло в привычку опаздывать. Марк дожидался меня за столиком уже минут двадцать. Правда, когда я подошла к нему и Туманов, наконец, оторвал свой недовольный взгляд от циферблата наручных часов, переведя его на меня, кажется, он сразу обо всём забыл. Да, я знала, что сейчас я выглядела настолько восхитительно, насколько у меня это вообще могло получиться. Но я даже не предполагала, что это произведёт на Марка такое впечатление. Никогда раньше я не видела такого безумного взгляда переполненного сумасшедшим восхищением и диким восторгом. Мне даже как-то неловко стало, но в груди всё равно всё сжалось от какой-то глухой радости. Пару секунд я даже вздохнуть не могла. Я просто забыла, как это восхитительно видеть столько восторга вперемешку с каким-то диким, скорее даже первобытным желанием, в глазах мужчины, к которому ты равнодушна.

— Не знаю, что сказать, да и вряд ли слова сейчас будут уместны. Просто примите от меня этот скромный букет.

Должна сказать, что ‘скромным букетом’ тут и подавно не пахло. В плетеной корзине находилось очередное произведение искусства. Даже боюсь предположить, сколько это стоило.

— Спасибо. Может, перейдём на ‘ты’?

— Я должен был предложить это первым, — Марк улыбнулся, задорно, по-мальчишки и настолько заразительно, что я не смогла сдержать ответную улыбку. Он повесил моё пальто, помог мне сесть в мягкое кресло, при этом, то ли случайно, то ли специально, не сразу убрал ладонь с моей талии. У меня тут же всё тело свело судорогой, а по коже прошёл целый табун мурашек. — Надеюсь, ты не против, что я уже сделал заказ.

Даже не взглянув на еду, я машинально помотала головой. Аппетит пропал тут же. Бокал вина, как и в прошлый раз, мог бы помочь мне расслабиться, но в этот раз я решила обойтись без алкоголя. Слегка подрагивающими пальцами я взяла с блюда клубничку и тут же запустила её в рот. Не знаю зачем, но после этого я подняла взгляд на Марка, и чуть было не подавилась ягодой. Глаза дикие. Желание бешеное. Внизу живота тут же болезненно заныло, тело начала покалывать нервная дрожь. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, я большими усилиями смогла из себя выдавить:

— Как прошёл твой день?

В глазах Туманова промелькнули искорки удивления.

— Тебе, правда, интересно?

— Если бы это было не так, я бы не спрашивала.

Марк усмехнулся.

— Ну ладно. Сегодня я ездил на объект, проверял, как продвигается работа, укладываемся ли мы в поставленные сроки.

— А, что за объект, если не секрет?

— Строительство нового жилого дома на Сахарова, но ты вряд ли об этом что-то

слышала.

— Ну, от чего же, — я взяла кружку с ароматным чаем и сделала несколько глотков горячей жидкости. — По новостям передавали, что за этот участок была большая борьба между твоей компанией и холдингом Соколова. И хотя я тогда ещё ничего не знала о твоей компании, я болела за тебя. Как вижу не напрасно.

В глазах Марка промелькнула острая заинтересованность.

— Полагаю всё дело в Соколове. Ты знакома с ним?

— Да уж не посчастливилось. Он однажды делал у нас заказ. Крайне неприятный тип.

Марк широко улыбнулся, по-прежнему не сводя с меня какого-то странно восхищённого взгляда.

— Ставлю свою машину на то, что он нахально не давал тебе прохода.

— Ну и это тоже.

Марк улыбнулся ещё шире, и мне даже пришлось незаметно ущипнуть себя за бедро, чтобы прийти в чувства.

— Тогда я не могу его в том винить, так как сам попал в ту же западню, — вот на этом моменте я не выдержала и сделала большой глоток вина. А мужчина вообще растянул улыбку до ушей и в глазах появился всё тот же переполненный дерзкой наглостью блеск. Чёрт, противный Туманов. Ну, вот как ему удастся, и бесить и притягивать меня одновременно? — А как прошёл твой день? По телефону ты сказала мне, что была чем-то заняты. С кем-то встречалась?

— Да, с другом.

— Бойфренд?

— Я же сказала друг.

— Мужского пола?

Вот эта усмешка и чересчур нахальный взгляд заставили меня подышать от желания запустить в Туманова чем-нибудь тяжёлым.

— А вы что сторонник теории, что дружбы между мужчиной и женщиной не бывает?

Я сама не заметила, как снова перешла на 'вы'.

— В вашем случае — да.

Марк ответил совершенно спокойно, даже улыбочку свою нагловатую стёр с лица, но злость моя совсем не прошла, наоборот, только утроилась.

— Что значит, в моём случае?

— Есть такие женщины, которые сводят мужчину с ума одним только взглядом. Дружба с ними подобна самоубийству. Только безумец способен себя на такое обречь. Разве можно изводить себя лишь взглядами на желанную женщину и при этом не иметь никакой возможности ею обладать?

Наверное, я задохнулась после этих слов. Внизу живота уже не просто болезненно тянуло, там разгорелся настоящий пожар. Его слова походили на признания в том, что он хочет заняться со мной любовью. В том, что он ХОЧЕТ МЕНЯ. И его взгляд, он кричал об этом. Никто и никогда ещё столько дерзко не смотрел на меня. Он словно уже поработил меня, уже занимался со мной любовью....Здесь....Сейчас...

— В прошлый раз нас прервали. Вы не хотите закончить танец? Мы можем выйти на веранду.

Да, веранда сейчас была моим спасением. Только свежий воздух мог привести меня в чувства. Но я поняла, что ошибалась, как только Марк положил ладонь на мою талию и

притянул меня к себе.

— Ближе, ещё ближе, не бойтесь, я вас не съем, — у меня помутнел рассудок от его слов, от его хриплого шёпота, — ну разве что только укушу.

Этот танец стал моим испытанием. Одна его ладонь испепеляла мою кожу даже сквозь материю платья, а вторая делала, что-то невообразимое. Марк гладил меня по спине, по обнажённой спине, чёрт меня дёрнул надеть платье с таким вырезом, ... Он касался легонько, едва ощутимо и от этого окончательно лишал меня рассудка. Я горела. Моё горло продирало от зверской жажды. Сердце билось так, словно оно было готово разорваться в следующую секунду. А мои трусики...могу поклясться, их уже можно было выжимать. Дьявол, я возбудилась как ненормальная, как изголодавшаяся по ласкам самка всего за каких-то пару мгновений и теперь уже сама желала закончить этот вечер в гостинице, или может быть даже в машине, да где угодно, лишь бы с ним....Когда Марк стал медленно склоняться к моему лицу, я сама, в каком-то безумном порыве приоткрыла губы, обхватив его шею руками, и именно в этот момент зазвонил телефон. Чёрт меня дёрнул взять с собой сумочку. Я распахнула глаза и едва не вскрикнула, встретившись с обезумевшим животным взглядом. Могу поклясться Марк сейчас мечтал разбить мой телефон об асфальт. И был только один человек, который мечтал об этом больше. Я.

— Я хочу разорвать эту штуку на части.

Марк обжёт горячим дыханием кожу шеи и из моей груди невольно вырвался всхлип. В ту же секунду мужчина прижал меня к себе ещё сильнее. Теперь я была настолько близко к нему, что в мой живот красноречиво упиралось подтверждение того, что Марка этот танец свёл с ума настолько же сильно, насколько и меня. Но стоило мне увидеть высветившийся на дисплее номер Минеева, как я моментально пришла в чувства.

— Извини, я должна ответить.

Отойдя от мужчины на несколько шагов, я приняла вызов.

— Здравствуй, Кристина. Как и обещал, я связался с Геной, и мы пришли к кое-какому решению на счёт тебя. Ты можешь сейчас подъехать в офис?

Я всё ещё не могла прийти в себя после бури нахлынувших эмоций. Сердце до сих пор бешено билось, а вспотевшие ладони начала покалывать нервная дрожь. Поэтому я только через несколько секунд сообразила, что ответить.

— Да, конечно. Я буду через полчаса.

Сбросив вызов, я боязливо прикусила нижнюю губу и всё же нашла в себе силы медленно обернуться к Марку. Да, с первого взгляда можно было понять, что он слышал мой разговор. Скрестив руки на груди, мужчина буквально прожигал меня до чёртиков недовольным взглядом. Что же, мы в расчёте. Вчера он уехал точно также. После телефонного звонка. Правда в отличие от Марка, я тогда была этому несказанно рада.

— Знаешь, даже не думай в следующий раз брать с собой мобильный. Я свой тоже выкину ко всем чертям.

— Идёт, тогда можно я выберу, где будет проходить наша следующая встреча?

Марк удивлённо вскинул брови.

— Тебе не нравятся рестораны?

— Не то, чтобы не нравятся, просто...в нашем городе есть масса других мест, где можно хорошо провести время.

Наверное, это прозвучало слишком двусмысленно. И судя по еле сдерживаемой ухмылке

Туманова, он меня явно не так понял. А я всего лишь имела в виду, что нехочу ходить по таким заведениям. Слишком большие воспоминания они мне навивают. Например, в ‘Дюма’ я со всей семьёй отмечала своё девятнадцатилетие, и какое-то время я даже планировала именно в этом месте устроить свадебный вечер...

— Куда тебе так срочно надо отъехать?

— По делам, — я увильнула от ответа, потому что если бы сказала всю правду, Марк наверняка бы тут же созвонился с Минеевым и всё переиграл. И хотя, если быть честной, мне в какой-то степени хотелось продолжить этот вечер,...но я не могла ждать до завтрашнего утра, чтобы узнать, что именно там надумали мои боссы. — И ты прав, мне действительно надо очень срочно отъехать. Так что я, наверное, уже пойду...

— Я подвезу, — сказал таким тоном, словно возразить, я даже не имела право. Это меня разозлило. Не знаю зачем, но я опять бросила взгляд на его ладонь. На безымянном пальце опять не было кольца. Он его либо просто не носит, либо намеренно снимает перед такого рода встречами.

— Не надо. Сейчас пробки, мне быстрее будет на метро.

Я ответила ему таким же стальным тоном. В эту секунду наши взгляды встретились, и Марк отчего-то усмехнулся. Видимо его развеселило это моё упорство. Вряд ли кто-то до меня решался так обламывать этого альфа-самца. Хотя надо быть честной. Сейчас и я бы на это не решилась. Могу поспорить, что если бы не этот звонок, то наследующее утро я бы проснулась с ним в одной постели. Зато возможно сразу бы получила...

— Ты не забыл, что кое-что должен мне?

Хорошо, что хоть ещё вовремя вспомнила. А-то бы так и уехала ни с чем. Достав из сумочки ручку и один контракт, я протянула их Туманову. Поставив на бумагах свою размашистую подпись, слегка нахмурившись, мужчина спросил:

— А как же букет? Подожди, я сейчас его принесу.

— Не стоит. Лучше сделай подарок своей жене.

Я не знаю, как из меня это вырвалось. Я вовсе не хотела и не собиралась говорить с ним о его семье. И Марк видимо тоже не был готов к таким разговорам. Взгляд мужчины почернел, в нём промелькнули какие-то гневные искорки. Чёрт, ну какой дьявол меня за язык дёрнул?

— Извини. Видимо мне больше вообще пить не стоит. До встречи. И ещё...не нужно меня больше ставить перед фактом, когда и где мы увидимся. На этот раз я сама позвоню.

Марк гнал машину по вечернему городу, яростно сжимая пальцы на руле. Мужчина до сих пор не мог отойти от встречи с Кристиной. Эта девка — дьявольское проклятие. Уже в третий раз у них всё срывается, и в двух из них виновата эта...как там её? Стрижова? Да, точно Стрижова. Свернув на обочину, Марк достал из бардачка сигареты и прикурил одну. Всё в нём колотило от какого-то дикого гнева. Кровь бешено бурлила в венах, пальцы всё сильнее сжимались на руле, вместо которого мужчина представлял тонкую шею этой жгучей брюнетки. Вот ведь бестия. Возбуждает также сильно, как и раздражает. Туманов сам толком не мог понять, чего ему больше хочется: придушить её или трахнуть? Дьявольская зараза. Его ведь не столько из себя вывело, что она укатила как раз в тот момент, когда он её уже в мотель собирался вести. Вот нет. Ну, мало ли, может действительно дело очень срочное. Но как быстро переменилось её настроение. Сначала смотрела на него как голодная самка, вздрагивала от каждого его прикосновения, она дьявол, возбудилась. Её

соски стояли торчком. Он едва не кончил от одного этого вида. А потом: 'жене своей подарок сделай'. Видать из-за этого она его всё время и динамит. Хотя безусловно есть ещё какая-то причина. Марк нутром чувствовал, что она пытается отгородиться не только от него, но и вообще от всего мира, в частности, наверняка, от мужской его половины. Только почему? Может, бросил её кто? Если так, то этот парень тот ещё идиот. Надо признать, что эта девчонка себе цену знает. В ней есть какие-то дьявольские искры. С каким вызовом она на него смотрела. Как гордо развернулась и ушла. Уже не в первый раз. Да, определённо эта девушка не очередная пустышка. Помимо красивой оболочки, у неё ещё есть что-то такое, что цепляет мужчину, цепляет до безумия сильно. С ней есть о чём поговорить. Она, пожалуй, единственная женщина, которая хоть что-то знает о его бизнесе. Даже жена никогда особо не интересовалась его работой. Кристина яркая сексуальная, она обладает каким-то магнетическим шармом. Стоило ей только сегодня надеть это платье — красное вызывающее, обтягивающее каждый изгиб её божественного тела, как у него всё перед глазами поплыло. А уж когда она положила ягоду себе в рот, отпила вино из бокала, бог знает, какими силами он сдержался, чтобы не повалить её на тот чёртов стол, не сдёрнуть с неё трусики и не овладеть ею прямо там. Дикое дьявольское желание обладать этой женщиной разрывало всё его существо. Горло продирало от бешеной жажды. Кровь огненным потоком бурлила в жилах. Уже второй вечер стояк был таким, словно Марк несколько лет бабы вообще не видел. Наверное, она так действует на всех мужчин. Возможно, у неё даже кто-то есть. Этот самый друг. Хотя какая к чёрту дружба с такой женщиной? Может она, конечно, его как любовника и не рассматривает, но вот он-то точно спит и видит, как бы затащить её в постель. А может Кристина и обманула его? Может она в отношениях? Это бы многое объяснило. Например, сегодняшний побег. От одной мысли, что она сейчас возможно в чужой постели и на ней пыхтит какой-то мужик, Марк едва ли не зарычал. Променять ночь с ним на перепихон ещё с кем-то? Нет! Чёрт, его коробит, трясёт как в лихорадке от одной такой картины...Нет, он не отступится. Теперь он уже ни за что не даст отходную. Похоже, Марк уже готов положить всё что угодно к ногам этой женщины, лишь бы хоть раз полежать между её стройных ножек, почувствовать под ладонями сочную упругую грудь...И всё это обязательно будет. Он всего получает всё что хочет и Кристина не станет исключением.

Поднявшись на свой этаж, Марк прислонился лбом к холодной двери и испытал ужасное желание сбежать отсюда. Сейчас совсем не хотелось возвращаться домой, видеть Маринку. И хотя нового скандала не назревало, так как жена всегда знала, что каждое последнее воскресенье месяца он проводит с друзьями в бильярдной, но ноги всё равно не шли в квартиру. Хотелось уехать в какой-нибудь кабак и хорошенько нажраться. Да, ещё одного облома от этой черноволосой бестии он явно не выдержит. Хотя от Кристины можно ожидать всего. Пожалуй, он даже не удивится, если в следующий раз она его тоже продинамит.

Открыв дверь своим ключом, Марк вошёл в квартиру, и уже через минуту на его шее повисла Марина, нежно поцеловав его в щёку.

— Привет, милый. Ну как поиграли?

Погладив жену по голове, Туманов слегка отстранил её от себя. Раздражение набирало в нём вверх. Её влюблённый взгляд и наивный голос вызывали в нём что-то похожее на стыд и Марку это чувство совсем не нравилось. Кроме того, всё, что ему сейчас хотелось это

принять горячую ванну и завалиться в постель.

— Нормально.

— Что-то случилось? — в глазах Марины появилось беспокойство. Девушка положила ладонь ему на плечо, вновь попытавшись заглянуть ему в глаза. И от этого Марк едва ли не застонал. — Ты проиграл?

— Да, можно сказать и так.

Марк усмехнулся. Его ответ подразумевал результат встречи с Кристиной.

— Ну не переживай так, в следующий раз обязательно выиграешь.

После этих слов Туманов едва удержался от смешка.

— Да ты права. В следующий раз без победы я не вернусь.

Марина улыбнулась, явно поняв его слова в другом контексте. Неожиданно в глазах жены появился какой-то интригующий блеск.

— А у меня для тебя сюрприз...

Сняв ботинки, Марк устало вздохнул, поцеловав Марину в макушку.

— Малыш, давай в другой раз. Я устал как собака. Может, просто поужинаем и ляжем спать?

— Нет, нет, нет, — не обращая внимания на его вялое сопротивление, Маринка затолкала Марка в спальню и усадила на кровать. — Обещаю, тебе понравится. Всю усталость как рукой снимет. Подожди здесь немного.

Когда жена скрылась за дверьми ванной, Туманов откинулся на спинку кровати, уставившись пустым взглядом в потолок. Глаза слипались сами собой. Меньше всего ему сейчас хотелось Маринкиных сюрпризов. Но выйдя из ванной в шелковом распахнутом халатике, и чёрном кружевном полупрозрачном белье, жена всё же смогла привлечь его внимание. Красиво. И сексуально...очень сексуально. Давно его Маришка ничем таким не радовала. А ведь тело у неё всё такое же притягательное. Несмотря на то, что ей скоро тридцать стукнет, у неё всё такая же упругая подтянутая грудь, плоский животик, стройные ножки, подкаченная попа. Правда возбуждения, которое Марк испытывал в первые года два их совместной жизни, это тело уже не вызывало. Нет, у него определённо встал, и когда жена села к нему на колени, начав медленно расстёгивать пуговицы на его рубашке, он повалил её на кровать, довольно быстро освободив Марину от одежды. А дальше...всё по накатанной. Тихие стоны, хриплые вздохи, его ритмичные движения...Как всегда. Каждый раз такой же, как и предыдущий. Ничего нового. Марина всегда была сдержанной в постели. Нет, на его особо смелые ласки или движения, она отвечала, как и сейчас — громко стонала, выгибаясь ему на встречу, но вот только всё всегда было однотипно. Жена совершенно не хотела попробовать что-то новое. Поначалу он пыталась как-то её растормошить, заинтересовать. Но она всегда краснела и просила оставить всё как есть. Миньет вообще вызывал у неё отвращение. Конечно, в первые годы их брака любовь затмевала всё, но потом, когда отношения стали остывать, всё больше и больше хотелось новизны. Какого-то драйва. Новых эмоций. А Марина, как и прежде, оставалась непреклонной к чему-то более откровенному, чем обыденный секс всегда только в одной позе.

Когда он сделал несколько особо мощных толчков, жена выгнулась дугой, хрипло застонала, обхватив его шею руками, и через пару секунд обессилено обмякла. Марк практически сразу же последовал за ней. Перевернувшись на спину, Туманов уже по привычке привлек жену к себе на грудь. Марина обвила его руками, и он на каком-то интуитивном уровне почувствовал, как её губы расплылись в улыбке. И ведь ему тоже было

хорошо. Он всегда испытывал с женой оргазм. Она всегда дарила ему наслаждение, но... какое-то неполное что ли. Это всё равно, что есть любимое блюдо холодным. Вроде бы вкусно, но не сравнится с тем, если разогреть. Вот и ему хочется погорячее. С долей какого-то безрассудства.

— Милый, я сегодня была у врача...

Туманов резко перевернулся на бок, подперев голову ладонью.

— Ты беременна?

Его голос сорвался на шёпот. Он не понимал, что именно сейчас чувствует. Что-то странное...вроде бы и радостно, и как-то не очень...

— Пока нет, — Марк сам не знал почему, но после этих слов ему захотелось облегчённо вздохнуть. — Но врач сказал, что всё в порядке и никаких проблем нет. Так что думаю пару месяцев 'усердной работы' и мы с тобой скоро станем счастливыми родителями. Ты рад?

— Конечно. Это просто замечательно.

Марк не слукавил. Он ведь действительно хотел ребёнка. Правда, сейчас ему казалось, что какое-то время стоит подождать...Хотя жене об это знать, наверное, не нужно.

— Я тебя очень люблю.

Марина поцеловала мужа в грудь, крепче обвив его руками, а Марк еле сдержал усталый вздох, устремив всё тот же пустой взгляд в потолок.

— Да, я тебя тоже.

Через пару минут жена уснула, а Марк, даже, несмотря на вымотанное состояние ещё долго не мог сомкнуть глаза. Он всё думал, что в последнее время происходит что-то не то...И хотя, вроде всё в его жизни складывается удачно. Прибыльный бизнес, деньги, дорогие машины, отдых на лучших курортах мира, любовницы сменяются как перчатки, прекрасная любящая красавица-жена, с которой они собираются завести ребёнка. Казалось бы, грех на что-то жаловаться. Миллионы мужчин о таком могут только мечтать, но Марку это всё как-то опостылело, пресытилось. Да, наверное, он зажавшийся кот, но ему хочется каких-то безумных эмоций, ярких сильных впечатлений. Ведь ничего уже не вызывает восторга. Осточертели даже короткие мимолётные интрижки, которые всегда придерживали его в своеобразном тоне. Хотелось чего-то такого,...что он испытывает при встречах с Кристиной. Эта девушка подобна освежающему глотку воды, блуждающему по пустыни страннику. Он уже слишком давно не испытывал такого урагана страсти и желания. Она волновала его. Волновала так, что даже сейчас, обнимая в постели спящую обнажённую жену, ему хотелось набрать её номер, услышать её голос. Нет, теперь он ни за что не отступится. Он добьётся эту женщину. Добьётся, чего бы ему это не стоило.

Я добралась до офиса довольно быстро. Помимо меня и моих непосредственных начальников в конторе был только охранник. Ничего удивительно. Воскресный вечер, все отдыхают. И я бы сейчас могла проводить время где-то совсем вдалеке от своего рабочего места...Резко помотав головой и отогнав ненужные мысли, я, постучавшись, вошла в кабинет Минеева. Меня немного удивило, что Борис был один. Я думала Геннадий Ив... точнее просто Генка, как все в офисе называют его за глаза, тоже будет присутствовать. Словно в ответ на мой немой вопрос, Минеев прокашлявшись, произнёс:

— У него образовались срочные дела, не смог приехать. Присаживайся, Кристина. В ногах как говорится правды нет.

Отправив в рот карамельку, Борис отпил из своей чашки крепкий ароматный кофе и

блаженно улыбнулся. Мужчина явно прибывал в приподнятом настроении. Значит, возможно, им удалось найти компромисс. Это меня немного обнадежило, хотя чувство тревоги и не думало испаряться. Сев в кресло напротив его стола, я попыталась не выдавать своего волнения.

— А где она есть? Скажите мне, что вы решили насчёт меня? Вы можете мне с кредитом? Минеев улыбнулся, кивнув мне на кофе, и я отрицательно помотала головой.

— Поможем, как же не помочь? Тем более что ты для нас сейчас особенно ценный кадр.

На усмешку в последних словах я не обратила никакого внимания. На данный момент меня волновало только принятое начальством решение.

— Вы дадите мне справки?

— Нет, — теперь голос Бориса был абсолютно серьёзен. Усмешка рассеялась, словно по волшебству, как и озорной блеск в глазах. — Мы поступим совсем по-другому. Насколько я знаю, тебе необходимо полмиллиона для операции? Ты получишь эти деньги от нас. Генка выпишет тебе чек на нужную сумму.

Я слегка оторопела после этих слов. Он это сейчас серьёзно? Они действительно дадут мне денег... Очухалась я только спустя несколько секунд, наконец, смекнув, что не за просто так, мне такие почести сделали.

— А что взамен?

— Контракты. Кстати, когда собираешься меня следующим презентом побаловать?

Я достала из сумки документы и положила их на стол Минеева. Мужчина тут же усмехнулся.

— Молодец, оперативно работаешь. Правда, мне бы уже хотелось получить всё целиком.

— Но вы ведь не просто так выпишете мне чек на полмиллиона? Какие вам нужны гарантии?

— Да, ничего особенно. Расписка со всеми вытекающими. Надеюсь, ты не думаешь, что мы хотим тебя обдурить? Если волнуешься, проконсультируйся с кем-то. Но уверяю, ничего криминального нет. Завтра ты дашь нам расписку и сразу же получишь чек. Как только, наконец, встрясешь из Туманова все контракты, мы дадим тебе справки, получишь кредит и рассчитаешься с нами. Схема в принципе весьма понятная. Ну что, ты согласна?

Да, схема действительно понятная и, наверное, на сегодняшний день это лучший вариант, но мне как-то больше прельщает быть в должниках у банка, чем у своего начальства. Хотя, в конце концов, это ведь ненадолго. Получу кредит и сразу с ними рассчитаюсь.

— Согласна.

— Ну, вот и ладушки. Тогда завтра же всё решим.

Я добралась до дома на такси. В метро толпиться не хотелось, да и день был слишком насыщенным. Как только я очутилась в квартире, я сразу же набрала горячую ванну и заползла в неё. Тридцать минут в полной гармонии со своим телом и разумом смогли привести меня в чувства. Да и если со стороны взглянуть на ситуацию, то всё вроде потихоньку налаживается. Завтра я получу чек, сразу же позвоню Ваньке, и он назначит день операции. Надо уже начинать заниматься обменом квартиры и восстановлением отношений со старыми клиентками по маникюру. Вот только решу всё с Тумановым и сразу окунусь с

головой во все проблемы. Странно, но почему-то именно сейчас, плескаясь уже в немного остывшей воде, я подумала, что Марк перестал всплывать в моей голове как одна большая проблема. Нерешаемая проблема. Наоборот, я стала рассматривать его как своего рода релакс. Глоток свежего воздуха среди всей этой навалившейся на меня рутины. Сегодня, в первый раз за долгое время мне было хорошо. По-настоящему хорошо. Я расслабилась. Я наконец-то позволила себя просто насладиться этим вечером. Прекрасным вечером. Замечательным, чёрт подери. Сегодня, я, наконец, вспомнила, как это потрясающе чувствовать себя женщиной. Яркой красивой сексуальной, а самое главное желанной женщиной. Когда я всего несколько часов назад ловила на себе его взгляды, когда в танце он всё ближе и ближе прижимал меня к своему телу, скользя ладонями по моему бедру, вызывая не просто лёгкое покалывание в тех местах, где он ко мне прикасался, а какие-то невидимые ожоги, я сходила с ума. Внизу живота, за какие-то считанные секунды скрутилась спираль болезненного желания. Мои соски стояли торчком, обрисовывания ткань платья. А когда Марк стал медленно склоняться к моим губам, возбуждения достигло апогея. Я к дьяволу, сама была готова швырнуть свой сотовый об асфальт. Хотя сейчас я даже рада, что этот вечер закончился именно так. Да, наверное, всего каких-то несколько часов назад, несмотря на переполнявшее меня желание, я всё же не была готова закончить эту встречу самым примитивным способом. А сейчас я уже, пожалуй, готова на всё. И дело вовсе не в этих грёбаных контрактах. Я просто хочу заняться с НИМ сексом. Я чёрт подери, хочу, наконец, скинуть эти монашеские оковы и отдаться мужчине, которого я так страстно желаю. А причиной всему просто то, что мне надоело сопротивляться. Надоело тонкой поломанной палочкой дробить толстую корку льда. Я решила просто плыть по течению. Не переживать попусту и больше не растрчивать свои нервы. И как бы кто ни думал, но я не сдалась. Я не проиграла. Наоборот, в какой-то степени я даже выиграла. Только сейчас, спустя пять лет, я, чувствую, что наконец-то, потихоньку начинаю жить. Дышать. Просыпаться утром с улыбкой на лице. А ещё я поняла одну простую вещь. Никогда не надо подпускать к себе обиды. Они душат. Они не дают жить. Всё вокруг кажется серым, унылым. А я больше не хочу возвращаться в этот мир чёрно-белых красок. Я к чёрту выкину весь этот монашеский гардероб. Теперь, когда у меня появился шанс выползти из этого упаднического состояния, я буду цепляться за него до последнего. Я снова научусь жить. И прежде всего для своего малыша. Я хочу дать своему ребёнку счастливое радостное, а главное беззаботное детство. Но я не вернусь к прежней жизни. Я не стану искать встреч с прежними друзьями. Да и разве это друзья? Они бросили меня, когда мне была нужна помощь. Они отвернулись и сделали вид, что мы даже не знакомы. И именно сейчас я больше не питаю к ним ненависти. Наоборот, я им благодарна. Зато что открыли мне глаза. За то, что теперь со мной только самые преданные и верные люди. Пускай их не так много, но я точно знаю, что в трудную минуту у меня будет на кого положиться. А Марк...нет, конечно же, мы никогда не станем любовниками. Я считаю, что любовники — это люди, меж которыми длительная прочная любовная связь. А между нами будет только секс. Секс, которого теперь хотим мы оба. И главное, что ни ему, ни мне, большего ничего не нужно. Я не хочу любви, да и знаю, что между мужчиной и женщиной она практически не встречается. Те, кто утверждает обратное — страусы, прячущие головы в песок, не желая видеть очевидного. Люди хотят любви. Именно этого ощущения. Они хотят влюбляться и неважно в кого. Когда-то я тоже была влюбленна в это ощущения полёта, невероятной эйфории, я ведь толком и не задумывалась, что такое семейная жизнь, когда выскакивала замуж. Мне казалось, что достаточно того, что

и я, и Лёша были без ума друг от друга. Но это не так. Любви ничтожно мало, чтобы сохранить брак. А сейчас мне кажется, что любви-то никогда и не было. И больше не будет. Я не позволю. А Марк...любовь последнее, что когда-нибудь будет нас связывать. Пару встреч в гостиничных номерах и всё. Мы забудем друг о друге. Никакой любви. Никакой привязанности. Никогда. Наверное, именно в эту минуту дьявол за моей спиной, блаженно потёр ручки. Никогда — слово, которое втягивает в бездну. Уже намного позже я пойму смысл фразы: никогда не говори “никогда”.

Спустя неделю

— Ну, что всё готово. Квитанция о подтверждении оплаты пришла. Через три дня ляжешь к нам на стол. Не страшно, птица? Морально созрела для этого?

— Я столько этого ждала, что уже не только созрела, а скорее даже перезрела, — усмехнувшись, я чуть не поперхнулась печеньем, когда почувствовала на себя грозный взгляд вышедшего из кабинета Минеева. — Всё Вань, не могу сейчас разговаривать, я тебе перезвоню.

Повесив трубку, я уткнулась в компьютер, сделав вид, что совершенно не замечаю гневного взгляда Бориса. Последние дня четыре Минеев буквально уничтожал меня глазами. Он ждал контрактов, причём всех сразу. И, конечно, я его понимала, но, во-первых, всю неделю я занималась исключительно денежными вопросами, а, во-вторых, ну не хотелось мне, вот так, фактически на третий день знакомства прыгать в постель. Хотя признаться, руки иногда так и чесались позвонить ему. Дело было даже не столько в контрактах, хотя я понимала, что чем раньше я их получу, тем лучше, но если быть честной, я просто хотела встретиться с Марком. Много раз за эти семь дней сама тянулась к телефону, чтобы набрать его номер, но трусила. Я понимала, что на этот раз близость неизбежна. И более того, я её хотела. Но у меня столько времени не было мужчины...и сделать последний рывок, переступить эту черту, оказалось куда труднее, чем я думала.

Но всё же дата была назначена. Завтра. Я позвоню ему сегодня и назначу встречу на завтрашний день. Дождавшись пока Минеев, дав гневные указания подчинённым и мне в том числе, скроется за дверьми своего кабинета я больше не стала ждать и набрала номер Туманова. После долгих гудков в трубке послышался сухой мужской голос. Я даже не сразу поняла, что это Марк.

— Здравствуй, это Кристина. Ты меня узнал?

Мужчина усмехнулся, и я поняла, в чём дело. Он зол. Наверное, сильно зол.

— Узнал, хотя прошло немало времени с нашей последней встречи.

В его голосе проскальзывал явный упрёк, и как не странно именно после него мне захотелось облегчённо вздохнуть. Значит, он злится на то, что я долго не звонила. А я уж начала побаиваться, что он вообще меня забыл.

— Я тебя не отвлекаю?

— Ну как сказать, у меня вообще совещание.

— Мне перезвонить?

— Нет, — его железный голос заставил меня улыбнуться. Нет, он явно меня не забыл. — Я хочу с тобой встретиться. Сегодня.

Я слегка опешила. Сегодня? Нет, я ведь морально настраивала себя на завтрашний день...

— Марк, вообще-то, если ты не против, я хотела предложить встретиться завтра.

— Почему? — в голосе какая-то детская мальчишеская обида. Словно я у ребёнка конфетку отобрала.

— Ну, у меня много работы и...

— Я договорюсь с твоим начальством. Не беспокойся об этом.

Да, Туманов был явно решительно настроен. Я даже не ожидала такого напора.

— Марк, я думаю, сегодня всё-таки не получится...

— Ты чем-то занята помимо работы? С кем-то встречаешься? С этим своим другом?

О, а вот и эгоистичное чувство собственника. Нет, не ревность. По-видимому, Марку как и любому мужчине, просто не хочется делиться тем, что, по его мнению, на данный момент принадлежит только ему.

— Нет, я не с кем не встречаюсь, но...

— Вот и хорошо. Тогда я заеду за тобой через два часа.

Ответить я не успела, он просто сбросил вызов. Чёрт, надо было всё-таки подождать и позвонить завтра. Вот ведь баран упрямый. Всё делает, как хочет. Хотя надо отдать ему должное. Он выполнил мою просьбу, не став в очередной раз ставить меня перед фактом, когда и где мы встретимся. Да и может быть даже лучше, что всё произойдёт сегодня. Сколько можно тянуть? Я ведь сама этого хочу. И больше не буду противиться. Если внешние обстоятельства опять не помешают нам, сегодня я не стану ему отказывать.

— Марк, я всё же настаиваю на том, чтобы ты отменил сделку. Неужели сам не понимаешь, что это слишком рискованно? В случае провала мы понесём колоссальные убытки. И как ты потом собираешься их восполнять?

— Вадим Викторович, — Серый усмехнулся, с издёвкой покосившись на пожилого мужчину. — Ну откуда у вас такие мрачные мысли? С чего вы взяли, что нас собрались грабить? Шнайдеров стрелянная птица, он уже больше пятнадцати лет занимает верховное положение в строительном бизнесе. Его компания одна из самых крупных в России и сотрудничество с ней может принести нам не только неплохую прибыль, но и при правильном подходе у нас есть все шансы закрепить свои позиции в Европе. Вам ли этого не понимать?

— Ветров, когда ты ещё пешком под стол ходил, я уже занимал ответственную должность в крупной компании. И не надо меня учить прописным истинам. Шнайдеров, стрелянная птица, говоришь? Может и так. Но, насколько мне известно, прежде чем заключить с ним сделку, мы должны полностью отрезать себе путь к Западу...

— Да, но это временно. И к тому же...

— И к тому это слишком рискованно. А я бы на твоём месте утихомирил свой пыл и не стал перебивать людей, которые в два раза старше тебя.

— Так может в этом всё и дело? — Ветров скрестил руки в замок, с ненавистью глянув на раздражающего его мужчину. — Может, вы уже слишком стары для таких дел? Здесь нужны свежие амбиции, ум...

— А я, по-твоему, глуп?!

— Хватит, — жёстким голосом Туманов, наконец, прервал эту словесную перепалку. — Серый, прекрати эти нападки и лучше займись делом. Поезжай на Новокузнецкую, разберись, в конце концов, что там с объектом. Вадим Викторович, не волнуйтесь, я не собираюсь ввязываться ни в какую авантюру. Мне с минуты на минуту должны прислать

полный отчёт о грядущей сделке и как только я ознакомлюсь с ним, я сразу же переешю его вам. Да, в какой-то степени мы действительно рискуем. Но без риска в бизнесе никак. Я бы сейчас не сидел в этом кресле, если бы постоянно осторожничал.

— Да, но....

В эту секунду лежащий на столе телефон Тумнова завибрировал. Взяв мобильный, мужчина тут же изменился в лице, когда увидел высветившийся на дисплее номер.

— Прошу прощения. Я отлучусь на несколько минут.

Выйдя из кабинета, Марк дал секретарше знак, чтобы та отошла на пару минут. Оставшись один, мужчина тут же ответил на вызов. Стоило ему только услышать голос Кристины, как по телу прокатилась судорога болезненного желания. Всё тело, особенно нижнюю его часть, опалило жаром. Марку стоило больших усилий сдержаться и не наорать на девушку. Она говорила с ним совершенно спокойно и непринуждённо, так словно они хорошие знакомые, мать её. Словно она не пропала на целую неделю. Когда Кристина отклонила его предложение встретиться этим вечером, Туманову пришлось с силой стиснуть челюсти и сдавить в руках мобильный. КАКОГО. ХРЕНА. ОНА. СНОВА. ЕМ ОТКАЗЫВАЕТ? Он и без того, все эти гребанных семь дней изводил себя словно сумасшедший, но своё слово сдержал. Пускай, несколько раз, вечерами приезжал к её работе, смотрел, как она поправляет воротничок своего строго пальто, натягивает перчатки на тонкие ладони и неспешно идёт к своей остановке, но он не приблизился к ней. Он выполнил её просьбу, хотя иногда и хотелось на всё плюнуть. А сейчас, когда она, наконец, сама ему позвонила, она назначила встречу на завтра! Почему? Чем она может быть занята в этот вечер? Встречается с кем-то? Наверняка с мужчиной, потому как посиделки с подружками можно отменить не задумываясь. Одна мысль, что она, возможно, снова меняет ночь с ним на вечер с другим, отозвалась болезненным эгоистичным приступом какой-то глухой ревности. Раньше с ним так не поступала ни одна девушка. Ни одна мать её, не посмела ему отказать, а эта девчонка динамит его, уже в который раз. Нет, теперь, когда она сама позвонила, он не даст ей увильнуть. Конечно, Марк настоял на своём. Хотя она и колыхалась, но всё же была вынуждена сдаться под его напором. Сегодня. Он получит её сегодня.

Выжидающе постукивая пальцами по рулю, Марк не отрывал взгляда от входных дверей. Он ждал уже больше сорока минут. По-моему, это уже стало своего рода традицией. Кристина опаздывала. Как всегда. А он как верный пёс ждал её в машине возле её работы. Когда двери здания распахнулись и на улицу, кутаюсь в тонкое чёрное пальто, выбежала девушка с длинными вьющимися локонами чёрными волосами, Марк резко выпрямился, с силой сцепив пальцы на руле. Несколько раз просигналил, чтобы она его заметила, и невольно ухмыльнулся, когда её щеки зардели от смущения. Ещё бы, она единственная девушка, которая заставляет его так долго ждать. Даже жена в своё время и то порасторопней была. Открыв дверцу, Кристина села на переднее сиденье, неловко улыбнувшись.

— Привет. Извини, я немного опоздала.

К её щекам снова прилила краска смущения, но Марк уловил это уже краем глаза. Его взгляд невольно зацепился за её кулон на шее, а дальше, уже как-то сам собой стал спускаться ниже, в вырез блузы. Сегодня она была одета иначе. Совсем иначе. И если в прошлый раз, когда они виделись, он был уверен, что, то красное, испытывающее терпение

любого мужчины платье, она надела специально для него, то сегодня она не планировала встречи с ним. Тогда для кого она так... Он даже не знал, как описать её образ. Блузка с глубоким вырезом, открывающая вид на полную, часто вздымающуюся от прерывистого дыхания грудь и юбка средней длины с разрезом на бедре — всё это являлось одним сплошным призывом к сексу. Причём совершенно не вульгарно и не вызывающе. Марк раздирал вопрос, для кого она так вырядилась? Явно не перед коллегами по работе решила покрасоваться. Может, у неё сегодня свидание должно было состояться, а он смешал все карты? От одной этой мысли по венам растёкся ядовитый коктейль жгучей ярости и гнева. Появилось дьявольское желание опрокинуть её на заднее сиденье и взять прямо здесь. Сейчас. Но он сдержался. Один чёрт знает, каких усилий ему это стоило. Пришлось отвернуться и на несколько секунд закрыть глаза, до боли сжав пальцы на руле. Нет, он её получит. Получит сегодня, но не здесь.

— Марк?

Тихо позвала Кристина и увидев в её глазах плохо скрытое волнение, Туманов окончательно отнёс мысль о сексе в машину.

— Куда мы едем? На этот раз ведь право выбора остаётся за тобой?

Кивнув в знак согласия, Кристина широко улыбнулась, и Марку стоило огромных усилий снова взять себя в руки. От этой улыбки в душе что-то радостно затрепетало.

— Если честно, я очень голодна. С утра ничего не ела.

— Помнится, ты больше не хотела ресторанов?

Несколько секунд она молчала, а потом её губы расплылись в улыбке хитрющей лисицы.

— А кто говорил о ресторанах?

— Нет, ты просто сумасшедшая! Ей богу ненормальная! Я последний раз на колесе обозрения в семнадцать лет катался, на выпускном. А хот-догов вообще с пятого класса не ел.

Кристина рассмеялась, глядя на его неудачную попытку перетянуть через себя ремень безопасности.

— Просто признайся, что это куда лучше твоих скучных ресторанов, где мимо столиков вечно снуют официанты, — улыбнувшись, девушка перевела взгляд с Марка на открывшийся ей вид вечернего города и тут же в её глазах вспыхнули искорки восхищения. — Смотри, смотри там видно здание твоей компании.... С ума сойти!

— Ты знаешь, где находится моя компания? — хрипло произнёс Туманов, пытаясь скрыть удивление вперемешку с какой-то безумной радостью в голосе. Она действительно интересуется его жизнью?

— Ты, наверное, забыл, но я тоже занимаюсь пиаром твоего бизнеса. И да, я знаю, где находится твоя компания. Однажды, очень давно, когда на первом этаже был ресторан, я даже была там, — Кристина снова прилипла взглядом к виду на вечерний город, а Марк нахмурился. Сколько раз судьба их сталкивала? Ведь она была в его компании, занимается пиаром его бизнеса,... Они бы уже давно могли познакомиться и тогда бы, наверняка, всё было по-другому. Но они встретились только сейчас. Когда Марк уже... невольно мужчина скривился, испытал болезненный укол совести. Он словно всем нутром почувствовал лежащее в кармане пиджака обручальное кольцо, которое он всего снимает перед... — А знаешь, я ведь тоже уже давно не была в парке. Последний раз ещё в девятнадцать лет,

когда...

Внезапно девушка замолчала, и от Марка не осталось незамеченным, как потух её взгляд. В эту секунду он совершенно точно понял, что Кристина держит в душе что-то такое, о чём она сама, возможно, боится вспоминать.

— Пошли. Наш круг уже закончен.

Они бегали по парку, словно обезумевшие подростки. Точнее бегала Кристина, а Марк с двумя подтаившими мороженками в руках пытался ее догнать. И всякий раз, когда у него уже почти получалось схватить эту беглянку, она заливаясь смехом, ловко от него увиливала. Разозлившись, Марк выкинул мороженки в урну и уже через пару секунд настиг запыхавшуюся девушку у фонтана. Рванув её на себя, одной рукой он крепко стиснул её талию, а второй притянул к себе за затылок, отрезав ей все пути к отступлению. Хотя и себе тоже. Стоило только почувствовать под ладонями её горячее упругое тело, впиться взглядом в приоткрытые слегка подрагивающие губы и утонуть в затуманившихся от страсти глазах, как повернуть назад было уже невозможно. Он сотрясался от желания смять её губы своими, выпить ртом ее горячее прерывистое дыхание, выбить из нее хриплые гортанные стоны. И все же его что-то останавливало сделать это. Словно последний шаг должен быть не за ним, а за ней. И она его сделала. Обхватила его шею ладонями и чуть подрагивающими губами, хрипло произнесла:

— Поцелуй меня.

После этих слов всё вокруг перестало существовать. Этот парк, фонтан, мелькающие мимо них люди. Всё исчезло. Он задохнулся от этой просьбы. Невинной и вместе с тем лишаящей всякого рассудка. Резко рванув её на себя, Марк жадно смял ртом её губы. Он накинута на неё с такой страстью, с таким диким желанием, что от неожиданности она вздрогнула, испуганно приоткрыв глаза, но уже через несколько секунд, Кристина стала отвечать ему с тем же напором, с той же дикой потребностью обладать. Это уже не был поцелуй в прямом смысле этого слова. Эта была схватка, битва и Марк не мог понять, кто в ней ведет. То ему удавалось выбить инициативу, то она лишала его всякого рассудка своей сумасшедшей голодной страстью с долей какой-то безумной дикости.

Она с силой вцепилась пальцами в его волосы, со стоном прикусила его нижнюю губу, и когда он почувствовал во рту вкус крови, своей крови, он озверел. Порвал несколько верхних пуговиц на её пальто и дерзко сжал ладонью грудь поверх блузки. Внезапно она дёрнулась в его руках и поборов сопротивление прервала поцелуй. Как только он встретился глазами с её взглядом, взглядом в котором плескалось тоже безумие, та же дикая потребность друг в друге, он зарычал. По телу прошла волна сладостной дрожи. Окаменевшая в брюках плоть требовала немедленной разрядки. Марку из последних сил удавалось сдерживать себя, но ее последующие слова, отозвавшиеся тянущей болью в паху, окончательно лишили его рассудка.

— Поехали... поехали ко мне.

Он гнал машину по вечернему городу. Пытался сосредоточиться на дороге, но глаза сами собой опускались не туда куда нужно. Увидел, как у неё задралась юбка и его взгляду предстали сильные стройные ноги затянутые в капрон чёрных кружевных чулков. В эту секунду он едва сдержался, чтобы не свернуть машину на обочину, а после не растерзать в клочья её чертову одежду. Первый раз Марк ТАК желал женщину. Желал настолько, что

каменел каждый мускул на теле, перед глазами всё расплывалось чёрными кругами, а напряжённый до предела член в любую секунду был готов разорвать натянутую ткань брюк. Он затормозил там, где она сказала. Краем глаза подметил, что, когда он подвозил её в прошлый раз, Кристина назвала совсем другой адрес. Но уже в следующее мгновение всё это стало неважным. Он обернулся и когда увидел тоже безумие, тот же дикий накал чувств в её глазах, что и в своих, в горле начало драть. Но это ещё не было пределом. Последняя капля пролилась, когда она медленно начала расстёгивать пуговицы на своём пальто. После этого здравый смысл помахал ему ладошкой. Он сам не понял, что произошло. Очнулся, уже на заднем сиденье, чувствуя под собой горячее и до боли желанное тело. Кристина смотрела на него расширенными глазами, в которых плескался целый водоворот противоречивых чувств: волнение, страх, даже паника, но вместе с этим её взгляд горел от дьявольской, какой-то совершенно безумной страсти. Он накинулся на неё как дикое изголодавшееся животное. Теперь Марку уже было плевать, что они в машине. Он хотел её. Хотел сейчас. Немедленно. Взять. Грубо. Жадно. Поработить. Ворваться в её податливое тело и до самого утра выбивать из неё хриплые стоны наслаждения. Смяв ртом её губы, он порвал несколько пуговиц на её блузке и грубо накрыл ладонью упругую грудь, причинив лёгкую боль. Когда она выдохнула ему в губы жалостный, полный дикой мольбы вскрик и бесстыдно раздвинула ноги, предоставив ему всю себя, без остатка, он зарычал. Зарычал как голодный разъярённый зверь. Он знал, что мог взять её прямо сейчас. Здесь. В машине. И бог знает, каких усилий, ему стоило сдержаться. Эрекция была уже просто невыносимой. Он достиг самого апогея бешеного желания. С трудом заставил себя оторваться от её губ и тут же выскочил из машины. Холодный воздух смог хоть немного привести его в чувства, но совсем ненадолго. Всего на несколько секунд, пока она не вышла вслед за ним. Растерянная, потрясённая, кусающая дрожащие губы и нервно обхватывающая себя за плечи. Она смотрела на него в смятении. Не понимала, почему он остановился. Да Марк и сам не понимал. Раньше ег никогда не смущал секс в машине. Но с ней...так не хотелось. Она ни пустышка, и ни проститутка, с которыми он привык иметь дело. С ней должно быть по-другому.

— Давай поднимемся к тебе.

Она кивнула, всё также продолжая прибывать в лёгкой растерянности, а потом подняла взгляд вверх и он с удивлением подметил, как в её глазах промелькнуло острое разочарование.

— Свет...в моей квартире горит свет. Это Аня. Моя сестра. У неё есть ключи от моего дома и иногда она приходит без предупреждения.

Несколько секунд он молчал, изо всех сил пытаясь себя сдержать. Он видел как проясняется её взгляд. Как её губы и плечи перестают вздрагивать. Марк понимал, что, наверное, он может оскорбить её своим предложением, наверное, он может даже получить за него пощёчину, но он был просто обязан хотя бы попытаться. Его коробила сама мысль, что всё закончится вот так, что он опять уедет с дикой эрекцией.

— Давай снимем номер в гостинице?

Она молчала, долго молчала. Неотрывно смотрела ему в глаза, а потом совсем безразлично произнесла:

— Хорошо. Но тогда ты поставишь свои подписи сразу на всех контрактах.

Эти слова были хуже, больнее пощёчины. Лучше бы в лицо ему плюнула, и то было бы ни так унижительно. Она сама только что выставила себя шлюхой. Потаскухой, которая вместо денег, берёт бумажками, с помощью которых, наверняка, может получить повышение

по карьерной лестнице. Расчётливая тварь, такая же, как и все остальные. Было глупо возвышать её над простыми шлюхами. Она подстать ним.

— Давай сюда свои контракты.

Она немного помедлила, смотря на него расширенными от удивления глазами. А потом, достав из сумочки бумаги, протянула их Туманову. Не глядя, он поставил размашистую подпись на каждой бумажке, отдал их обратно, а потом резко привлёк девушку к себе за талию, провёл губами по её щеке и усмехнулся:

— Радуйся детка, на этот раз тебе не придётся раздвигать свои стройные ножки. Я не люблю столь грязных игр. Гораздо проще снять шляху на трассе. Тем более, что между вами нет никакой разницы, разве что способ оплаты несколько отличается.

Резко отстранившись от Кристины, Марк сел обратно в машину и напоследок, унижительно бросил:

— Кстати, если хочешь, я могу позвонить Минееву, попросить его, чтобы больше не подкладывал тебя под клиентов. Хотя судя по тому, как пару минут назад ты стонала подо мной, готовая потрахаться прямо в машине, тебе это доставляет явное удовольствие.

Он резко сорвался с места, уже не заметив ни скатившихся с глаз девушки слёз, ни как она, жалостно обхватила себя руками, упав на холодную землю. Марк яростно гнал машину по размытой внезапно начавшимся ливнем дороге и едва сдерживал рвущуюся наружу ярость. ‘Шлюха. Продажная тварь. Проститутка. Генкина шалава. Пошла она к чёрту, стерва. Пусть имеет мозги кому-нибудь другому. Итак, уже достаточно наигралась в пай-девочку’.

Тогда Марк думал, что всё кончено. Как с Кристиной, так и с остальными продажными шлюшками ей наподобие. Он действительно хотел заставить себя стать примерным семьянином. Бросить гулянки и хотя бы попытаться быть верным Марине. Правда тогда он даже не предполагал, что уже через неделю всё изменится. Что совсем скоро, он будет подыхать без той, кого сейчас называл проституткой. Будет жить её голосом, её запахом, её смехом. Будет нуждаться в ней каждый день. Будет сходить с ума от ревности и волнения, когда она случайно не возьмёт трубку. И тогда он не знал, что совсем скоро ему предстоит самый трудный выбор в его жизни. Кристина...или семья, дом, работа, вся его прежняя жизнь.

Нет, я не была опустошенна. Не была разбита или подавленна. Просто в какой-то степени меня уже не существовало. Я не чувствовала ни боли в разбитой коленке, ни пробирающего каждую клеточку тела холода, вообще ничего. Я уже даже не плакала. Точнее, я заставила себя в очередной раз надеть на лицо маску безразличия, скрыв за ней все чувства. Меньше всего мне сейчас хотелось, чтобы Аня увидела меня в таком состоянии. Сестра — единственный родной человек, который у меня остался. И не знаю почему, но я никогда не могла поделиться проблемами со своими близкими. Я не делилась какими-либо переживаниями со своими подругами, уже давным-давно, наверное, с самого детства не секретничала с мамой, не плакала у неё на коленках, когда было плохо...Единственный человек, который всегда безошибочно понимал моё состояние — папа. Только с ним я могла поделиться чем-то очень личным, очень сокровенным. Но с его утратой всё изменилось. Нет, меня нельзя назвать замкнутым человеком. Я довольно общительна, как и каждая девочка люблю посплетничать, но в стрессовых, пиковых ситуациях, я ухожу глубоко в себя. Перестаю кому-либо доверять. Просто не могу раскрыться человеку. Именно близкому человеку. Может это неправильно, но мне всегда казалось, что я не вправе перекладывать

свои проблемы на других.

Вот и сейчас, я заставила себя взять себя в руки. С дьявольским, просто титаническим трудом мне удалось наклеить фальшивую улыбку на лицо. Я поплачу. Я обязательно сегодня поплачу. Скорее даже разрыдаюсь. Молча. Прогрызая зубами подушку. Подавляя жалостливые всхлипы. Но всё это будет, когда я останусь одна. Аня не должна ничего узнать.

Но моя сестра оказалась ещё более догадливой, чем я думала. Сначала, она вышла встречать меня с широкой радостной и отчего-то немножко игривой улыбкой, но окинув меня всего лишь мельким взглядом, настроение сестры резко пошло на спад.

— Что случилось?

Мне едва удалось сдержать себя, чтобы не закатить глаза. Дьявол, как же сейчас хотелось остаться одной. Совершенно одной. Чтобы рядом никого не было. Чтобы ко мне никто не лез ни с какими расспросами и ничего из меня не выпытывал.

— Всё нормально. Просто устала на работе, день был тяжёлым. Да ещё и начальство не в духе. А ты могла бы хоть раз предупредить, что зайдёшь. Может у меня на сегодня были планы?

— Я уже догадалась, — Анька снова таинственно улыбнулась, а её губы растянулись в лукавой улыбке. — Я видела, что ты приехала не одна. Кто тот сумасшедший красавчик на дорожке иномарке, который тебя подвёз? Признавайся, закадрила кого-нибудь?

Ага, закадрила. Закадрила самого последнего лицемера и ублюдка. Почему-то сейчас мне захотелось послать Аню куда подальше. Ненавижу, когда кто-то лезет в мою личную жизнь. Пускай даже и родная сестра. Личная жизнь она ведь на то и личная, чтобы никто её не касался. Но всё-таки определённый плюс в Анином любопытстве был. По крайней мере она уже не испепеляла выпытывающим взглядом мои красные опухшие глаза.

— Ань, я же говорю, начальство завалило работой. Пришлось остаться в офисе допоздна. Автобусы уже не ходили, а меня предложил подвезти мой коллега по работе.

— Да? — по усмешке сестры я сразу поняла, что она не поверила ни одному моему слову. Хотя я и старалась быть как можно более убедительной. — И с каких пор в вашей конторе стали платить такие баснословные зарплаты, что люди могут позволить себя купить дорогие иномарки?

— Ань, меня совершенно не интересует, кто и на какие деньги покупает себе машины.

Переступив порог спальни, я сразу же сняла с себя всю мокрую одежду и закуталась в махровый халат. Сестра, молча, следила за моими действиями, почему-то на несколько секунд задержав взгляд на моей одежде.

— Да ладно, я ведь по глазам вижу, когда ты обманываешь. Не хочешь говорить, что у тебя кто-то появился — не нужно. Хотя могла бы, и поделиться с сестрой такими вещами. Я ведь не слепая. Думаешь, не замечаю, как ты изменилась за последнее время? Стала более весёлой, чаще улыбаешься, наконец, начала пользоваться косметикой и носить нормальные вещи. Если у тебя никого нет, то с чего вдруг такие перемены?

— С того, что пора мне заканчивать с этим ханжеством. Я решила больше не вспоминать о прошлом. В конце концов, хотя бы ради моего будущего ребёнка. Ты же сама мне постоянно это твердила?

— Верно. Но прислушаться ко мне ты почему-то решила только сейчас. Да ладно Крис, хоть мне признайся, что ты, наконец, завела себя мужика. Я ведь видела, как ты обнималась с этим 'коллегой по работе'. Но не переживай, дальше подглядывать не стала, сразу отошла

от окна.

Я с трудом сдержалась, чтобы не закатить от облегчения глаза. Представляю, чтобы она устроила, если бы увидела как после этих объятий, я обессиленно рухнула на землю, разрыдавшись как ребёнок.

— Ещё раз тебе повторяю, мы просто работаем вместе. Ничего больше. Ну, обнялись по-приятельски, что в этом такого? И кстати, если хочешь знать, он женат.

Взгляд сестры потух в одночасье. Мне даже показалось, что с её губ сорвался стон разочарования. А мне стало стыдно. Я почувствовала себя настолько омерзительно, что даже пришлось отвернуться, только бы не видеть глаз Ани. Чтобы она сказала, если бы узнала, что всего минут десять назад я стонала под этим самым женатым мужчиной на заднем сиденье автомобиля и подыхала от желания отдаться ему, прямо там, в этой чёртовой машине? Аня бы этого ни за что не поняла. Она всегда ненавидела женщин, уводящих чужих мужчин. Только я никого не уводила. Я всего лишь пешка, которую так жестоко убрали с шахматного поля.

— Чёрт, а я уж и правда подумала, что у тебя с ним, что-то есть, — Аня обречённо вздохнула и достала из своей сумочки какую-то чёрную папку. — Ладно, женат, так женат, проехали. Я вообще вот зачем пришла. Это бумаги о размене квартиры. Здесь есть много неплохих вариантов, ты их обязательно просмотри. Надо ведь уже в ближайшее время решить этот вопрос.

Я взяла папку, с благодарностью посмотрев на сестру. В то время как я забивала себе голову любовными делами, она разгребала мои проблемы.

— Анька, чёрт, спасибо тебе огромное. У меня всё никак руки не могли до этого доползти, а ты...

— Да ладно, что в этом такого мы же сёстры, — отмахнувшись, Аня уселась на мою кровать перекинув ногу на ногу. — Нус мадам, поделитесь, как ощущение перед грядущей операцией? Уже запаслась пелёнками и ползунками?

— Сколько раз тебе объяснять, что после этой операции я не проснусь беременной. Перед этим знаменательным событием может пройти ещё не один месяц.

— Ой, не грузи меня этими подробностями. Лучше скажи, ты от кого ребёнка рожать собралась? Мужика у тебя нет и судя по всему, заводить ты его не собираешься. А в конторе у вас, как я поняла, одни господины женатые водятся?

Упоминание о Туманове больно полоснуло внутри. Я даже поморщилась, с трудом сумев отогнать от себя мысли о нём.

— Искусственное оплодотворение, я не вижу другого выхода.

— Не видишь другого выхода? — усмехнувшись, Аня глянула на меня как на сумасшедшую. — Да я тебе столько таких выходов могу подогнать. У меня знаешь, сколько знакомых неженатых мужиков? Они перед тобой все штабелями лягут. Кроме того ведь необязательно говорить с какой целью тебе нужны отношения...

— Ань, не носи чепухи. Это эгоистично и подло. Я не собираюсь находить мужчину на пару ночей.

— Упрямая ты. Ну, вот зачем тебе вообще сейчас ребёнок? Могла бы сначала карьеру...

— Ты прекрасно знаешь, что я думаю по этому поводу. Нет, большего счастье для женщины, чем быть матерью. По крайней мере я так считаю. И никакие деньги не заменят самой простой улыбки твоего ребёнка. И Ань, не обижайся, но я правда очень устала и просто хочу лечь спать.

— Тактично намекаешь мне, чтобы я смотралась? — усмехнувшись, сестра встала с постели, поправив за собой смявшуюся простынь. — Ладно, мне и самой уже пора домой. Только...я с тобой вот ещё о чём хотела поговорить. Ты помнишь, что в конце месяца у мамы день рождения...

— Если ты хочешь пригласить меня на праздник, то...

— Не я, меня об этом мама попросила, — не успела я ничего ответить, как сестра тут же начала читать мне нотации. — Крис, я всё понимаю. Ты обиженна. Ты злишься. Ты, наверное, всё ещё не можешь её простить...Но она наша мама. Женщина, которая нас родила и, кстати, дала нам счастливое беззаботное детство. А ошибки все совершают. Я её не оправдываю, но она очень сожалеет...

— Ань, мне всё равно. Для меня этой женщины больше не существует. В моём сердце она умерла в тот же день, когда она заживо похоронила меня в своём. А насчёт счастливого беззаботного детства, здесь ты права. В то время нам действительно ни в чём не отказывали, потакали всем прихотям, окружали лаской и заботой...А от того ещё тяжелее. Я чувствую себя вшивым котёнком, о котором сначала заботились, кормили молочком из миски, гладили за ушком, а потом выбросили на улицу как ненужную игрушку. Я этого не могу понять. И простить тоже не могу.

— Крис, это жестоко...

Я усмехнулась, почувствовав небывалую волну злости.

— А сказать всем родственникам, что я умерла, это не жестоко? А бросить меня в такой тяжёлый момент, это не жестоко? Я не считаю её своей матерью. Я даже вообразить не могу, что если, не дай бог, с моим ребёнком случится такая беда, я отвернусь от него. Поставлю долбаный престиж семьи выше него. Это просто уму непостижимо, а она это сделала. И теперь мне всё равно, как она живёт, что с ней происходит. Она мне чужая.

Кажется, Аня ещё хотела что-то возразить, но по моему взгляду поняла, что это бесполезно. Я всё равно останусь при своём мнении, изменять которое я не собираюсь. Никогда.

Когда за сестрой захлопнулась дверь, я заползла в тёплую кровать, с головой закуталась в одеяло и разрыдалась. В первый раз за долгое время я позволила себя такую слабость. Потому что держать всё внутри, где-то очень-очень глубоко в душе, стало уже просто невыносимо. Как же глупо было думать, что жизнь может повернуться в лучшую сторону. Стоило только на несколько мгновений позволить себе немного открыться, близко подпустить к себе кого-то, как меня снова ткнули мордой в грязь. Меня ведь даже не оскорбило предложение Марка снять номер в отеле. Наоборот, для меня самой была убийственна мысль, что мы опять вот так разъедемся. Это уже походило на игру в кошки-мышки, только на этот раз, мышка сама бежала навстречу кошке. Я ведь до сих пор не могу понять, что со мной произошло. Почему моё тело так остро реагировало на его прикосновения? Я горела. Даже не просто горела, а полыхала в адском пламени. Я сходила с ума от всего: от его жарких поцелуев, от бесстыдных ласк, которыми он так щедро одаривал меня, я дьявол чуть не кончила, когда он грубо сжал ладонью мою грудь, при этом сквозь стиснутые зубы из его горла вырвалось рычание. А когда почувствовала как мне в живот упирается его твёрдая, прорывающая ткань брюк плоть, я была на грани оргазма. Из моих глаз сыпались искры. Я уже не понимала, что происходит. Мне было совершенно плевать, что мы в машине, что всё может произойти прямо здесь. Я едва ли смогла сдержать стон дикого разочарования, когда он внезапно отстранился от меня. И даже сейчас, когда мне

немного удалось успокоиться, я не могу понять, почему он это сделал. Почему не взял меня прямо там? Ведь у него была возможность. И почему его так оскорбил мой ответ на его предложение снять номер в гостинице? 'Я не люблю столь грязных игр. Гораздо проще снять шлюху на трассе'. Не любит грязных игр? Так ведь он сам всё это затеял. Неужели, когда он устроил шантаж с этими контрактами, он думал, что я испытываю к нему какие-то возвышенные чувства? Что именно его так задело в моих словах? Может он просто подумал, что я...не такая как его прошлые пассии. Да, наверняка всё именно так! Он льстил своему эго, когда назначал мне встречи, когда пытался меня соблазнить, даже когда получал от меня отворот-поворот, он льстил себе. Считал, что я особый трофей среди всех его побед. Ему нравилась моя недостижимость, нравилось добиваться меня. А сегодня...сегодня, когда я упомянула об этих контрактах, он в какой-то степени очнулся, хотя и не понял всего до конца. Он посчитал, что я играла с ним. Изображала недотрогу, сама при этом являясь последней проституткой....В эту секунду, я вытерла ладонями слёзы и по моему телу прокатилась просто невероятная волна ненависти. Что ж, вот и отлично! Просто замечательно, что всё закончилось именно так. Я ведь мечтать о таком не могла. У меня есть контракты, я получу кредит, рассчитаюсь со своим начальством и наконец, выйду из этой чёртовой игры. А то, что произошло сегодня...это всё из-за долгого отсутствия мужчины. Именно поэтому все чувства и желания были такими острыми. С любым другим мужчиной я бы чувствовала то же самое, в этом нет сомнений. И я сейчас должна радоваться, что всё закончилось. Что я больше никогда не столкнусь с этим ублюдком...только вот почему-то вместо улыбки, мои щёки мокрые от слёз, а тело пробивает холодная дрожь. Но это пройдёт. Всё обязательно пройдёт, ведь Марк...он для меня ничего не значит.

Наверное, как и любой человек, я очень боялась лечь на операционный стол. Хотя для меня это было уже не в первый раз. После аварии я буквально прописалась в больницах, и мне пришлось пережить далеко не одну операцию. Но сегодня было особенно страшно. Я прекрасно понимала, что это мой единственный шанс. Если что-то пойдёт не так или просто операция не даст никакого результата (что тоже не исключено), то фактически, всё было напрасно. Эти чёртовы кредиты, обмен квартиры, поиски новой работы. Всё уже перестанет иметь смысл. Но я старалась о таком не думать. Точнее Ваня строжайше запретил мне подпускать к себе такие мысли. Я должна была расслабиться и отогнать от себя всякое волнение. И бог знает, какими стараниями, но мне удалось это сделать. А когда я открыла глаза после операции и увидела перед собой довольное лицо Рушанова, у меня с души, словно камень упал. Я сразу поняла, что всё прошло хорошо. Да и сам Ванька подбодрил меня словами, что операция была очень успешной, хотя радоваться пока ещё слишком рано. Как минимум до конца недели я должна была оставаться в больнице, под наблюдением. Только после тщательного обследования Рушанов смог бы дать указания, что мне делать в дальнейшем. Всё ещё могло кардинально измениться. Несмотря на то, что операция прошла успешно, мне бы она могла не принести никакого результата. Всё-таки риск провала не так уж и мал. Пятьдесят процентов. Но я старалась о таком не думать. Мне казалось, что я уже беременна и вот-вот на свет появится мой малыш. Мой ребёнок, о котором я так мечтала. Такие мысли подбадривали меня, отвлекали от всех переживаний. На какое-то время мне даже удалось забыть о всей этой истории с контрактами, о том что со мной произошло за последнее время, забыть о Марке....Но это была совсем короткая передышка. Мимолётная. Она закончилась в тот день, когда Рушанов сообщил мне результаты проведённой операции.

— Крис, пожалуйста, попытайся вникнуть в мои слова. У тебя есть три, ну максимум четыре месяца, чтобы забеременеть. Если в течении этого времени ничего не получится, дальше уже не будет смысла что-либо предпринимать. Ты должна ориентироваться именно на этот период.

— Значит всё прошло хорошо? У меня есть шанс родить ребёнка?

Летая где-то в облаках от накрывшего меня с головой счастья, я ещё не до конца поняла слова Рушанова.

— Стрижова, вернись в реальность и услышь, что я тебе говорю. Объективно у тебя есть шанс родить ребёнка, только если ты забеременеешь в течение этих трёх месяцев. Ты меня понимаешь?

— Конечно, я уже нашла клинику, где буду делать искусственное...

— Забудь об этом. Чтобы сделать искусственное оплодотворение тебе как минимум месяц ещё надо будет понаблюдаться у врача. Насколько я помню, несколько недель назад у тебя была лёгкая сыпь на коже? Так вот это может оттянуть процедуру. Кроме того не часто так бывает, что всё получается с первого раза. Наоборот это дело довольно длительное, да и затратное. Я бы тебе посоветовал ехать для этого в столицу, там самые лучшие клиники в этой области....Но опять же, это время, которого у тебя катастрофически мало.

— Что ты хочешь этим сказать?

Я напряглась. Скомкав в ладонях ткань своего платья, я на несколько секунд даже перестала дышать.

— Крис, ты молодая красивая девушка. Не усложняй всё. Найди себе мужчину на эти три месяца. Поверь, это будет самое лучшее решение.

Меня выписали в тот же день. Аня хотела встретить меня, но после разговора с Рушановым, я наотрез отказалась. Сейчас мне никого не хотелось видеть. Как только я вышла из больницы, я сразу села на лавочку, поставив небольшую сумку с вещами себе на колени. В эти минуты я задавалась только одним вопросом: что мне теперь делать? Неужели и правда придётся искать себе мужчину? Но где? В клубах? Тогда всё ограничится одной, ну максимум парой ночей. А мне нужны отношения. Недолгие, но всё-таки отношения. Может быть, тогда...заказать себе мужчину? Но, не говоря уже о том, что это безумно противно, это ещё и затратно. По деньгам, наверное, даже дороже чем искусственное оплодотворение будет.

Перебирая в голове все возможные варианты, я уже знала, как поступлю. Это решение пришло ко мне ещё там, в кабинете Рушанова, но я отторгала его. Пыталась выкинуть из своих мыслей, хотя уже точно знала, что буду делать. Я до последнего хотела убедить себя, что это подло жестоко и эгоистично. Я колебалась, даже уже когда набрала номер и прислонила мобильный к уху. Ещё не поздно было отказаться от всего. Просто сбросить вызов и к чёрту выкинуть телефон в урну. Но я этого не сделала. И когда в трубке послышалась раздражённое 'да', меня пробрало до самых костей. Именно в эту минуту я поняла, что я лгу самой себе. Это не единственный вариант из всех возможных и если поискать, я бы смогла найти ещё много решений. Но это единственный вариант, которого я сама хотела. Даже не решаясь себе в этом признаться.

— Привет, это Кристина...я не помешала? — на несколько секунд в трубке повисло молчание. Я буквально на каком-то интуитивном уровне почувствовала как он напрягся, как сжал во вспотевшей ладони мобильный, как дёрнулся кадык на его горле,...и это всё

отозвалось во мне каким-то безумным всплеском восторга. Я судорожно сглотнула, с трудом заставив себя унять пробивающую тело нервную дрожь. — Я хотела встретиться с тобой... сегодня. Ты не против?

— Буду возле твоего дома через полчаса.

И всё. Вызов сброшен. Тонкая нить всё это время отделяющая нас от этого последнего шага разорвана. Я не знала, что именно сейчас чувствую. Меня трясло. Трясло от волнения, от страха, от дьявольского желания...Внизу живота уже давно скрутилась болезненная спираль. Сладостная дрожь пробивала всё моё тело, и я понимала, что я не просто хочу, я жажду того, что сегодня произойдёт,...Обязательно произойдёт. На этот раз, даже если мир перевернётся, нас уже ничего не остановит. Меня по крайней мере точно. Пускай это жестоко, но...Он всё равно ничего не узнает. Где-то, через год он вообще уже не вспомнит моего имени. А я...я ведь не собираюсь разрушать его семью. Не собираюсь становиться его любовницей именно в плане соперничества с его женой. Я просто хочу получить то, о чём так давно мечтаю,...Кто меня за это осудит?

Марк налил себя кофе, достал из холодильника тарелку с бутербродами и сел за обеденный стол. Уже через мгновение Марина пересела в другое кресло, подальше от него. И вот именно это окончательно доконало Туманова. Ещё со вчерашнего вечера жена решила поиграть с ним в молчанку, причём если раньше он хотя бы понимал, за что она может быть на него обиженна, то теперь у него не было абсолютно никаких мыслей на этот счёт. Чем она там опять себя накрутила? Что ей снова не нравится? Он вчера поздно пришёл с работы? Может она опять учуяла от него аромат женских духов или нашла след от губной помады на его рубашке? Исключено. У него не было другой женщины за последнюю неделю. Точнее с того самого вечера как он уехал от Кристины. Он не с кем не спал. В том числе и с Мариной.

— Ну и в чём дело? Что опять не так?

Жена брезгливо поморщилась, стрельнув в него таким взглядом, словно он последний враг народа.

— А ты не догадываешься? Всё, как обычно. Твои вечные бабы, которые мне уже вот здесь сидят.

Марина характерным жестом вцепилась ладонью в горло, а Марк не выдержал. Сбросил тарелку с бутербродами со стола, с силой сжав ладони в кулаки.

— А мне вот поперёк горла уже давно стоят твои вечные подозрения. Какие опять бабы?

Жена истерически усмехнулась:

— Какие? Ну, милый мой, здесь такой список, что мы даже к вечеру вряд ли закончим.

Встав из-за стола, Марк с трудом сдержался, чтобы не наорать на жену. В последнее время его итак всё ужасно раздражало и для полного счастья не хватало только скандалов в доме.

— Всё, спасибо за прекрасное утро. Я, пожалуй, пойду, прогуляюсь.

— К ней да? — Марина уже через секунду выбежала вслед за мужем в коридор. — Сматываешь к своей новой пассии? Не смей ничего отрицать! Ты опять с кем-то спутался, вас видели! Видели, как ты обжимался в парке с какой-то шваброй. Ты просто ублюдок, Туманов!

Всего на секунду Марк застыл, шокированный словами жены, но ему очень быстро удалось прийти в себя, натянув на лицо маску полного безразличия и непонимания.

— В каком парке? Кто тебя опять такую чужую наплёл?

— Какая разница кто? Моя подруга, она вас видела. Ты...ну, ты же клялся мне, что у тебя никого нет, что я единственная! Почему я опять должна всё это терпеть? Почему ты так унижаешь меня перед моими подругами, перед всеми нашими знакомыми? Ты совершенно не от кого, не скрываясь, тискаешься повсюду со своей очередной пустышкой. Кто она? Ну, скажи мне, какая-нибудь очередная моделька? Или может у тебя появилась новая секретарша?

— Замолчи! — Марк резко развернулся, стиснув плечи жены с такой силой, что она невольно охнула. — Тебя достало всё это терпеть, говоришь? А мне достало, что я в свой единственный выходной не могу нормально позавтракать! Ты веришь, кому угодно: своим подружкам, приятелям, нашим общим знакомым. Всем, кроме меня.

Отпустив жену, Марк вышел из квартиры и, не обращая внимания на жалостливые всхлипы Марины, спустился вниз по лестнице.

— Марк...Марк, ты куда? Ну, прости меня. Давай поговорим, Марк...

Выйдя из подъезда, мужчина достал из кармана брюк сигареты, прикурив одну. Чёрт, как же его всё это достало. С каждым днём Марина всё больше и больше действовала на нервы. Даже когда не злилась, не устраивала скандалы, она всё равно его раздражала. Всем. Улыбкой, нежными взглядами, даже своей долбаной заботой. Она в буквальном смысле выводила его из себя одним своим присутствием. Но дело было вовсе не в Марине. За последнюю неделю Марк уволил восемь своих подчинённых, снизил более десяти сотрудников, даже умудрился чуть не сорвать важную сделку. Эта неделя выдалась целым испытанием для его психики. Он не понимал, что с ним происходит. Точнее где-то глубоко в подсознании он, конечно, знал, в чём дело и от этого бесился ещё больше. Марк жалел о том вечере. Жалел о том, как повёл себя. И что самое удивительное, он корил себя вовсе не за то, что не воспользовался шансом, отпустив Кристину, не взяв ничего взамен. Нет. Дело было не в этом. Ему с дьявольской силой давило на нервы каждое слово, что он выкинул ей в лицо в порыве злости. Только потом, когда он уже успокоился и смог здраво всё оценить, он, конечно, понял, что был неправ. Ведь это он затеял всю эту чехарду с контрактами. Он предложил Кристине снять номер в гостинице и этим самым, наверное, оскорбил её. А потом ещё сам пришёл в ярость от того, что она ответила на это оскорбление. Сделав последнюю затяжку, Марк смял сигарету и бросил на асфальт. Вот ведь дьявол. Чёртова баба, въелась в мозги и совершенно не хочет оттуда вылезать. Может, надо было позвонить? Ну и чтобы он сказал? Извинился? А зачем? Может он и обидел её своими словами, но сейчас она явно кайфует от того, что получила все контракты и наконец, отделалась от него. Да и к лучшему, что всё это закончилось. Марку не нравились чувства, которые он испытывал к Кристине. К дьявольскому желанию взять её, затащить в постель и всю ночь, а то и больше оттуда не выпускать, примешивалось ещё что-то. Она...она какая-то другая что ли. Ему было интересно с ней. Ему нравился её смех, её улыбка, даже то, как она заправляет волосы за ушко...И от этого нужно было избавляться. Ему сейчас не нужны такие проблемы. Вон, вместо того, чтобы успокоить Марину, он наорал на неё, обидел. А ведь, если сделка со Шнайдером прогорит, они действительно понесут огромные убытки. И в этом случае его могут спасти только связи. Связи Мариного отца.

В кармане его джинс завибрировал телефон. Достав мобильный, Марк, даже не взглянув на дисплей, бросил в трубку раздражённое 'да', но стоило только услышать голос

собеседника, как его словно током шарашнуло. По телу прошла дрожь мучительного желания, моментально осевшая в паху.

— Я хотела встретиться с тобой...сегодня. Ты не против?

— Буду через полчаса возле твоего дома.

Он сам не понял, как это произнёс. Собственно, как и очутился в машине, которую гнал на огромной скорости. Она позвонила. Сама. Но зачем? Ведь он уже отдал ей контракты. Неужели просто захотела с ним увидеться? От этой мысли у него внутри всё было готово взорваться от какого-то дикого восторга. Крохотными остатками здравых мыслей он понимал, что это существо безумие. Ведь ещё пару минут назад он думал, что от этой женщины нужно держаться подальше, но стоило ей только позвонить, как он сломя голову мчался к её дому. И в этот момент ему было плевать на всё. Он хочет её увидеть, услышать её голос, дотронуться до нежной кожи...Он дьявол, просто хочет её.

Когда дверца машины распахнулась и уже через секунд внутри салона поселился аромат нежных духов, у него окончательно снесло крышу. Она сидела всего в паре сантиметров от него, запыхавшаяся, пытающаяся отдышаться видимо после длительной пробежки. Марку ещё какое-то время удавалось сдерживать себя, но взгляд соскальзывал на неё. На её сильные стройные ноги, на вырез лёгкого платья, который приковывал глаза к ложбинке меж хаотично вздымающихся грудей. Ему стоило огромных усилий резко отвернуться, зажмуриться так, что перед глазами замелькали разноцветные круги и до боли сжать пальцы на руле. Только через несколько минут ему удалось успокоиться. По крайней мере хоть как-то побороть в себе бешеное желание накинуться на неё, порвать к чертям платье и вдавить её в сиденье своим телом.

— Я хотел извиниться за свои слова. Я...был не прав. Прости.

Его голос сел всего за каких-то пару секунд. Пришлось даже прокашляться и повторить свои слова ещё раз. Марку даже не столько хотелось извиниться, сколько прервать эту тишину, ставшую уже невыносимой, собственно как и тянущая боль, сковавшая нижнюю часть тела. Окаменевший член так сильно натянул ткань джинс, что ему даже пришлось шире расставить ноги и украдкой сделать несколько судорожных глотков воздуха. Но всё полетело к чёрту. Все его усилия, вся титаническая выдержка просто рассеялись в одночасья после её слов.

— Поцелуй меня.

Столкнувшись с её взглядом, таким же безумным, таким же светящимся от сумасшедших искр дикой первобытной страсти, он задохнулся. Сорвался с цепи. Послал весь мир к чёрту. Резко рванув её к себе за затылок, он жадно накрыл ртом её губы. Нет, это не был поцелуй. Он с каким-то диким остервенением терзал её губы, выпивал её судорожное дыхание, хриплые стоны. Когда он проник в вырез платья и сжал ладонью упругую грудь, он и сам с трудом сдержал звериный дьявольский рык. Вот сейчас ему уже было наплевать, что они в машине. Он хотел её. Хотел так, что всё тело ломало. С глаз сыпались искры. Нервы были оголены как натянутая струна. Судорога острого первобытного желания сковала всё его существо.

Она отстранилась от него. Дрожащими ладошками упёрлась ему в грудь и хрипло произнесла:

— Я сменила замки....Теперь ни у кого кроме меня, нет ключей от моей квартиры. Давай поднимемся...поднимемся ко мне?

Если бы он мог он бы зарычал, зарычал так, что треснули бы окна машины. Но Марк был не в силах произнести даже звука. Все слова застряли в пересохшем горле. Разум затмила дикая дьявольская потребность обладать ей. Сейчас. Немедленно. Он скорее сдохнет, чем снова отпустит её.

Они вышли из машины одновременно. Оба молчали и когда заходили в подъезд, и когда поднимались по лестнице до её квартиры. Она долго не могла открыть входную дверь. Ключи несколько раз выскользывали из дрожащих рук, а Марк был не в силах ей чем-либо помочь. Он стоял впритык к ней. Аромат её простеньких духов дурманил, лишал всякого рассудка похлеще дорогой выпивки. Внезапно она качнулась назад, и Марк инстинктивно сжал руки на её талии. И всё, тормоза сдали. Стоило только почувствовать под ладонями её горячее такое отзывчивое тело, как зверь внутри него пробудился. Он сжал пальцы на её бёдрах, закатил глаза от прострелившего всё тело первобытного желания, когда из её горла вырвался хриплый жалобный стон и именно в эту секунду дверь поддалась. Они буквально ввалились в квартиру, с грохотом опрокинув попавшуюся им на пути мебель. Прижав её к стене, Марк приподнял Кристину за талию, заставив её обхватить себя ногами. В ту же секунду он жадно приник к её губам, сминая, в каком-то дьявольском порыве терзая её рот. Подумал, что она, наверное, испугается такого напора, захочет отстраниться, попытается вырваться, и тогда он буквально вдавил её в стену своим телом, сжав пальцы на её бёдрах с такой силой, что она охнула от боли, распахнув свои затуманившиеся глаза. Но Марк ошибался, когда думал, что Кристина начнёт вырываться. Она не испугалась, не стала вырываться, она окончательно добила его своими хриплыми стонами, невесомыми прикосновениями. Она гладила нежными пальчиками его шею, скулы, подбородок, и он невероятными усилиями сдерживал в себе желание растерзать, разорвать её на самые мелкие кусочки. С ней он сатанел, превращался в зверя, которым двигал лишь необузданный голод.

Он пронёс её по коридору, ударом ноги распахнул какую-то дверь и зарычал от дикой ярости, когда вместо кровати пришлось усадить Кристину на жёсткую поверхность стола. Но искать спальню не было уже никаких сил. Он сотрясался от острого безумного желания ворваться в её тело, которое так долго сводило его с ума. Опрокинув её на стол, он в одну секунду разорвал платье до пояса и сжал ладонями кольшущуюся от прерывистого дыхания грудь. Её стон, вцепившиеся в его руки нервно-дрожащие пальцы и глаза, в которых он увидел отражение собственного взгляда, выдрали из мужчины остатки крохотных сил, которыми ему ещё хоть как-то удавалось сдерживаться. Марк понимал, что всё должно было быть по-другому. Прелюдия, долгие ласки, в конце концов, долбаные лепестки роз на постели, но сейчас им двигало только одно острое дикое желание взять. Здесь. Сейчас. Он хотел её. Хотел всю от кончиков волос до ногтей на пальцах ног. Хотел, так как не хотел ещё ни одну женщину. Сдёрнув трусики, он коснулся пальцами её жаркого лона и едва сдержал дьявольский рык, когда почувствовал влагу. Она была готова. Ей самой не нужны были ласки или долгие прелюдии. Она уже была готова принять его. Расстегнув ширинку, Марк потянулся в дальний карман брюк за презервативами, но девушка вдруг резко выпрямилась, обхватила пальцами его твёрдую налитую кровью плоть и ввела в себя. Пакетик с презервативом выпал из рук Марка. Он задохнулся. Рот непроизвольно приоткрылся, глаза закатились, а по телу прошла судорога мучительного удовольствия. И именно в эту секунду он перестал быть самим собой. Зверь выбил себе дорогу, диктуя свои правила. Обхватив ладонью её затылок, Марк резко рванул её на себя так, что их лбы

соприкоснулись, взгляды скрестились. Девушка протяжно застонала, прикрыв на мгновение глаза, и в ту же секунду вновь распахнула веки, когда Марк с силой сжал пальцы на её ягодицах.

— Смотри на меня, — прорычал он, не позволив ей придвинуться, глубже насадить себя на его плоть. Хотя сам мужчина уже осатанел от зверского желания заполнить её до упора. Ворваться в её жаркое лоно одним мощным толчком. — Смотри мне в глаза, когда я буду тебя трахать. Не смей отводить взгляд.

После этих слов он одним резким движением бёдер погрузился в неё. Ворвался до упора. Она вскрикнула, выгнулась в его руках, но взгляд отвести не посмела. Их глаза полыхали страстью, каким-то нечеловеческим желанием. И они были друг напротив друга. Битва взглядами. Смертоносная схватка, в которой они оба проиграют. Сжав пальцы на её ягодицах, Марк задохнулся от острого эгоистичного желания взять. Взять всё что можно и нельзя. Всё что дают, а что не дают вырвать силой. Он начал насаживать её на себя в бешеном диком темпе. Он врывался в её покрывшееся капельками пота тело окаменевшим членом, брал её жадно, с каждым толчком всё сильнее и сильнее. Он врывался в неё до упора, понимал, что может причинить боль, но в те мгновения ему было на всё наплевать. Он сжимал пальцы на её ягодицах, кусал зубами её соски и вдавливался в жаркое влажное лоно диким нещадным темпом. Она стонала, хрипела, отвечала ему с тем же напором, с той же безумной страстью. Она не проигрывала. Не давала ему вести. Она подстраивалась под его движения, в каком-то диком порыве подмахивала ему бёдрами, пытаясь ещё сильнее насадить себя на его плоть. И всё это время смотрела ему в глаза. Не слушалась. Или просто приняла его правила игры. Она смотрела ему в глаза, даже когда он упирался головкой члена в стенку матки, даже когда он запрокинул голову и зарычал сквозь стиснутые зубы, даже когда он начал кончать в неё, заполняя её своим семенем, даже когда она сама захлебнулась в диком крике наслаждения, достигнув наивысшей точки удовольствия...удовольствия, которое граничило со смертью, с пределом чего-то уже совсем нереального.

Осторожно выйдя из её тела, Марк отошёл к стене и медленно съехал на пол. Он был опустошён. Выпит до последней капли. Ещё никогда секс не приносил такого острого дьявольского наслаждения. Никогда он не кончал так бурно, настолько ослепительно, что в глазах всё мутнело. Из него словно выжали все соки. Вывернули наизнанку и душу, и тело.

— Ты хочешь пить? — её голос не сразу ворвался в его затуманившееся сознание. Он поднял на неё свой взгляд и снова почувствовал, как внутри всё перевернулось. Она улыбалась. Как-то растерянно, потрясённо. Её волосы были растрёпанны, платье смято и порвано. Но на её губах играла улыбка. Искреннее. Настоящая. Не фальшивая. Он был полным идиотом, когда думал, что она играла с ним. Нет, Кристина не умеет врать. Не умеет изощрённо притворяться. Она искренняя. Каждая её улыбка, каждый взгляд, каждый стон — всё это настоящее. — Держи, это всё, что нашлось в моём холодильнике.

Она протянула ему стакан с апельсиновым соком, Марк сделал пару плотков, но это не помогло утолить жажду. Когда она нагнулась, чтобы поднять свои трусики, её платье задралось, и он увидел её упругие ягодицы, стройные ноги, по которым сейчас стекала его семя. Всё пошло к чёрту. Все тормоза опять съехали. Член стоял так, словно они не занимались диким неподдающимся никакому контролю сексом всего пару минут назад. Он снова хотел её. Хотел безумно, дьявольски сильно, так что каждую клеточку тела пробивала волна адской дрожи.

Наверное, он бы снова накинулся на неё. Усадил на тот же стол и вновь и вновь брал её.

До вечера. До следующего утра. Но она вышла из кухни, на несколько минут оставив его в одиночестве. Он хотел было последовать за ней, но его взгляд невольно наткнулся на снимок, стоящий на подоконнике. Поднявшись, мужчина взял в руки фотографию, и волна яростной необузданной дрожи в ту же секунду прокатилась по его телу. На снимке было три человека: Кристина, она стояла в самом центре, слева была девушка очень на неё похожая, те же глаза, волосы, черты лица, скорее всего сестра или родственница, а справа...её обнимал за талию какой-то парень. Рост невысокий, чуть выше самой Кристины, волосы русые, телосложение худощавое, внешность смазливая. Кто это? Тот самый друг, о котором она говорила? Видно он много для неё значит, если снимок с ним стоит в её квартире на самом видном месте.

Внезапно он почувствовал, как нежные женские руки обхватили его со спины. Обернувшись, Марк протянул девушке снимок и на полном серьёзе спросил:

— Кто этот парень?

Кристина опустила взгляд на снимок, а потом вновь перевела его на Марка, как-то растерянно улыбнувшись.

— Мой друг. Я тебе про него уже рассказывала.

Её голос...в нём было столько удивления и абсолютного непонимания, что Марк почувствовал себя полным идиотом. Ведёт себя как последний ревнивец. Пытается предъявить права, которых и в помине нет.

Через несколько секунд на лице девушки засияла улыбка. Но не нежная, как раньше, а какая-то лукавая игривая.

— Идём за мной.

Она провела его через весь коридор, и когда они оказались в ванной, у Марка вновь перехватило дыхание. Какого дьявола? Кто тут кого соблазняет?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Так и будешь стоять в одежде? — Кристина усмехнулась, прикусив нижнюю губу, а ещё через секунду, не сводя с него взгляда, девушка скинула с себя платье вместе с бюстгалтером. Когда его взгляду предстало её тело, совершенно обнажённое, не скрытое под тканью одежды, Марк едва смог сдержать в себе желание бросить её прямо на холодный пол, раздвинуть стройные ноги, обхватить ладонями полные кольшущиеся от каждого её движения груди и наказать эту чёртову девчонку за всё, что она с ним вытворяет. Стояк был каменным, словно у него бабы уже лет десять не было. Марк думал, что это уже предел. Та самая точка не возврата. Но это была всего лишь разминка. Когда Кристина вошла в наполненную ванну, опустилась на колени в мыльную воду и начала растирать пену на груди, каждый его мускул напрягся от дьявольского возбуждения. Тело прострелила дрожь дикого убийственного желания. Когда-нибудь он свернёт ей шею. Убьёт, разорвёт её на части. Нельзя играть с огнём. Нельзя добавлять углей в уже разгоревшееся пламя. Нельзя превратив мужчину в тигра, в яростного одичавшего зверя, дразнить его. Так умело искусно. — Ты можешь присоединиться ко мне, если хочешь.

Эта фраза была для него словно красная тряпка для быка. Она смотрела на него так призывно и вместе с тем так наивно, что дикий первобытный голод затмил все доводы разума. Скинув с себя одежду, Марк вошёл в тёплую воду, опустился на колени и тут же жадно обхватил груди девушки ладонями, смял ртом её чуть дрожащие губы, выпив приглушённый всхлип удовольствия. Его член упирался в её ягодицы. Сам Марк достиг уже такого предела возбуждения, что одно случайное движение, один её взгляд или

прикосновение, и он бы разрядился. Это была уже та самая грань, когда начинало трясти, лихорадить от дикого желания. Желания овладеть. Грубо. Жадно. Немедленно. Но у Кристины были свои правила. Она вдруг внезапно развернулась, положила ладони ему на грудь и заставила его лечь, сама при этом, устроившись на нём сверху так, что его член трепетал у самого входа в её жаркое лоно. Стиснув челюсти, Марк с силой обхватил девушку за талию. Сейчас им двигало только одно желание — насадить её на свою пульсирующую плоть так глубоко, чтобы она вскрикнула, чтобы испытала лёгкую боль. Но Кристина не позволила. Она опять упёрлась ладонями ему в грудь, в её глазах читался явный протест. И хотя Марк легко мог подавить её сопротивление, он всё же чуть помедлил.

— Нет! Я хочу по-другому. Хочу ласкать тебя. Пожалуйста, позволь мне.

Разве он мог отказать? Какой мужчина, мог отказать женщине в такой просьбе? И хотя Марка раздирало от желания грубо насадить её на свой член, отобрав всякую инициативу, он всё же позволил ей взять лидерство. Правда, пожалел об этом уже через долю секунды. Он слишком ошибся в своих силах. Когда она начала прокладывать дорожку влажных поцелуев по его груди и ниже, когда обвела язычком соски, а следом прикусила их, когда спустилась к самому низу живота, при этом, не отрывая взгляда от его глаз, Марк был на самом пределе. Его раздирало от желания обхватить пятернёй её волосы и втолкнуть изнывающий от дикого желания член в её рот. Но ему не пришлось этого делать. Обхватив ладонью его плоть, Кристина опустила голову под воду и сомкнула губы на его члене. ‘Мать ее,...что же она делает?...Дьявол...охринеть!’. Она лизала, полностью вбирала в себя его плоть, творила что-то совершенно невообразимое. Лишь на несколько секунд она выныривала, набирала в грудь воздух, а потом обратно...под воду. Марк не выдержал и пары минут. Он понимал, что если позволит ей и дальше вытворять всё это, он кончит. Он был на грани оргазма, сотрясался от дикой дрожи удовольствия. Вцепившись в её плечи, Марк заставил девушку вынырнуть из воды и уже через несколько секунд грубо насадил её на свою плоть. Она вскрикнула, испуганно приоткрыв глаза, а он испытал дикий просто невероятный восторг. Всё тело сотрясла дрожь безумного наслаждения. Наказать. Заставить подчиниться. Вот теперь он её брал. Брал, так как хотел. Вся инициатива была у него, он не давал ей ни грамма власти и всё равно ему было мало всего. Хотелось ещё сильнее, ещё глубже, ещё жёстче. Она вскрикивала, мокрые волосы хлестали ей по лицу, груди ходили ходуном. А он насаживал её на себя ещё глубже, в диком темпе. Его палец неизменно сжимал свернувшийся в тугую горошинку бугорок, и он просто подышал, когда из её горла вырывались хриплые обессиленные стоны. Вода плескалась на пол, в разные стороны, наверное, они уже соседей затопили. Плевать. Она выгнулась дугой, запрокинула голову кверху, широко распахнула глаза и застонала. Так низко, так хрипло, что его самого пробрало до дрожи в костях.

— Да...вот так девочка. Кончай, малыш... Кричи для меня...кричи сладкая, я этого ждал. Я так долго этого ждал...

Он последовал за ней практически сразу. С силой сжал пальцы на её талии, стиснул челюсти, и уже через несколько секунд из его горла вырвалось рычание. Дьявольское звериное. На этот раз наслаждение было ещё более полное, более разрушительно. Оргазм ещё ярче, ещё сокрушительней. Марк резко поддался вперёд, уткнувшись лицом в её грудь, покрывшуюся капельками пота.

— Ты такая красивая...сладкая горячая мокрая...

‘МОЯ’ — запульсировало где-то в отдалённых уголках сознания, но Марк не решился произнести это вслух.

Осторожно, боясь его разбудить, я открыла дверь и босыми ногами вышла на балкон. В лицо тут же дунул холодный октябрьский ветер, и я блаженно прикрыла глаза. Стало так хорошо, так спокойно умиротворённо....Словно я гуляю по лесу, под ногами шуршат разноцветные листья, а вокруг тишина...Никого нет, никто не мешает. И только синяки вместе с тянущей сладостной болью во всём теле напоминали, что нет, я не в лесу. И я не одна. Я с мужчиной. Первый раз за долгие пять лет я подпустила к себе мужчину. Я занималась с ним сексом. Мои щёки вспыхнули, стоило мне вспомнить, что мы вытворяли. Он брал меня везде. На кухонном столе, в ванне, у стенки в коридоре, в спальне на кровати и на полу, чёрт подери, он брал меня даже на этом балконе. Он брал, где хотел и как хотел. Потому что я это позволяла. Я позволяла ему всё. Более того это я разбудила в нём зверя. Я превратила его в настоящего монстра и совсем об этом не жалела. Мне было хорошо. Нет, дьявол, 'хорошо' совсем не то слово, чтобы описать сейчас моё состояние. Я была где-то на границе между безумным счастьем и каким-то сумасшествием. Сейчас, мне так невыносимо сильно хотелось закричать, завопить от восторга. Я ЖЕНЩИНА. Господи, я ЖЕНЩИНА. Как же глупо, наверное, это звучит, но я первый раз, первый раз за все двадцать пять лет своей жизни поняла, что это такое, быть ЖЕНЩИНОЙ. Я поняла, что значит быть по настоящему желанной. Желанной до безумия, до сумасшествия. Для этого не надо краситься, надевать короткие облегающие платья, кружевное бельё, обливаться духами...Если мужчина, по-настоящему хочет женщину, хочет не только членом, но и всем своим существом, ему достаточно одного её взгляда, одной улыбки, одного прикосновения. И сегодня я первый раз поняла, какого это быть по-настоящему желанной. А самое странное, что я поняла это именно с Марком. С бывшим мужем я никогда не испытывала ничего подобного. Я никогда и не позволяла ему даже грамма того, что позволила Марку. Просто потому что не хотела, даже не думала о таком. Мне казалось это развратным порочным. А с Марком...плевать. Пусть развратно, пусть порочно, но я этого хочу! Именно с ним.

На часах было уже девять утра. Мы проспали всё на свете. Я опоздала на работу, и Минеев наверняка устроит мне разнос. Хотя какая разница? Я отдала ему контракты, он передал мне справки: мы в расчёте. Теперь можно смело подыскивать новое место работы. Только увольняться будет лучше уже после того как...я забеременею. Эта мысль моментально спустила меня с небес на землю. Господи, Кристина, о чём ты думаешь? Какая разница пробудилась в тебе женщина или нет? Какая разница, что происходит между тобой и Марком? Ты, прежде всего на работе. И сроки сдачи 'проекта' ограничены.

Я вышла с балкона, присела на краешек кровати, и стоило мне провести ладонью по лицу мирно спящего мужчины, как во мне снова заиграли флюиды. Он так смешно спал. Рот слегка приоткрыт и он то и дело прикусывает нижнюю губу. Почему-то сейчас мне невыносимо сильно захотелось облачиться в его рубашку и пойти готовить ему завтрак. И когда я уже было, потянулась к его вещам, в кармане его брюк завибрировал мобильный. Дьявол. Он ведь наверняка уже тоже должен быть на работе. О чём мы только думаем?

Несколько раз, толкнув его в бок, я попытался разбудить этого Добрыню Никитича, но мужчина только перевалился на живот, да ещё и попытался меня под себя подмять.

— Просыпайся, лежебока. Тебе вон уже, похоже, с работы звонят.

Я достала мобильный. Хотела протянуть его Марку, но рука невольно замерла. На дисплее большими буквами высветилось 'Любимая'. А на картинке какая-то девушка. Красивая девушка, очень красивая. В голове моментально всплыла догадка. 'Жена'.

Марк с трудом разлепил глаза и тут же зажмурился от яркого луча света. Даже, несмотря на то, что в бок его настырно пихали чьи-то маленькие кулачки, его губы невольно расплылись в улыбке. В широкой улыбке и до ужаса довольной.

Перевалившись на живот, мужчина с лёгкостью подмял под себя брыкающуюся девушку. В тот же момент его с силой хлопнули ладонью по груди, но он даже не почувствовал боли. Наоборот, только прыснул со смеху, вызвав стон возмущения у всё ещё пытающейся выбраться из-под него девушки. Но Марк даже не думал её отпускать. С силой стиснул хрупкие плечики и зарылся лицом в водопад вьющихся локонами волос. Больше всего ему хотелось, чтобы этот момент длился бесконечно долго, чтобы он вообще никогда не заканчивался. Вот лежать бы так с ней в обнимку, вдыхать в себя аромат её волос, чувствовать под ладонями гладкую шелковистую кожу и пусть весь мир идёт к чёрту. Ему плевать на всех и вся. В душе царит какое-то невероятное чувство, готовое в любую секунду взорваться то ли бесконечным восторгом, то ли отчаянным безумием. Просыпаться ужасно не хотелось. Глаза слипались, и всё его существо подыхало в желании зарыться мордой в подушку. Но ещё больше Марк не хотел тратить столь драгоценное время на сон. Он считал кошунством перевалиться на другой бок и храпеть до полудня, когда он, наконец, урвал возможность, целовать каждый сантиметр её божественного тела, гладить её кожу, с жадностью, с каким-то безумием воровать её вздохи, хриплые стоны подаренные только ему. Первый раз он испытывал такие острые накалённые до предела чувства. И они не пугали. Точнее определённый страх, конечно, был, но он утопал в водовороте безумных эмоций и желаний. Марку ничего не стоило побороть её сопротивление, свести ей руки над головой и вдавить её в кровать своим телом. А когда он сжал ладонью упругое полушарие груди, перекатив меж пальцами свернувшийся в тугую горошинку сосок, все тормоза опять отказали. Он, в который раз превратился в зверя. Неконтролируемого зверя, дикого кровожадного...и подчинённого ей. Марк ловил каждый её взгляд, каждый стон, сорвавшийся с её губ. От её хриплых вздохов в венах закипала кровь, желание обладать, взять, как разъярённое одичавшее животное завладело всем его существом. Он исступленно целовал её лицо, шею, ключицы, царапал жёсткой щетиной нежную кожу груди, содрогался от её приглушённых стонов, от того, что она всё ещё сопротивлялась, пыталась его оттолкнуть. И эта непокорность будила в нём зверское неконтролируемое желание подчинить. Заставить покориться. Они провели вместе ночь. Чёрт подери, они не вылезли из постели практически целые сутки, но он всё ещё не насытился ею. Подыхал от дикого желания брать. Жёстко. Не нежничая. Не шадя. Брать там, где можно и нельзя. С её разрешения или против воли. Смять. Поработить. Заставить подчиниться.

— Марк... — она упёрлась ладонями ему в грудь, поработила его взгляд своими большущими зелёными глазами, и он окончательно потерял над собой контроль. Одним резким движением раздвинул ей ноги, ещё сильнее вдавив её в кровать своим телом. С её губ сорвался стон, взгляд затуманился, но девушка продолжала сопротивляться. Яростно бороться то ли с ним, то ли с самим собой. — Марк прекрати...всё хватит, уже утро...тебе пора!

Она вдруг неожиданно оттолкнула его с такой силой, на которую только была способна. На несколько секунд он опешил, растерялся и Кристине хватило этого короткого замешательства, чтобы ускользнуть. Но Марк быстро пришёл в чувства и настиг беглянку, когда она ещё даже из комнаты выбежать не успела. Обхватив её за талию, Марк резко

рванул девушку на себя, но видимо не рассчитал сил. Уже через секунду они оба оказались на ковре, и Марк в тот же момент подмял девушку под себя. Сейчас им двигало только одно зверское желание взять. И неважно где. На мягкой кровати или жёстком ковре, главное немедленно. Но Кристина сопротивлялась. Сопротивлялась так яростно и отчаянно, что в какой-то момент ей снова удалось выскользнуть. На этот раз она не стала убегать. Закутавшись в простынь, девушка вложила в его ладонь мобильный, когда Марк в очередной раз попытался подмять её под себя.

— У тебя больше тридцати пропущенных. Перезвони...тебя, наверное, все потеряли.

Марк бы, наверное, пропустил её слова мимо ушей, но Кристина вновь настойчиво отстранила его, а потом и вовсе скрылась в ванне, заперев дверь и включив воду. Глубоко вздохнув, Марку еле как удалось подавить желание разнести эту чёртову дверь в щепки и принять душ вместе с Кристиной. Но как только мужчина перевёл взгляд на свой мобильный все его желания развеялись в одночасье. Тридцать четыре пропущенных. Пять от Серого и двадцать девять от Марины. Двадцать девять. Эта цифра — пощёчина, горящий след на пол лица. Дьявол, как он мог забыть позвонить? Марина, наверное, с ума уже сошла. Он ведь ушел, кажется, ещё часов в двенадцать и до сих пор от него не было никаких вестей. Твою же мать....Первый раз совесть накинулась на него с такой силой. Марку даже дышать трудно стало. Он быстро оделся, привёл себя в порядок, набрать номер и позвонить жене так и не решился. Нет, по телефону сейчас ничего не объяснишь.

Мужчина вышел в прихожую, обулся, надел пальто, и в который раз за сегодняшнее утро почувствовал себя последним мерзавцем. Кристина. Она вышла к нему навстречу, подняла с пола шарф, который он обронил, обмотала его вокруг его шеи и нежно поцеловала в щёку со словами:

— На улице холодно, не простудись.

Лучше бы она ему врезала. В морду плюнула. Закатила истерику, надавала пощёчин, всё что угодно только не эта нежность, не эта забота. Он не заслужил. Он ничего этого не заслужил. Дьявол, почему же она ведёт себя ни так как они все? Почему в её глазах нет упрёка, почему она не достаёт его вопросами: ‘когда мы снова увидимся?’, ‘ты позвонишь?’, ‘что я для тебя значу?’, почему не закатывает ему истерик, не угрожает, не пытается достучаться до его совести? Почему она сейчас так спокойно его отпускает? И ведь она знает...она знает, что он сейчас уходит к другой. К своей жене.

— Я позвоню.

Больше сил смотреть ей в глаза не было. Он вышел из квартиры, захлопнув за собой дверь. ‘Я позвоню’ — изъезженная фраза, которую он отпускал всем своим любовницам, случайным женщинам, порой даже и шлюхам. И он сказал это ей. Said ей те же слова, которыми кормил проституток. А ведь она...она ни в чём его не упрекнула. Она первая женщина, которая ничего не попросила взамен на своё тело. ‘Чёртов ублюдок, ты чёртов ублюдок Туманов, она дала тебе не только тело! Только ты сам боишься признаться себе, что чувствуешь к ней...’. Такие мысли мужчина быстро отмёл от себя. Неважно. Сейчас не время копать в своих чувствах. Да и какие чувства? Всё как всегда. Он ушёл от неё также как и от всех остальных. Молча, толком не попрощавшись и пообещав позвонить. Только Марк лукавил. Разница всё же была. На этот раз мужчина не просто был уверен, он знал, что сказал правду. Он действительно позвонит. Вот только уладит всё с Мариной и позвонит. Он хочет ещё раз с ней встретиться...только один раз. А потом всё. С этим надо будет завязать. Да и сама Кристина наверняка ему опротивеет. В конце концов, это ведь не любовь...это

только секс и возможно какая-то лёгкая увлечённость. Но она пройдёт. Обязательно пройдёт.

Жена открыла дверь буквально через секунду, после того как Марк нажал на звонок. Когда Марина бросилась ему на шею, принявшись покрывать его лицо мокрыми от слёз поцелуями, Марк даже от неожиданности чуть букет не выронил.

— Любимый, Господи, где ты был? Я...я всех обзвонила. Всех друзей, знакомых, родственников...Я все больницы обзвонила, все морги! Марк...Марк где ты был?!

Она кричала, сотрясалась в истерике и при этом продолжала целовать его: исступленно, с каким-то дьявольским безумием. Туманову с трудом удалось отстранить её от себя.

— Мариш, прости, я вспылел вчера. Поехал в кабак, нажрался. Потом припёрся к Серому и заночевал у него. Прости, маленькая.

Марк попытался вновь притянуть её к себе, но жена оттолкнула его с такой силой, что он едва удержался на ногах. В её глазах читалась ярость. Какая-то безумная, просто нечеловеческая. Марина выхватила из его рук букет и начала с дьявольской силой кромсать его об мужа.

— Ты что несёшь? Тварь, ублюдок, мерзавец, что за хрень ты мне втираешь?! Какой кабак, какой Серый? Я звонила ему раз пять, и он говорил, что не знает где ты! Скотина, мразь, да как ты смеешь?! Кобелина ты проклятая, ты ведь опять от бабы! Сволочь, сволочь ненавижу...

Жена зарыдала, бросила истерзанный букет на пол и начала колотить Марка ладонями в грудь. Поборов яростное сопротивление, Туманов привлёк к себе Марину, крепко обхватив её за плечи. На душе было гадко. Мерзко паршиво. Его раздирала жалость к Марине и презрение к самому себе. И это тоже было впервые. Точнее, он, конечно, испытывал угрызения совести, когда возвращался к жене от любовниц, но чтобы так сильно...Почему-то он чувствовал себя предателем именно сейчас. После ночи с Кристиной. Только сейчас ему казалось, что он ей действительно изменил. По-настоящему.

— Тсс, тише, девочка, успокойся. Я не вру, любимая. Я действительно был в кабаке, а потом заночевал у Серёги, только попросил ему не говорить тебе. Злился, виноват, признаю.

— Врёшь, — жена всхлипнула, но сопротивляться уже перестала, наоборот прильнула к нему, уткнулась шмыгающим носом ему в грудь. — Ты был с другой, ты изменял...

— Мариш, прекрати себя накручивать этим бредом. Ну, какая измена? Мне никто не нужен кроме тебя. Ты единственная.

— Честно? Ты любишь меня? Марк, скажи, что любишь.

— Люблю, конечно, люблю. Ну, всё малыш, давай забудем. Я ужасно голодный. Покорми меня, солнышко.

Марина улыбнулась, вытерла слёзы, её плечи всё ещё продолжали вздрагивать, но она покорно пошла на кухню, пролепетав, что-то вроде того, что она вчера приготовила макароны и запеканку бы надо доесть, а то испортиться. Вот и всё. Она простила. Как всегда. А ведь она знала, что он врёт. Да Марк сам уже не верил ни одному своему слову. По-моему, у него даже взгляд был насквозь фальшивым. Ему сейчас самому от себя было тошно. Он заврался. Он уже даже не помнил, когда последний раз говорил жене правду. Но она верила в его ложь. Точнее она хотела в неё верить. Она прекрасно знала правду, но продолжала строить иллюзию идеальных отношений. Она хотела услышать, что она единственная, и он говорил. Хотя...он мог бы сказать всё, как есть. Марина бы простила.

Правда, истерика бы была ещё более грандиозной, но жена бы всё равно простила. Наверное, именно в эту секунду Марк отчётливо понял, что так будет всегда. Он может гулять налево, сколько захочет, а Марина будет идти по своей схеме: закатить истерику, утешить себя лживыми обещаниями и всё простить. Только особой радости и восторга это открытие не вызвало. Он погряз в рутине, в собственном вранье и обмане. И только сейчас Марк понял, что ничего не изменится. Он не станет примерным семьянином. Не будет хранить Марине верность. Не потому что он сдохнет от желания засунуть член в какую-нибудь девку, нет. Он просто не хочет, чтобы Марина была единственной.

— Я передумала абсолютно всё. Попал в аварию, ввязался в какую-нибудь разборку, подрался с кем-нибудь... Мне казалось, что он сейчас лежит где-нибудь с разбитой головой и ему совсем некому помочь... Я обзвонила все больницы и морги, хотела уже идти в полицию, а он пришёл такой под утро с букетом... живой невредимый и выпавшийся, тогда как я глаз этой ночью не сомкнула.

— Ну, он ведь должен был тебе это хоть как-то объяснить?

Оля накинула плед на плечи подруги, протянув ей кружку с горячим чаем.

— Он ничего объяснять не стал. Наплёл какую-то чушь, что был с Сергеем, нажрался в кабаке, злился, не хотел мне звонить, ...но я-то знаю, что он был с другой женщиной.

Марина всхлипнула, закрыла лицо руками, с трудом сдержав наворачнувшиеся на глаза слёзы.

— Ну, брось, с чего ты это взяла? Может он говорил правду, может...

— Не может. Я видела его глаза. Его взгляд, который он прятал... Ему было стыдно. Он не хотел отвечать на мои вопросы, быстро переводил тему. Если бы ты знала, каким ничтожеством я себя чувствовала...

— Мразь! Нет, ну какие же эти мужики ублюдки, вот убить бы их всех нахер! — Оля прикусила нижнюю губу, пытаясь сдержать волну неконтролируемой ярости. — Мариш, ну ты ведь ещё до замужества знала, что твой Марк не однолюб...

— Знала, — усмехнувшись, Марина вытерла пару скатившихся слезинок. — И я больше тебе скажу, я ведь даже смирилась, что периодически у него бывают эти 'прогулки по набережным'. Мне удалось свыкнуться с тем, что Марку это нужно... Я даже к психологу ходила, который пытался меня убить, что все мужчины изменяют и это нормально. Но то были ничего не значащие интрижки, а сейчас... мне кажется, у него появилась любовница.

— Да брось. Не обижайся, но твой Марк под одну и ту же юбку два раза не заглядывает. Наверняка эта очередная пустышка...

— Нет! Я чувствую, что на этот раз всё по-другому. Он изменился. Не так, чтобы очень сильно, но... всю прошлую неделю он был сам не свой. Срывался, злился по всяким пустякам. А сегодня он первый раз не пришёл ночевать. За семь лет брака, у нас чего только не бывало. Иногда он приходил и в час и в два ночи, но всегда звонил, предупреждал, а сегодня... Знаешь, я думаю эта та самая женщина, с которой ты видела его в парке.

— Мариш, да я даже не уверена, что это был он. Может, показалось, да и стал бы Марк обжиматься со шлюхой у всех на глазах?

— Со шлюхой нет. Но она не шлюха. Нет, она не шлюха, она подлая и расчётливая тварь.

— И что ты намерена делать?

— Узнать кто она.

— А потом?

Марина молчала. Её взгляд не выражал совершенно никаких эмоций. Потом? Это страшный вопрос. Ответить на него всё равно, что признать, что у Марка действительно появилась другая женщина. Не только признать, но и смириться. Как всегда.

— Убью. Я слишком много положила на этого мужчину, чтобы теперь так просто отдать его какой-то подлой и расчётливой стерве. Узнаю, кто она — по стенке размажу.

— Стрижова, ты, когда должна была сдать работу? Позавчера? Так какого дьявола ты тут сидишь и считаешь ворон?

Судя по тому, как вибрировал голос Минеева, а сам мужчина даже побледнел, он прибывал в крайней степени ярости. И 'по счастливой случайности' под горячую руку как всегда попала моя персона.

— Уже всё готово, Борис Сергеевич. Я как раз собиралась вам занести.

— Долго собиралась. Или что, ждала персонального приглашения? Если ты и дальше продолжишь работать в таком духе, нам придётся с тобой расстаться.

Минеев чуть ослабил узел галстука, взял из моих рук папку, которую я собиралась занести ему после обеда, и пошёл орать на остальных сотрудников. А мне с трудом удалось сдержать усмешку. Ага, как же, расстаться им со мной придётся. Да, ни Минеев, ни Генка даже не подумают меня увольнять. По крайней мере пока. Пока они не убедятся, что Туманов потерял ко мне всякий интерес. Хотя, это уже произошло. Марк исчез. Точнее исчез из моей жизни. После проведённой вместе ночи он не позвонил, хотя я и не ждала, что он это сделает. Что ему теперь со мной ловить? Всё что хотел, он уже получил. А продолжать и дальше наши тайные встречи значило поставить отношения с женой под удар. Рано или поздно она бы всё равно обо всём догадалась. У женщин чутьё на такие дела. Правда, я была упорно слепа в отношениях с бывшим мужем. Но мне и двадцати тогда не было, считай жизни-то ещё совсем и не видела. А жене Марка, насколько мне известно, скоро тридцать стукнет. Возраст не юношеский, вполне уже можно понабраться уму разуму. Да и к тому же они ведь кажется, женаты уже чуть более семи лет. Героический поступок. Знать, что твой мужчина постоянно гуляет налево, а покопавшись в интернете, даже мне, по-сути человеку совершенно постороннему понятно, что у Туманова было по крайней мере два очевидных романа во время брака, и постоянно ему это прощать. Лично у меня такое даже в голове не укладывается, но что я знаю об их жизни? О жене Марка? Её имя, возраст и больше ничего. Может её, и устраивают такие отношения. Хотя впрочем, это вообще не моё дело. Наши пути с Марком разошлись, и, наверное, это даже к лучшему. Нет. Вру. Ни черта это не к лучшему. Прошло уже чуть больше недели с того дня, когда мы последний раз виделись, а я так и продолжала оставаться в поиске. Глупо было думать, что я могу забеременеть всего после одной ночи. Хотя честно признаться, я надеялась на это, ведь мы же не предохранялись. Сначала Марк даже не вспомнил о презервативах, а потом мне без особых усилий удалось его убедить, в том, что я пью противозачаточные. Но всё было зря. Я не беременна и Туманов исчез. Хотя я всё равно не жалела. Всю эту неделю я вроде как должна была ходить чернее тучи, а мне почему-то было абсолютно легко. Всё-таки правду говорят, близость в жизни женщины играет огромную роль. Причём не просто голый секс, без всяких чувств и эмоций, а именно близость. Когда ты желаешь отдать всю себя без остатка, подарить удовольствие, стать самой нужной, самой желанной. Пускай ненадолго, пускай это будет час или даже целый день,...но ты это запоминаешь. А потом начинаешь

тосковать. Утопать в мечтах, воспоминаниях, прекрасно понимая, что такого уже не будет. Да в твоей жизни, несомненно, могут быть другие мужчины, но подсознательно ты всё равно будешь сравнивать с ТЕМ, кого уже давно нет рядом, ... и никогда не будет.

Завибрировавший на столе мобильный выдернул меня из моих мыслей. Я не глядя, нажала на 'вызов', а уже через секунду меня опалило жаром, когда я услышала ЕГО голос.

— Моя машина за углом твоей работы. Выходи прямо сейчас.

И всё. Это была не просьба — приказ. Он сбросил вызов, не пожелав даже поинтересоваться моим мнением. Хотя каким к чёрту мнением? Я выбежала из офиса как умалишённая, даже забыв отпроситься у начальства. Дьявол, а ведь этой выходкой могу доконать их окончательно. Уволят. Ну и пусть. Плевать. Осталась бы в конторе — насмерть бы загрызла себя за свою чёртову нерешительность.

Выбежав на улицу, я попыталась успокоиться. Главное не показывать волнения. Кроме того, я даже сама не могу понять, откуда оно взялось. Да и не время сейчас об этом думать. Поправив воротник пальто, глубоко вздохнув и с трудом поборов пробивающую всё тело мелкую дрожь, я завернула за угол, приказала сердцу успокоиться, когда увидела машину Марка. Дьявол знает, чего мне это стоило, но я смогла залезть в автомобиль совершенно спокойно, без каких-либо эмоций. Только, похоже, я не одна боролась с чувствами. Хоть взгляд Марка и не выражал какого-либо волнения, сам мужчина был напряжён. Он цепко сжимал пальцы на руле, на его скулах ходили желваки, он старался смотреть куда угодно лишь бы не на меня и он молчал. Мне пришлось первой разрушить повисшую тишину.

— У нас есть только час. Потом у меня закончится перерыв.

Марк резко повернулся. Его взгляд был пропитан какой-то глухой яростью. Он словно кричал: мне всё равно, когда и что у тебя закончится, ты уйдёшь тогда, когда я разрешу. Но вслух он сказал совсем другое:

— Тогда поехали, не будем терять время.

Время мы действительно не теряли. Марк набросился на меня сразу же, как только мы переступили порог номера. Он подхватил меня под ягодицы, заставив обхватить ногами его пояс, повалил на кровать и сразу же начал освобождать от одежды. Точнее он просто сорвал с меня пальто вместе с платьем, а вот от нижнего белья избавляться не спешил. Он начал сводить меня с ума, лишая всякого рассудка своими бесстыдными убийственными ласками. Лёгкими невесомыми прикосновениями он распалал пожар в моём теле, заставлял нервно комкать в ладонях простынь, прокусывать губы до крови лишь бы только не закричать. Когда он спустился к моей груди и поверх бюстгалтера прикусил вставший сосок, я резко выгнулась, сильнее стиснув ногами его бёдра, вцепившись пальцами в его волосы, сильнее прижав его голову к своей груди. Марк усмехнулся, подцепил двумя пальцами лямки бюстгалтера и без особых усилий уже через несколько секунд откинул кружевную ткань в сторону. Он скрестил мне руки за головой, полностью лишив меня всякой возможности сопротивляться. Но я и не думала идти на попятную. Хотя, когда он вновь склонился к моей груди, подул на свернувшийся в тугую горошинку сосок, а потом обвёл его кончиком языка, меня прострелила такая невыносимая судорога дьявольского желания, что я жалобно застонала, ещё шире раздвинув ноги, уже готовая на коленях умолять Марка взять меня. Каждую клеточку тела колотила дрожь дикого возбуждения. Когда Марк склонил голову меж моих бёдер и, подцепив пальцем трусики начал стягивать их вниз, они были уже настолько влажными, что их можно было выжимать. Я поняла, что он собирается делать,

только когда его язык коснулся горячей плоти и тут же из моего горла вырвался протестующий стон. Я упёрлась ладонями ему в плечи, попытавшись отстранить от себя мужчину, но он в моментально присёк все мои жалкие попытки. Вновь заведя мне руки за голову, он стянул с шеи галстук и привязал им мои запястья к перилам кровати. В его взгляде плескался триумф. Наверное, он думал, что сейчас имеет полную власть над моим телом, но он ошибался. Ему подчинялось не только моё тело. Физическое удовольствие — жалкая пыль, ничто по сравнению с тем, что он заставлял меня испытывать. Он контролировал мои чувства, эмоции, даже мысли. Он возбудил меня не только своими грубыми ласками или бесстыдными словами, которые он тихо шептал мне на ушко. Я была возбуждена, подыхала от дьявольского желания, именно потому, что это он сейчас касался моего тела, вытворял с ним, всё что хотел. Я кусала губы до крови, жалобно хрипела, выгибалась на кровати, потому что это он грубо сжимал ладонями мои груди, а его язык вытворял, что-то невообразимое. Он, то надавливал на вставший комочек плоти, то проникал вовнутрь, подводя меня к самой вершине, к самому пику наслаждения. Оргазм накрыл меня неожиданно, несмотря даже на то, что с этим мужчиной, я уже кажется, была готова ко всему. Меня затрясло в конвульсиях, выгнуло дугой, прострелило током. Я думала, что это уже тот самый предел, когда ты на грани, когда душа вырывается из тела и на несколько секунд весь мир перестаёт существовать. Но когда Марк собрал губами выступившие на моей груди капельки пота, а потом погрузился в меня, очень медленно, растягивая, заполняя собой до упора, я поняла, что это всего лишь показательное выступление перед настоящей адской пыткой. Он брал меня жадно, с каждым толчком погружаясь всё сильнее и сильнее и уже через несколько секунд я снова была возбуждена до предела. Из моего горла вновь стали вырываться жалостливые охрипшие стоны. Его член растягивал меня, он был огромен и даже, несмотря на влагу с трудом помещался во мне. С каждой секундой движение Марка становились всё более напористыми порывистыми. Мужчина был напряжён до предела. Он сминал ладонями мои груди, его тело покрылось мелкими капельками пота, а я даже не могла дотронуться до него. Не могла провести ладонью по его груди, коснуться губами его губ, и, наверное, это подвело меня к пределу. Второй оргазм был ещё более разрушительный, чем первый. Меня затрясло, выгнуло дугой, ладони вцепились в галстук с такой силой, что послышался треск рвущейся ткани. Ещё никогда наслаждение не было таким безумным уничтожающим. Мне казалось, что из меня вытрясли всю душу, а тело распотрошили на миллионы крохотных кусочков. И уже через несколько секунд я обессиленно обмякла на влажных простынях, наивно думая, что и Марк сейчас последует за мной. Тогда я ещё не знала, каким ненасытным, до безумия жадным он может быть. Порвав связывающий мои руки галстук, мужчина, резко перевернул меня на живот, поставил на четвереньки, сжал пальцы на моих ягодицах и одним мощным толчком вновь заполнил меня до упора. Вот тогда я поняла, что он хозяин всего моего существа. Он может бесконечно долго играть с моим телом, растягивая удовольствие, подводя к самой вершине блаженства, но, не давая переступить эту черту. А может брать меня так дико и яростно, что каждые несколько минут меня будет накрывать один оргазм за другим. Вот сейчас он брал меня именно так. Яростно. Дико. Безумно. С его губ срывалось звериное рычание, он всё сильнее и сильнее сжимал пальцы на моих ягодицах, а в какое-то мгновение вдруг резко остановился, вцепился ладонью в мои волосы, с силой оттянул меня назад, сжал мои груди и кончил. Уткнувшись лицом мне в шею, мужчина подавил, какими-то дьявольскими силами смог сдержать рвущийся из его груди вопль. Он сотрясался

совершенно молчаливо, продолжая всё также сильно сжимать ладонями мои покрывшиеся капельками пота груди. Тишину в комнате разрушало только наше сбившееся дыхание и колотящиеся в бешеном ритме сердца. Уже через пару секунд Марк вышел из меня, свалился на влажные простыни и потянул меня к себе на грудь. Он всё ещё был в одежде, всего лишь рубашка расстёгнута на пару верхних пуговиц, тогда как я была полностью обнажена. Мужчина тяжело дышал, лихорадочно гладил меня по покрывшей мурашками спине и смотрел куда-то в пустоту. Его взгляд был затуманен, в нём совершенно невозможно было разобрать каких-либо чувств. Когда вспышка страсти немного поутихла, я обвела глазами весь периметр комнаты, подметив, что номер довольно небольшой и мебели совсем немного. Гостиница явно не больше трёх звёзд. Хотя откуда на самой окраине города взяться приличным отелям? Но я прекрасно понимала, почему Марк — мужчина, который без труда мог бы оплатить номер в любом приличном месте, повёз меня именно сюда. Здесь нет его знакомых. Никого, кто бы мог донести на него жене. И я не обижалась. Нет, я, правда, всё понимала. Захудалая гостиница на окраине города — идеальное место для ‘часовых встреч’ изголодавшихся женщин и неверных мужчин. Потянувшись за сумочкой, я достала мобильный и чуть было не присвистнула, когда увидела время. Нет, меня точно уволят.

— Марк, через десять минут у меня заканчивается обеденный перерыв. Пора ехать.

Мужчина нежно провёл ладонью по моему плечу, пересохшими губами прислонившись к моему лбу.

— Полежи ещё немного, — голос хриплый, он всё ещё не мог прийти в себя после накрывшего нас с головой урагана страсти. — Прости меня. Прости, за то, что я так долго не звонил, просто...

— Марк, — вот этого я никак не ожидала. Я даже подумать не могла, что он вообще заговорит на эту тему, да ещё и начнёт мне что-то объяснять. — Не надо, не оправдывайся. Это ни к чему.

— Неужели? И почему же?

Он сильнее сдвинул пальцы на моём плече, а я перевела на него полный удивления взгляд. Он это серьёзно?

— Потому что это не нужно ни мне, ни тебе.

Марк молчал несколько секунд. Потом внезапно резко перевернул меня на спину, стиснув ладонями мои плечи, тем самым с силой вдавив меня в кровать.

— Откуда тебе знать, что мне нужно, а что нет? Может, я хочу объясниться. Объясниться, а не оправдаться, понятно?

— Понятно, — моё сердце зашло в бешеном ритме. Я действительно понимала, что он сейчас делает. По-сути предлагает мне стать его любовницей. Не просто женщиной, которую он раз в неделю будет таскать за собой по мотелям, а именно любовницей, со всеми отсюда вытекающими. — Мне-то понятно, а тебе? Ты действительно уверен в том, что этого хочешь? Он молчал. Долго молчал. Внимательно вглядывался в моё лицо, не отрывал взгляда от моих глаз, словно искал в них ответ. На мой взгляд ответ совершенно очевидный, но Марк явно решил пойти по ложному следу.

— Я всегда уверен в том, что делаю.

— Когда дело касается чувства, нельзя быть уверенным на сто процентов. Иногда мы сталкиваемся с тем, к чему совершенно не готовы.

— Я готов ко всему. Потому что я всегда знаю, чего я хочу и добиваюсь этого любыми способами. У меня всё под контролем.

Он с жадностью смял мои губы в каком-то диком, до безумия жадном поцелуе. Я не стала отвечать, но и не оттолкнула. Я понимала, что Марк не прав. Каждыми фибрами души я чувствовала, что мы совершаем ошибку, сами подталкиваем себя всё ближе и ближе к краю пропасти. Но я не остановлюсь, и если будет надо упаду в бездну. Потому что я знаю, ради чего всё это делаю, и когда надо будет остановиться. А Марк... понимает ли он на что идёт и чем всё это может закончиться?

Участь любовницы прискорбна. В своё время я читала много книг, статей в журналах, даже смотрела программы на телевизоре, посвящённые женщинам, которые находятся или находились в отношениях с женатым мужчиной. Все они как одна твердили, что у них никогда не было злого умысла, они не думали разрушать семью, сделать кому-то больно. Они просто хотели быть любимыми, иметь свою семью, своего мужчину. И в большинстве случаев такие желания не воплощались в жизнь. Эти женщины оставались ни с чем. Вместо любви они получали расшатанные нервы, вместо семьи — одиночество, вместо 'своего' мужчины — проклятия и гнев обманутых жён. Я испытывала презрение ко всем этим женщинам в независимости от того, что толкало их на такой шаг. Мне было плевать из каких побуждений они лезли в чужую семью, я всё видела с одной стороны. И меня всегда удивляло, как они идут на такое? Как вообще можно опускаться до роли любовниц? Неужели у них нет ни капли женской солидарности? А уважение? Они совсем забыли такие слова как 'честь' и 'достоинство'? Я не зарекалась, что не могу попасть в такую же ситуацию. Я просто знала, что никогда не переступлю эту черту. Даже если полюблю, даже если с ума начну сходить, но я никогда не стану любовницей женатого мужчины. Я дала себе своего рода обещание и нарушила его. Я не просто стала любовницей — приходящей и уходящей через час из номера дешёвого отеля женщиной, я вошла в ЕГО жизнь, в ЕГО семью. Я заставляла его лгать, увиливать, прятаться, разрываться между мной и домом. И я делала это подло, очень подло и лицемерно. Я никогда не устраивала ему скандалов, сцен ревности. Я скрывала чувства за маской безразличия, когда он вставал с постели, молча одевался, пытался не показывать своего страха. Да он боялся. Ведь стрелки часов показывали уже половину двенадцатого ночи, а он ещё не придумал, что соврёт жене. Ему было стыдно. Стыдно перед ней и передо мной тоже. Я видела по его глазам, я чувствовала в каждом его слове, в каждом движении желание остаться. Плюнуть на всё и никуда не уходить. И я совру, да чёрт подери, я совру, если скажу, что меня это не радовало. Я понимала, я прекрасно понимала, что я не очередная подружка на короткое время. С каждым днём Марк привязывается ко мне всё больше и больше. Наверное, он даже влюбился в меня. Влюбился как какой-то пятнадцатилетний мальчишка. Первый раз в моей голове зародилась такая мысль, когда он приехал ко мне посреди рабочего дня, узнав что я приболела. Приехал не чтобы трахнуть, а банально привести лекарства, хотя я его об этом не просила. Я вообще его никогда и ни о чём не просила. Одну вещь я для себя усвоила абсолютно чётко: Марк ничего мне не должен. Я сама всё это затеяла и не должна тешить себя иллюзиями. Да и о каких иллюзиях может идти речь? Через каждые три дня я покупала тест на беременность. И всякий раз, когда я брала в руки прибор, я не знала, какое желание во мне сильнее: наконец, увидеть эти священные две полоски или ещё хоть на пару мгновений продлить этот кусочек лживого счастья? Ведь я знала, что как только я достигну своей цели, на наших с Марком отношениях будет поставлен неминуемый крест. Я исчезну. Уволюсь с работы, перееду в другое место, к счастью бумаги о размене квартиры почти готовы, и Марк больше никогда

меня не увидит. А даже, если он сам захочет меня найти, я скажу, что у меня появился другой мужчина, что я влюбилась, в крайнем случае припугну, что всё расскажу его жене. Это точно подействует. Туманов слишком дорожит свои кольцом на пальце. Я поняла это, когда Марк в дребезге разрушил царившую много лет стабильность в моей жизни. Он мог заехать и забрать меня с работы прямо посреди рабочего дня, просто потому что у него выкроилась свободная минутка, а весь остальной день расписан по часам. Он мог отменить нашу встречу, когда я к примеру, уже сидела в ресторане. Причина одна и та же — опять разгоревшийся в семье скандал. Один раз жена позвонила ему прямо в тот момент, как только мы переступили порог номера, словно почувствовала очередную неверность муженька. Не знаю уж как и что она там узнала, но вопли были такие, что отрывки гневных фраз даже я смогла услышать, хотя Марк как всегда вышел на балкон. В общем свидание наше сорвалось. И это был не единичный случай. Как мне стало известно благодаря верному другу интернету, компания Марка тесно сотрудничала с очень крупной фирмой 'Кристал', владельцем которой был тесть Туманова, то бишь папаня его женушки. Даже тех сведений, которые были доступны на различных сайтах хватило, чтобы я поняла: Марк никогда не уйдёт от жены. Да и я не допущу, чтобы он из-за меня окунался в этот водоворот проблем. Просто потому... что я люблю его. Да я призналась. С трудом, но я призналась самой себе, что впустила этого мужчину в своё сердце. И не просто впустила, я позволила ему врасти в него, забраться так глубоко, что вырвать уже невозможно. Это даже не было любовью в том плане, как все наверное представляют себе это чувство. Это было своего рода одержимостью, болезнью, сумасшествием. Как только Марк уходил от меня — всегда одинаково: пряча взгляд и молчаливо захлопывая за собой дверь, я рвала зубами подушку, рыдала, скулила, металась по кровати словно в лихорадке. Я была готова убить горничную, когда она окидывала меня презрительным взглядом. Меня принимали за проститутку. В каждом отеле, а точнее, когда я выходила из него, одна, без Марка, меня сопровождали усмешливые взгляды и мерзкие улыбки. Гниды. Презирают меня. Да и пусть презирают. Мне плевать. Это моя жизнь и я проживу её по своим правилам. По крайней мере я так думала. Да, тогда я ещё наивно полагала, что это я раздаю карты, но партия уже давно была окончена. И чем больше я пыталась отыгаться, тем страшнее было выходить из-за карточного стола. Я не усвоила одного правила. Пожалуй, одного из важнейших правил жизни. Невозможно построить своё счастье на руинах чужих страданий.

— Дьявол, да какого хера? Ведь мы всё проверяли! Ты лично летал по офису с этими бумагами!

Марк сжал ладони в кулаки с такой силой, что хрустнули костяшки пальцев. Мужчина откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и медленно сосчитал до десяти, заставив себя успокоиться.

— Хочешь теперь всё на меня перевалить? Флаг в руки, только этим делу не поможешь. В конце концов, ты сам знал на что идёшь. И не говори, что я не предупреждал тебя о риске. Вероятность того, что сделка может прогореть была не так уж и мала. Но ты ведь всё равно на это пошёл. Так что теперь давай-ка вместе расхлёбывать эту кашу.

Туманов устало вздохнул, поправил галстук и выпрямился в кресле.

— Хорошо. Что конкретно ты предлагаешь?

После затяжного молчания Ветров с своеобразной усмешкой глянул на Марка.

— Слушай друг, я хочу быть с тобой до конца откровенным и жду от тебя того же. Я не

слепой и прекрасно вижу, что в последнее время с тобой что-то происходит. Ты сильно изменился за достаточно небольшой период времени и мне кажется здесь замешена женщина.

— Это не твоё дело! Я спрашивал у тебя, что ты думаешь по поводу сложившейся ситуации, а ты начал копаться в моей личной жизни?!

Туманов сжал челюсти, незаметно подавшись вперёд.

— Успокойся и сначала выслушай до конца. То, что у тебя появилась любовница — весьма очевидно, как и то, что это не очередная подружка на одну-две ночи. На этот раз, что-то серьёзное да?

— Проехали.

— Она, наверное, должна быть как минимум копией Мэрилин Монро или Софи Лорен...

— Заткнись, я сказал!

— А я сказал, выслушай меня до конца, — железный голос друга всё же заставил Марка хоть на немного выйти из позиции готового броситься в кровавую схватку тигра. — Если честно мне до лампочки как выглядит твоя пассия. Ты прав это твоя личная жизнь, но к сожалению, она тесно переплетена с нашим бизнесом. Ты спрашивал, что конкретно я сейчас могу тебе предложить? Я думаю, ты сам знаешь ответ. Тебе надо поговорить с тестем. Объяснить ему ситуацию, попросить подсуетиться, воспользоваться кое-какими связями. В конце концов, не в первой же. Но перед этим, тебе не помешало бы наладить отношения с женой. В офисе уже все начали шушукаться о твоём новом романе, думаю, что Маринка уже тоже в курсе всех событий. Она у тебя, конечно, женщина терпеливая, но всему, к сожалению, приходит конец. А нам сейчас совсем не нужно, чтобы она взбрыкнула, собрала вещички и турнула под крылышко своего папочки. И чтобы этого не случилось, тебе надо завязать со своей прекрасной “сторонницей”. Хотя бы на время, пока мы не выберемся из этого дерьма.

Марк щёлкал мышкой по монитору. Фотографии сменялись медленно, очень медленно. Он долго рассматривал каждый снимок, словно стараясь запомнить всё до последних мелочей. Это походило на пытку, издевательство над самим собой. Её улыбка, её взгляд, ямочки на щёчках — всё это жутко болезненно раздрабляло его совесть, которая как выяснилось ещё пресуществовала.

Чертыхнувшись, Туманов захлопнул ноутбук, откинулся в кресле, устало протерев ладонями лицо. На часах было уже девять вечера. Все сотрудники давно разошлись, а он сидит в кабинете, при полной темноте, пьёт виски и рассматривает их фотографии. Дьявол, прямо как баба. Для полноты картины, не хватает только Серому в жилетку поплакаться, рассказать как ему хреново, как он страдает из-за жестокой несправедливости этого мира. Идиот. Сам всю эту кашу заварил, теперь самому и расхлёбывать придётся. Сначала со сделкой этой накосячил, ведь знал, что риск есть и притом очень большой. Но всё равно понадеялся на извечное русское ‘авось’. Теперь надо опять унижаться, просить тестя прикрыть его задницу. Марк скривился от одной такой мысли. Ему было бы в стократ легче просто плюнуть на всё и начать всё с нуля, но как же люди, которые работали в его компании? Больше тысячи человек окажутся просто выкинутыми на улицу. А как трудно в наше время найти нормальную работу и говорить не стоит. Нет уж, он во всём виноват, ему и отвечать. И Марк бы ответил. Наступил бы себе на горло и пошёл к тестю, если бы не ОНА

Да, чёрт подери, Кристина стала самой большой помехой в его жизни, и вместе с тем он только сейчас почувствовал, что живёт. Звучит даже смешно. Он, взрослый мужик, у которого есть ВСЁ — дом, работа, друзья, гоняется за какими-то призрачными фантазиями. Нет, он даже не псих, за последний месяц он превратился в какого-то наркомана, с каждым днём всё более и более одержимого очередной дозой. И у этой дозы было имя. У неё были самые красивые на свете глаза, самый прекрасный смех, улыбка. Она сводила его с ума одним только взглядом, невинным жестом. Оказывается, Марк себя совсем не знал. Он даже не подозревал, что способен на такие безумства, как например, гулять несколько часов босиком под проливным дождём, потом забраться на крышу какого-то дома и целоваться. Целоваться жадно дико с каким-то безумным упоением, испытывая при этом нереальную эйфорию. Он не вытворял такого даже, когда был подростком, а теперь у него словно все планки сорвало. Он свихнулся по этой девушке. От её запаха в венах бурлила кровь, всё тело пробивал мощнейший заряд тока. Они могли часами не вылезать из постели, а могли просто болтать не о чём. Марку нравилось, когда она начинала рассказывать о своей жизни, работе, друзьях. Ему просто нравился её голос, её смех, ямочки на её щеках. Первый раз ему была нужна от женщины не постель. Точнее не только она. У него отказывали все тормоза, как только он прикасался к ней, чувствовал под ладонями её горячую кожу, жадно выпивал губами её хриплые стоны. Это походило на безумие, но это было не самым важным. Первый раз в жизни ему не хотелось бежать от женщины, сразу же, как только он встанет с постели. Наоборот, когда он вставал с неё, начинал медленно одеваться, зачем-то растягивая время, он чувствовал себя дерьмом. Ничтожеством, подонком, сволочью. Понимал, что надо идти, понимал, что уже почти ночь, но дьявол, как же ему хотелось остаться. Прижать её к себе, зарыться лицом в её волосы, впитать в себя её запах. Он не хотел домой. Он чувствовал себя собакой на поводке, которого выводили на прогулки, а потом загоняли обратно. А он не хотел обратно. В этот уют опостылевших комнат, где он задышался. Да ему было жалко Марину, когда она плакала, когда закатывала очередные истерики, но только жалко. Больше ничего. Никаких других желаний, разве что удрать ко всем чертям. Он больше ничего к ней не чувствовал. Пустота и всё. Не помогали даже её жалкие попытки вызвать в нём ревность, первый раз за все годы их брака она пошла на такой трюк. Только это ничего не дало. Он итак разрывал душу в клочья от дикой ревности. Только не к ней. Не к жене.

Марк резко встал с кресла. Накинул на себя пальто и стремительным шагом вышел из кабинета. Всё хватит. Хватит этих бабских соплей. Пора заканчивать. Всё слишком далеко зашло. Надо рвать именно сейчас, потом будет только хуже. Он врёт самому себе. Кристина не очередная интрижка, она... Не важно. Это не важно. Какая к черту разница, что он к ней чувствует? Всё это надо прекратить. И не только из-за проблем в компании, эти отношения...они рушат всю его жизнь, они тупиковые, в конце концов! Он всё равно никогда не уйдёт от Марины, чёрт даже думать о таком безумно. Он ещё не совсем крышей поехал для таких поступков. Всё должно быть по-прежнему. С этим наркотиком, которое имеет имя надо покончить. И покончить прямо сейчас. Пусть больно, пусть сердце кровоточит так, словно в него нож воткнули, но он вычеркнет Кристину из своей жизни. Забудет. Не сразу. Но забудет. Обязательно забудет.

Марк подъехал к её дому, когда на часах было уже половина десятого вечера. А посему у него даже рот от удивления приоткрылся, когда он увидел, как Кристина подбегает к своему подъезду с какими-то сумками. Вышел из машины, окликнул. Девушка обернулась,

прищурилась, видимо не сразу его разглядев. А когда всё же поняла, что это он, её глаза расширились от удивления.

— Привет, а ты что тут делаешь? Уже почти десять часов.

— У меня к тебе тот же вопрос. Откуда это ты возвращаешься в столь поздний час?

Кристина улыбнулась, а он почувствовал себя полным идиотом. Ну, что за тупые вопросы? Он приехал расставаться, а не устраивать сцены ревности.

— Да вот решила в магазин сбегать. Мне сестра звонила, сказала, что зайдёт завтра. Ну, я и решила, что-нибудь нам сварганить. Кстати, я собираюсь готовить утку в винном соусе, не хочешь присоединиться?

Снова улыбка. Только уже другая. Призывная. Игривая. У Марка каждую мышцу от неё свело. Хотел. Ещё как хотел сжать её в объятиях, до боли, до хруста в костях и послать всё к чёрту. Но он сдержался. Титаническими усилиями ему удалось сохранить наигранное хладнокровие.

— Нет. Мне нужно с тобой поговорить.

Отчеканил всё абсолютно безэмоционально, словно он со своим подчинённым разговаривал, а не с лю...а не с женщиной, с которой находился в близких отношениях.

— Может, тогда всё же поднимемся ко мне?

— Нет! — в этот раз его голос всё же сорвался на крик. В глазах Кристины снова проскользнуло удивление. Она не понимала, что он не сможет сказать всё, то к чему уже огромными усилиями, но всё же подготовил себя, ТАМ, у неё дома. Куда тянуло. Тянуло ужасно, словно это и его дом тоже. — Кристина, я хочу расстаться. Всё это надо прекращать. Я не уйду от жены. Никогда. Прости меня, ты очень хорошая, правда. Только у нас с тобой ничего не получится. Прости.

Сказал, и дыхание перехватило. Что она теперь ответит? Пошлёт его к чёрту, проклянет? Будет истерика, слёзы? Нет, только не слёзы. Итак, себя полным дерьмом чувствует, на душе ужасно хреново, а её слёзы добьют его окончательно.

— Марк, у тебя есть бокалы?

Он опешил. То ли от вопроса, то ли от интонации, с которой она его произнесла. Абсолютно спокойно, где-то даже равнодушно. И взгляд...в нём ничего не изменилось. Такой же спокойный и сосредоточенный.

— Чего?

— Ну, у тебя бокалы есть или стаканчики там одноразовые?

Он ничего не понимал. С каждой секундой на душе становилось всё более мерзко и гадко. У него складывалось впечатление, что это не он, а его бросают. При этом унижая, стаптывая с землёй.

Марк не стал больше задавать вопросов. Достал из бардачка два одноразовых стаканчика, которые ещё с рыбалки забыл выкинуть и протянул их Кристине. Взяв стаканы, девушка достала из пакета бутылку вина, хлопнула по дну, протолкнула пробку вовнутрь и разлила кроваво-красную жидкость в стаканы, один из которых протянула Марку.

— Расставаться тоже надо уметь красиво, — девушка улыбнулась, сделала несколько глотков вина, поставила стаканчик на лавочку и подошла к Марку. Поднявшись на цыпочки, она накрыла своими губами его губы. От этого поцелуя, с лёгким привкусом алкоголя, у него перехватило дыхание. Желание стиснуть руками её талию, и с жадностью смять ртом её губы было адским невыносимым, но мужчина даже не смог пошевелиться. На несколько секунд его словно парализовало. А когда он пришёл в себя, она уже отошла от него на

несколько шагов назад. — Ты абсолютно прав. Нам действительно нужно расстаться. Спасибо за всё что было. Я желаю тебе счастья Туманов, искреннего большого счастья... в семейной жизни.

И всё. Она исчезла. Внезапно, он и глазом не успел моргнуть. Зато когда понял, что произошло, взревел. Несколько раз впечатал ботинок в колесо своей машины. Дьявол, твою нахрен мать! Да как она... Почему? Ну почему именно так? Почему пощёчину ему не влепила, почему не наорала, не закатила истерику? Почему так безразлично? Ей совсем всё равно? Плевать? Да, плевать. И, по-моему, всегда было плевать. Весь этот месяц. Она ни разу не упрекнула его, когда он вставал с её постели и уходил к жене. Когда отменял их встречи из-за того, что Маринка устраивала очередные облавы. И сейчас, когда он бросил ей отеканенную фразу всех кобелей, ей тоже наплевать. Дьявол, ну и хорошо. Ему тоже похеру. Всё кончено. У него своя жизнь, у неё своя. Точка.

Только Марк ошибался. Он наивно думал, что вылечился. Что ломки не будет. Что он так легко сможет прожить без дозы. Нет. Тогда он ещё не думал, как скоро начнёт подыхать. Корчиться в агонии, разъедать себя. Тогда он ещё не знал, насколько он зависим от этой дозы, ...которая имеет своё имя.

Марк несколько минут стоял перед дверью своей квартиры. Нажимать на звонок ужасно не хотелось, как и вообще находиться здесь. На душе было так хреново, что желание поехать в ближайший кабаk и выпить до осточертения брало верх. Но он всё же сдержался. Нажал на звонок и спокойно вошёл в квартиру, стараясь не обращать внимания на извечный укор в глазах жены.

— Ну и где ты был? Ты на часы вообще смотрел? Уже десять. Где ты столько шлялся? Туманов снял пальто, повесил его в шкаф, скинул ботинки и спокойно прошёл в кухню.

— Я был на работе, просматривал кое-какие бумаги.

— Какие бумаги? Что за бред? Это, что нельзя было сделать в рабочее время?

— Нельзя. В рабочее время у меня полно других дел, поэтому и пришлось остаться.

Марк достал из кухонного шкафчика бутылку виски, налил янтарную жидкость в бокал и тут же осушил его.

— Неужели? Знаешь, а я почему-то тебе не верю. Вот вообще ни единому твоему слову.

— Не веришь? — мужчина усмехнулся, на этот раз, отпив жидкость прямо из горла бутылки. — Ну что же поделать. Позвони охраннику, спроси, во сколько я уехал. А лучше поезжай в компанию, просмотри камеру наблюдения, сама во всём убедись.

Марина замолчала. Укор в её взгляде медленно начал исчезать, а на смену ему пришло беспокойство. Она неуверенно подошла к Марку, положила ладони ему на плечи, и мужчина тут же испытал острое желание сбросить их. Ему почему-то были неприятные её прикосновения, как и вообще её присутствие. Он сам не знал, какими силами он вообще себя удерживает в этом доме.

— Милый, что-то случилось? У тебя какие-то проблемы? Скажи, может я смогу чем-то помочь.

‘Сможешь родная, ещё как сможешь. Точнее не ты, а твой папочка. Только мы поговорим об этом позже’.

— Маришь, давай завтра. Я ужасно устал, у меня глаза слипаются. Пойдём спать, хорошо?

Жена улыбнулась, обвив руками его шею и прислонившись губами к его щеке. А Марку

в этот момент невыносимо сильно захотелось её ударить, встряхнуть хорошенько, чтобы она, наконец, очнулась. Неужели она действительно ничего не понимает? Не видит? Не чувствует? Ведь это всё. Конец их отношений. Нет, они, несомненно, проживут вместе до конца дней своих, но что в этом хорошего? Он больше ничего к ней чувствует. Совсем ничего. А Марина...она, похоже, так и будет продолжать тешить себя иллюзиями, что если вернулся, значит любит. Значит ему хорошо с ней. Значит она самая лучшая. Бред. Просто он не может развестись. Просто на ней слишком многое завязано, да и, в конце концов, он боится сделать ей настолько больно. Он устал над ней издеваться, но как это всё прекратить?

Уже засыпая, Марк почувствовал, как жена обвила руками его плечи, прижалась к нему всем телом, поцеловала его в шею. Опять захотелось либо самому встать с кровати, либо скинуть с неё Марину.

— Малыш, я ведь говорил, я устал жутко. Я сейчас совершенно ни на что не способен. Давай завтра, хорошо?

Жена устало вздохнула, обнимать его не перестала, но похоже смирилась, что сегодня ничего не будет. Да и завтра, наверное, тоже. Ему придётся провести колоссальную работу над собой, чтобы снова вернуться к прежней жизни.

— Хорошо. Я люблю тебя, Марусь.

— И я.

‘Да милая, я тоже люблю. Дико люблю, зверски. Только не тебя милая, не тебя’.

Положив помаду обратно в косметичку, я с некой опаской взглянула на своё отражение в зеркале. Мда, Анька постаралась на славу. Образ тигрицы, вышедшей на охоту у неё всегда получался на ‘ура’. Правда, стоит отметить, что не просто тигрицы, а шикарной неотразимой хищницы, которая затмевает всех на своём фоне. Вызывающее короткое чёрное платье, без каких-либо страз или блёсток, но зато с глубоким V-образным вырезом на груди, под цвет него лакированные туфли на высоченной шпильке, собранные в высокую причёску волосы, открывающую соблазнительный вид на тонкую шею и в дополнение ко всему боевая раскраска. Одна только ярко-красная помада чего стоит. В целом получился идеальный образ, готовящейся к прыжку пантеры. И настроение подходящее. Сегодня, я действительно была готова не только к прыжку, но и целой битве, которую обязана выиграть. Просто потому что у меня нет выбора. Рано или поздно в жизни может наступить такой момент, когда становится наплевать на все принципы. Моральные устои, законы совести — всё это пыль, ничто по сравнению с целью. Целью, к которой ты упорно идёшь на протяжении долгого времени и иногда кажется, что лучше умереть, чем свернуть с пути.

— Стрижова, что-то мне подсказывает, что сегодня, нас возненавидит половина девчонок всего города. Точнее не нас, а тебя.

Аня одобрительно усмехнулась, окинув меня оценивающим взглядом.

— Почему это?

— В клуб, который мы собрались, хотя бы однажды мечтает попасть каждая девчонка. Знаешь почему? Это одно из самых пафосных мест города. Там постоянно тусуются серьёзные дядечки с увесистыми кошельками. А сегодня всё внимание мужского пола будет приковано исключительно к твоей персоне.

— Звучит довольно скверно. Мне уже начинать бояться? — усмехнувшись, я открыла сумочку, отыскав взглядом одну очень нужную мне сегодня вещицу. — Помнится ты

говорила, что собираешь меня с кем-то познакомиться? Выходит с выбором жертвы мы уже определились и всех остальных мужчин этого заведения я клятвенно обязуюсь не трогать.

— Не зарекайся прежде времени. Мало ли как дело пойдёт. Может тебя Серёжка не понравится? Хотя я бы на твоём месте засунула свою разборчивость куда подальше. Времени, насколько мне помнится, осталось не вагон. Кажется меньше месяца?

— Верно, — я сжала в руке коробочку с контрацептивами, ещё несколько секунд помедлила, потом всё-таки положила её во внутренний карман сумочки, застегнув его на замок. Подло. Ужасно подло. Если у нас с этим Сергеем всё склеится, то сегодня, сам того не подозревая, он встанет на путь скоро отцовства. Чёрт, даже думать о таком скверно. Только мне уже всё равно. Время поджигает, а результата до сих пор никакого нет. — Ты права выбирать мне не приходится. Ну так что пошли? Не хорошо опаздывать. Вдруг этот твой Сергей пунктуальность любит.

Я сидела за столиком, перекинув ногу на ногу, и старалась выдавить из себя улыбку, изо всех сил пыталась изобразить, что этот клоун меня хоть чем-то заинтересовал. Слава богу, что в клубе было темно, и мою кислую гримасу было почти невозможно разглядеть. Вот, что такого ужасного в этом Сергее? Обычный мужик, очень даже не плох собой, с чувством юмора всё в порядке. Судя потому, сколько он нам историй за прошедшие полчаса влил, с богатым жизненным опытом. Кроме того друг Ани, а сестрица никогда не заводит знакомств с гнилыми людьми. Ко всему прочему я ещё и понравилась этому Сергею. По-моему с самого первого взгляда. Весь вечер с меня глаз не сводит, пытается быть джентльменом, то шампанское в бокал подливает, то пиджак мне зачем-то на плечи накидывает, хотя в клубе совсем не холодно, пускай, мы и сидим рядом с выходом. А уж, сколько он мне комплиментов отвесил даже не сосчитать. Только чем больше я сижу в этом клубе, в обществе этого мужчины, тем противнее мне становится. Даже не от того, что Сергей не вызывает во мне никакой симпатии, а скорее это презрение к самой себе. Я ведь знаю, чем должен закончиться этот вечер. Вот ещё немного так посидим, а потом Полина, под каким-нибудь предлогом увильнёт, и тогда я должна взять ситуацию в свои руки. А именно потанцевать с этим Сергеем, призывно улыбнуться, стрельнуть глазками, вообще дать зелёный свет. И когда он клюнет, а по его масляным глазкам я вижу, что в штанишках у него уже полный атас, надо будет везти его домой. На сеанс любви. Чёрт, даже звучит больше чем просто омерзительно. Очередная глупая затея. Надо было просто мужика на пару ночей арендовать и не париться. Тут-то точно совесть не заест.

— Кристиночка, а мне Аня рассказывала, что вы очень красиво рисуете. Я как-то тоже этим делом очень увлекался, даже хотел в художку пойти, да вот потом погряз в бумагах. А вы в рекламной фирме работаете да? Интересно, наверное, очень.

— Да ничего интересного. Работа как работа. Целый день от монитора не отлазишь вот и вся романтика.

— Кристиночка скромничает, — в этот момент Анька так сильно вдарила мне шпилькой по ноге, что я едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть. — Ты знаешь, на ней ведь весь отдел держится. Половина рекламных баннеров, которыми город обклеен, между прочим, по её эскизам создавались. Правда, ведь, Кристиночка?

Анька стрельнула в меня таким взглядом, что мне всё-таки пришлось засунуть так и рвущуюся из меня колкость куда подальше.

— Ага, правда.

— Серёж, а чего это у нас в бокалах так пусто? Может, организуешь бутылочку шампусика?

— Это мы мигом. Дамы не скучайте, я буквально на пару секунд.

Мужчина улыбнулся, и, по всей видимости, улыбка эта предназначалась только мне. Переборю себя я всё же нашла в себе силы послать ему ответную ‘любезность’ и только тогда он помчался к бару.

— Кристин, ну вот чего ты творишь? По-моему, очень хороший парень.

— А, по-моему, пидр последний. Compliments отвечает, пытается из себя джентльмена изобразить, а сам утопает взглядом в вырезе моего платья.

— Ну, знаешь! — Анька возмущённо вскрикнула, опрокинув в себя остатки шампанского в бокале. — На его месте любой бы нормальный мужик паялился. Да в таком наряде, который ты на себя нацепила, рядом с тобой только бы Ванька спокойно сидел, и то по весьма объективным причинам. И вообще ты себе принца, что ли ищешь? Я не пойму, ты чего добиваешься? Ну, отошьёшь ты Серёгу, а дальше что? Тебе напомнить, сколько осталось времени?

— Не надо. На память не жалуюсь.

— Зато, по-моему, о мозгах тебе пора забеспокоиться. Я ей идеальный вариант подогнала, а она нос воротит. Серёга хороший мужик. Я его не первый год знаю. Он надёжный, твёрдо стоит на ногах, да и внешностью бог не обделил. Чего тебе ещё надо?

— Если он такой весь из себя распрекрасный, чего же он сам себе до сих пор никого не нашёл?

— А ты, по-твоему, шалава подзаборная?

— Чего?

У меня, кажется, даже глаза на лоб полезли.

— Что ‘чего’? Я говорю, что ты тоже вроде девчонка не плохая, только нарываешься постоянно на одних козлов.

— Что значит ‘постоянно’? Один раз это, по-твоему, уже система?

Сестра усмехнулась, достав из сумочки сигареты и прикурив одну.

— Да ладно, кому ты тут заливаешь. То есть, ты хочешь сказать, что эти два месяца у тебя никакого не было? Ты сидела и ждала, когда у тебя закончатся все шансы воплотить свою чёртову мечту в жизнь? Нет, милая моя, мне ли не знать, как ты хочешь этого ребёнка. А по сему, ты по-любому поступила всеми своими принципами и нашла себе мужика. И, что-то мне подсказывает совсем не на пару ночей. Я думаешь, не заметила, как ты изменилась? Что с тобой происходило в последнее время? Да ты же сама не своя. Постоянно на телефон поглядываешь, будто ждёшь чьего-то звонка. Я, конечно, не знаю, с кем ты там роман закрутила, но предполагаю, что кончилось всё это достаточно печально. Потому что тебе видимо просто нравится западать на ублюдков, а нормальных мужиков в упор не замечать. Только милая моя, ты так опять останешься ни с чем. И учти, когда тебе снова ручкой помахают и в душу плюнут, я не буду тебя опять по больницам, да по психиатрам развозить. Сама свои проблемы решай раз такая умная.

Сильно затянувшись, Аня выдохнула серый клубок дыма, нервно дрожащими руками потушила сигарету и на несколько секунд прикрыла глаза. Чёрт, а ведь она права. Во всём права. Чего же я творю-то, а?

— Сестрёнка прости. Я сама не понимаю, что со мной происходит. Обещаю я возьму себя в руки. Прямо сейчас. Да и этот Сергей, в самом деле, не такой уж и плохой парень...

Ань, ты меня вообще слушаешь?

— Кристин, у меня паранойя или вон тот мужик, с нашего столика глаз не сводит?

Я проследила за Аниным взглядом, и чуть было не соскочила с кресла, когда в нескольких столиках от нас увидела Марка. Всё тело пронзила волна дрожи. Сердце бешено забилося где-то в горле. Мне с трудом удалось взять себя в руки, чтобы снова внимательно приглядеться. Нет, это точно он, никаких сомнений! Он сидит за тем столиком и так нагло меня разглядывает. От его взгляда у меня внутри всё перевернулось. Он смотрит пронзительно, выворачивая наизнанку каждую клеточку моего тела, въедаясь мне под кожу. Дьявол, какой же у нас оказывается всё-таки маленький город. Чёртова ирония судьбы. Я ведь пошла в этот клуб, чтобы навсегда отделаться от воспоминаний о Марке, а в итоге мы столкнулись практически нос к носу.

Я опустила голову, попыталась сделать вид, будто не заметила его. А сама исподтишка начала его разглядывать. Господи, как же он всё-таки красив. В этой белой рубашке, расстёгнутой на пару верхних пуговиц, с слегка взъерошенными волосами и бокалом чего-то спиртного в руке, он не просто красив. Он дьявольски красив, на него чёрт подери даже больно смотреть! От этого мужчины за версту веет соблазном, пороком, самыми запретными желаниями. И он до сих пор не сводит с меня взгляда. Убийственного взгляда, с которым я раньше никогда не сталкивалась. Он всегда умел раздевать меня одними глазами, проникать под толстые слои одежды и доводить до безумия моё тело сумасшедшими ласками... Но сейчас он смотрел на меня по-другому. Он поработал меня, лишал всякой возможности пошевелиться, сделать хоть какое-то движение. На коже выступили капельки пота, я вспотела, руки задрожали, всё тело пробил волна дикого возбуждения. Я была на пределе. Трусики взмокли. Чёрт, я уже была у самого финала. Не знаю, чтобы могло произойти, если бы я всё-таки не нашла в себе силы резко отвернуться. Хотя он не перестал на меня смотреть. Я спинным мозгом чувствовала, что всё ещё нахожусь под властью его взгляда. Меня раздирали сотни противоречивых чувств, в том числе и ярость. Дикая ярость. Рядом с ним сидела какая-то девка. Крашеная блондинка, в яркой юбке больше похожей на пояс и почти прозрачной майке, не прикрывающей вообще ничего. Её рука была меж его бёдер, не трудно было даже догадаться, что именно она ей вытворяла. И что-то мне подсказывает, что это точно не жена. Вот ведь сукин сын. Мразь.

— Да не парься Ань, очередная кобелиная рожа, не пропускающая ни одной юбки.

— А мне почему-то кажется, что я его уже где-то видела... Лицо больно знакомое.

Меня охватила паника. Чёрт, конечно, Аня его видела, когда он первый раз подвозил меня до дома, и чуть было не напросился 'на чай'. У сестрицы слишком хорошая память. Если она ещё и всё правильно сопоставит, мне точно конец.

— Здесь просто темно, легко с кем-нибудь перепутать, — на моё счастье, я увидела, как к нашему столику с бутылкой в руках проталкивается Сергей. — О, всё, вот и жертва подоспела. Сестрица, давай сматывай скорее.

— Вот это ты правильно, наконец, слышу от тебя дельные речи, — Аня встала с кресла, наконец, перестав сверлить Марка глазами. — Ладно, я уйду, а ты давай, бери быка за все его части тела.

Аня успела исчезнуть всего на несколько секунд раньше того как появился Сергей. Поставив на столик бутылку шампанского, мужчина удивлённо глянул на пустующее место моей сестры.

— Представляешь, ей соседка позвонила, сказала, что у неё из квартиры какой-то шум

слышен. А у Аньки дома сейчас никого нет, вот она и помчалась.

— Ясно, твоя сестрица как всегда в своём репертуаре.

Сергей широко улыбнулся, хотел, уже было наполнить мой бокал, но я резко поднялась на ноги, положив ладони на плечи мужчины.

— Слушай, а что мы всё сидим, да шампанское потягиваем? Не пора бы уже как-то размяться? Да и музыка хорошая.

Мужчина широко улыбнулся, осторожно, как-то даже робко обхватил руками мою талию, и повёл меня к танцполу. Музыка гремела всё громче. Не знаю, что на меня подействовало, то ли излишек выпитого шампанского, то ли раздражающий взгляд Туманова, который тоже вывел свою курву в цент танцплощадки и теперь лапал её зад, с нескрываемой усмешкой поглядывая на меня, но я раскрепостилась так, как, пожалуй, никогда в жизни. Даже на выпускном, после которого Лёша повёз меня к себе, и я провела свою первую в жизни ночь с мужчиной, я вела себя поскромнее. Но сейчас меня словно бес попутал или даже сам дьявол. Я чувствовала на себе множество горящих взглядов, в том числе и своего партнёра по танцу. От былой робости не осталось и следа. Сергей очень умело двигался в такт моим движениям, скользил руками по моей талии, постепенно спускаясь всё ниже и ниже. Его горячее дыхание обжигало мне шею. Я чувствовала, что он возбуждён. Взвинчен до самого предела и испытывала примерно такое же состояние. Только не от танца, не от близости Сергея, а от взгляда мужчины, который стоял в нескольких шагах от меня. Глаза Марка почернели. Теперь он уже не лапал свою потаскушку, которая обиженно надула губы и постоянно дёргала его за плечо. Скрестив руки на груди, он стоял и смотрел, как я танцую. В его глазах плескалось безумие, дьявольская ярость и может я мазохистка, но я ловила от этого дикий кайф. Пусть видит. Пусть смотрит, как я стораю в объятиях другого мужчины. Пусть знает, что мне всё равно. Он забыл? И я забыла. Забыла. Растоптала. Выкинула и сожгла. Всё, его больше нет. Я резко повернулась к Сергею, прижалась к его груди и с наслаждением поймала его нервный вздох. Мои соски стояли торчком, и мужчина это чувствовал. Чувствовал и подышал от желания. Мне едва удалось сдержать смешок. Возбудил меня Марк, а трахать будет Сергей. Своеобразный секс втроём. Положив ладони на плечи мужчины, я томно прошептала ему на ухо:

— Здесь так шумно, так много народу... Может, поедем ко мне?

Сергей был взбудоражен так сильно, что я даже побаивалась аварии. Нашу машину постоянно заносило. Руки мужчины дрожали, хоть он и старался не показывать своего состояния. Но его красноречивый взгляд, которым он, похоже, приклеился к моим оголённым коленкам, просто кричал, как сильно он жаждет затащить меня в кровать. И я ему это позволю. Мне даже уже не так и противно его присутствие. Наверное, сказывается алкоголь и какой-то полный пофигизм ко всему происходящему.

Правда, такое состояние продлилось совсем не долго. Как только я увидела чёрную до боли знакомую иномарку в зеркало заднего вида, моё сердце подскочило к горлу. Весь пофигизм и своеобразную отрешённость как рукой сняло. Меня тряхнуло так ощутимо, что непонятно какими силами я смогла не выдать своего состояния. Господи, он едет за мной... за нами. Дьявол, да на кой чёрт? Неужели разозлился из-за этого танца? Принял его как вызов? Ну, может я и провоцировала его, ...но ведь он сам поставил точку. Причём жирную и окончательную. Так какого теперь дьявола он творит?

Страх продлился всего пару мгновений, а потом в меня словно вселились все демоны

преисподней. Хочешь поиграть, милый? Ну хорошо, мы поиграем.

— Представляешь, а ведь я давно хотел с тобой познакомиться. На работе увидел у Ани фотографию на компьютере, там, где вы вместе, в каком-то парке и не знаю, прям что-то в груди щёлкнуло. Только я как-то робел пригласить тебя на встречу...

Я практически не слышала того, что говорил Сергей. Адреналин зашкаливал, всё внутри бурлило от переполнявших меня чувств. Я горела, тайком бросала взгляды на зеркало и начинала сходиться с ума ещё больше, когда видела, что Марк точно следует за нами. Он и не думает отступать. Сволочь. Эгоистичная сволочь. Три недели. Я три недели собирала себя по-кусочкам, заново училась ходить, дышать, даже просыпаться по утрам. Я натягивала на себя маску полного безразличия, с головой утопала в работе, весь день просиживала в офисе, а ночью...ночью я задыхалась от рыданий. Я скулила, металась по кровати, драла зубами подушку, я даже руки резала. Когда становилось просто невыносимо, когда воспоминания прожигали душу, я медленно вводила лезвием по коже, чуть надавливая, с каким-то упоением наблюдая, как выступают кроваво-красные капли. Нет, я не пыталась свести счёты с жизнью, хотя иногда у меня и возникали такие мысли. Иногда я ловила себя на том, что устала бороться, что у меня больше нет никаких сил. Но я отгоняла от себя такие мысли. Я заглушала душевную боль физической. Резала руки, по несколько часов в день истязала себя изнуряющими тренировками, в буквальном смысле училась жить заново. А он...для него ничего не изменилось. Словно и не было меня в его жизни. Он так легко смог забыть, перевернуть страницу. Гулянки, ночные клубы, любовницы...как же потрясающе у него, получается, жить двойной жизнью. Играть роль любящего мужа и при этом оставаться беззаботным холостяком. Ему всё по боку. Ему наплевать на чужие чувства. Иногда у меня складывается такое впечатление, что женщины для него как носовые платки. Использовал, выкинул и взял новый. И пусть. Пусть живет, так как ему нравится, я не вправе что-либо запрещать. Но и он,...какого чёрта он сейчас творит? Не нравится видеть как с его игрушкой, пускай уже и выброшенной играет кто-то другой? Хочет всегда оставаться в лидерах? Сукин сын. Я больше не позволю ему влезть ко мне в душу. Я больше не подпущу его к себе. Не при каких условиях. Никогда.

Эти мысли разбудили во мне волну адской ярости. В меня словно дьявол вселился, я перестала что-либо соображать, мною двигали одни эмоции. Положив руку на бедро Сергея, я медленно начала подниматься выше. При этом ладонь второй руки я положила к себе на коленки, оттянув и без того короткое платье ещё выше, так что стала видна резинка кружевных чулок. Нашу машину резко качнуло в сторону. Я чувствовала, как мужчину пробила дикая волна возбуждения. Я видела как его член, прорывает ткань джинс. Он уже на грани. Держу пари, он кончит, как только войдёт в меня. И он войдёт. Сегодня я навсегда вычеркну из своей жизни даже воспоминания о Марке. И если для этого надо будет впустить в свою постель другого мужчину, я это сделаю. К чёрту принципы. Я приняла правила игры.

Туманов не останавливался. Он продолжал ехать за нами, и от этого у меня окончательно снесло все планки.

— Робел, говоришь? Ну, ничего. Мне кажется, сегодня мы придумаем, что делать с твоей нерешительностью. В конце концов, не такая уж я и страшная...

Я положила ладонь на пах Сергея. Наверное, это был запрещённый приём. Мужчина сжал челюсти с такой силой, что меж них проступили желваки. Я чувствовала, что сожми я ладонь чуть сильнее, он разрядится. Но ещё слишком рано. Я не хочу, чтобы всё

заканчивалось так быстро.

— Поверни налево, а потом прямо, до торгового центра. Мы уже почти приехали.

Я снова бросила взгляд на зеркало. Марк был у нас на хвосте. Он следовал за нами по пятам и, похоже, даже не собирался останавливаться. Это разозлило меня, и вместе с тем меня прошила такая дикая волна возбуждения, что я откинулась на спинку кресла, запрокинула назад голову и издала тихий стон. С Сергеем бросил на меня затуманенный взгляд и я решилась на отчаянный шаг. Потянула его руку к себе на колени. На лице мужчины не дрогнул ни один мускул, с виду он оставался абсолютно спокойным, но его рука... Она забралась мне под платье, продвинулась чуть выше и не успела я опомниться, как его пальцы уже ласкали меня поверх трусиков. Это было слишком. Я закусилась нижней губой, издала тихий полный безумного наслаждения стон. Мы переступили грань. Я переступила роковую черту. Эта погоня довела меня до точки не возврата. Я словно чувствовала на себя взгляд Марка. Безумный. Дикий. Горящий. Он хотел меня убить. Разорвать на части. Вытрясти из меня всю душу. Сжечь. Испепелить. Уничтожить. И я сходила от этого с ума. Я выгибалась от ласк другого мужчины, меня колотила дрожь, всё тело покрылось капельками пота. Наверное, именно тогда я поняла, что это конец. Марк имеет полную абсолютную власть надо мной. Над моим телом, над всем моим существом. Он может возбудить меня, подвести к самому финалу, даже ни разу не прикоснувшись. Чёрт подери, я могу затрястись в конвульсиях оргазма, только подумав о нём. Это уже не безумие. Я даже не сумасшедшая, в психушке таких не держат. Я просто мазохистка. Ведь он ломает меня, с ним каждый день как в адском пламени, но я хочу ещё и ещё. Я уже не могу отказаться.

— Приехали.

Сергей выдернул меня из моих мыслей. С трудом, но я смогла разлепить глаза и тут же столкнулась с чёрным, каким-то даже пугающим взглядом. Мужчина убрал ладонь с моих колен, теперь он просто смотрел на меня. Смотрел так, что я сразу понимала — он уже на самом пике. Если сейчас дам поворот-отворот, он, скорее всего, возьмёт меня силой. Но я не собиралась его отторгать. Пускай, меня возбудили не его прикосновения, а эта чёртова погоня, но я всё ещё помню, для чего мне это нужно. Марк рано или поздно исчезнет из моей жизни. Исчезнет навсегда. А если я сейчас не воспользуюсь этим шансом — никогда себя потом не прощу.

— Пойдём.

Я вышла из машины, пошла к своему подъезду, слыша тяжелые шаги за своей спиной. Я не видела взгляда Сергея, но прекрасно чувствовала каждой клеточкой своего тела, что он сотрясается от страсти, от желания взять меня. Мне не было противно. В конце концов, он не урод, а нормальный здоровый мужчина и желания его вполне понятны. Я не разделяю его чувств. Я прекрасно знаю, что не испытываю и грамма того безумного удовольствия, до которого Марк может довести меня только одним взглядом, одним прикосновением. Скорее всего я вообще ничего не почувствую, разве что будет немного приятно, если Сергей очень постарается, а я закрою глаза и представлю на его месте совсем другого мужчину. Но это потолок. Оргазма я с ним не испытаю. Правда, меня это не останавливало. Мы уже почти вошли в подъезд, как послышался ужасный скрежет колёс. В эту секунду моё сердце бешено забилося где-то в горле. Всё-таки успел.

Я замерла на месте. Оставался всего шаг, и мы бы уже скрылись за дверью, но я не стала этого делать. Будет только хуже. Я итак разозлила зверя, а помахать куском мяса перед его носом, после чего взять и сбежать — нет, на такое я не пойду. Надо решить всё прямо

сейчас.

— Кристин, что-то случилось?

Сергей положил руки мне на талию, а уже через секунду я перестала их чувствовать. Когда я резко обернулась, мужчина уже валялся на снегу, а прямо передо мной.... Не знаю, как я сдержалась, чтобы не закричать, когда встретилась с ЕГО взглядом. Нет, Марк не хотел меня убить. Он хотел раздрать меня на части, медленно разрезать на куски, а потом сжечь.

— Какого х...? Ты кто такой?

Сергей быстро вскочил на ноги, сжав руки в кулаки. Похоже, он был готов в любую секунду дать Марку сдачи. А Туманова это совсем не волновало. Он даже не обернулся, бросил презрительно, как какой-то собаке:

— У тебя есть ровно двадцать секунд, чтобы унести отсюда свои кости. А, если я ещё хоть раз тебя рядом с ней увижу — заранее закажи себе гроб, в котором бы ты хотел, чтобы тебя похоронили.

— Какого дьявола? Ты вообще кто? Кристина, ты его знаешь?

Ко мне были прикованы сразу два испытывающих взгляда. Сергей смотрел пристально, с какой-то опаской, а вот глаза Марка не выражали абсолютно ничего. Кажется, мужчина был полностью спокоен и совершенно уверен в себе. Самовлюблённый эгоист, считает что может пальчиком поманить и я побегу за ним. Меня это разозлило. И не просто разозлило, а довело до крайности. Смотря прямо ему в глаза, я ответила абсолютно безразлично:

— Нет, первый раз вижу.

Его руки сжались в кулаки, взгляд почернел. В какое-то мгновение я даже испугалась, что он меня ударит, но мне удалось сохранить спокойствие.

— Мужчина мы вас не трогали, вы к нам тоже, пожалуйте, не лезьте. Серёж, пошли.

Не успел Сергей даже за руку меня взять, как его снова отшвырнули в сторону. Только на этот раз ещё и кулаком к челюсти приложились. Ответного удара ждать не пришлось. Я даже не успела ничего сообразить, чтобы предотвратить драку, как Марк уже валялся на асфальте с разбитой губой. Наверное, именно в эту секунду я поняла, что если сейчас же всё это не прекратить, их невозможно будет разнять, пока оба не расшибут друг другу головы. Когда Марк поднялся на ноги и с жатыми кулаками двинулся на Сергея, который тоже был готов принять удар, мне в последнюю секунду удалось просочиться между ними и оттолкнуть обоих мужчин друг от друга.

— Успокойтесь немедленно. Совсем сдурели? У меня в доме одни пенсионеры живут. Хотите, чтобы к нам сейчас наряд полиции нагрянул?

Сергей разжал кулаки, хотя по-прежнему продолжал воинственно смотреть на Марка.

А вот Туманов, похоже, даже не собирался отступать. Я чувствовала, что он в любую секунду был готов отшвырнуть меня в сторону и наброситься на Сергея.

— Подожди меня минутку, я с ним поговорю.

Взяв Марка за руку, я отошла от ничего непонимающего мужчины на несколько шагов в сторону, так, чтобы он не мог слышать наш разговор.

— Ты что устроил? Что тебя надо?

— А почему ты шепчешься? — Туманов усмехнулся, бросив на меня взгляд полный презрения. — Боишься, что твой хахаль услышит? Он ведь ничего не знает, да?

Марк усмехнулся, а я еле сдержалась от желания самой задвинуть ему в рожу.

— Шантажировать меня вздумал? Я бы тебе не советовала. Сергею я без всяких

проблем могу рассказать о наших отношениях, которые к слову уже практически месяц как закончились. А вот твоей жене, наверное, совсем не понравится, если она узнает, что нас с тобой связывало, — усмешка с лица Туманова как-то сразу исчезла. Теперь он смотрел на меня пораженно, даже с каким-то разочарованием. Да и мне и самой было тошно. Меньше всего я хотела попрекать его браком. Тем более что у меня нет на это никаких прав. Но ведь он сам вынудил меня на такой шаг. — Марк, что тебе нужно? Что ты хочешь?

— Поговорить.

— Мы с тобой уже обо всём поговорили.

— Это ты так думаешь, а я всё равно не уйду. Буду преследовать тебя где угодно, ходить за тобой по пятам и разукрашивать морду каждому, кто посмеет до тебя дотронуться.

На этот раз мужчина говорил совершенно серьёзно, без тени усмешки в голосе. Его взгляд был прикован ко мне, и я чувствовала, как постепенно начинаю сдавать позиции. Чёртова одержимость. Мне так хочется оттолкнуть его, дать пощёчину, прогнать далеко и надолго, навсегда. Но я не могу. И дело даже не только в воспоминаниях. Когда он рядом у меня внутри всё переворачивается. Желание прижаться к нему, очертить подушечками пальцев контуры его губ, разглядить появившиеся на лбу морщинки, становится просто невыносимым. Я его ненавижу. Я хочу, чтобы он навсегда исчез из моей жизни. И вместе с этим я, наверное, умру, если в какой-то день пойму, что он больше не вернётся. Никогда не придёт. Ведь все эти три недели я жила одной надеждой, что он снова появится. Что я опять брошусь в эту пучину безумия, без которой уже не представляю ни одного дня.

— Хорошо, если хочешь поговорить, мы поговорим. Только в последний раз. Сегодня мы расставим все точки над 'Г' и ты больше никогда не появишься в моей жизни.

Я отошла от Марка, понимая, что соврала ему. Точнее я сказала то, чего ужасно боялась. Если он и правда больше никогда не появится в моей жизни, ...наверное, я умру. В душе разразится такая пропасть, которую никто и ничто не сможет заполнить.

— Серёж извини, похоже, у нас с тобой сегодня ничего не получится.

Я попыталась выдавить из себя виноватую улыбку, но ничего кроме презрения к себе за такое лицемерие и желания поскорее отделаться от этого мужчины я не испытывала.

— Что-то случилось? Ты знаешь этого типа?

— Да, знаю, — я лихорадочно начала соображать, чтобы соврать. Дьявол, сколько же можно? Скоро я сама начну путаться, когда я говорю правду, а когда в очередной раз вру. — Это парень Ани. Точнее её бывший ухажёр, который сначала ей не давал прохода, а теперь вот и ко мне прицепился.

— В смысле, прицепился?

— Да в прямом. Он считает, что у Аньки кто-то есть и почему-то решил, что она сейчас у меня прячется. В общем, псих самый настоящий.

Сергей прищурился, видимо не очень во всё это поверив. Неудивительно. Даже я понимала, что несую полную ахинею.

— А я думал, у твоей сестры никого нет.

— А у неё и нет. Просто она как-то встречалась с этим ненормальным. Недолго, всего пару недель, а теперь вот до сих пор отцепиться от него не может. Ладно, Серёж, ты прости, что всё так получилось. В следующий раз, обещаю, такого не повторится.

Я чувствовала, как начинаю заплывать краской. Пришлось даже незаметно ущипнуть себя за бедро, чтобы хоть немного успокоиться.

— И, что ты намерена делать? Давай я прогоню этого психа!

— Не нужно, — я закусила нижнюю губу, нервно начав соображать, как бы отвертеться. — Я позвоню Ане, пусть она приезжает и разбирается со своим припадочным. Так сказать на нейтральной территории. А я на всякий случай поприсутствую, мало ли что.

— Может мне тоже лучше остаться?

— Нет! — я так поспешно ответила, что нет ничего удивительного в том, что Сергей нахмурился. — Я не хочу тебя вмешивать в наши семейные разборки. Не волнуйся, я не собираюсь впускать его в квартиру, по крайней мере пока сестра не приедет. А с тобой мы обязательно встретимся в другой раз. Если ты, конечно, сам захочешь.

— Захочу, — Сергей положил ладони на мою талию, притянув меня к себе. Не знаю, как я сдержалась, чтобы не сбросить его руки. Наверное, подействовал прожигающий до самых костей взгляд Марка, который я чувствовала на себе каждую секунду. Ничего, пусть знает, что на нём свет клином не сошёлся. Я красивая молодая девушка, живущая полноценной жизнью. Конечно, это ложь, но главное, чтобы он в неё поверил. — Ты мне безумно нравишься. С той самой секунды, как тебя первый раз увидел, на фотографии. Я позвоню тебе завтра, хорошо?

— Конечно, звони. Я буду ждать.

Прикусив нижнюю губу, я как-то даже растерялась, встретившись с обжигающим взглядом Сергея. Он чего-то хотел, и чего именно не сложно было догадаться. Встав на носочки, я накрыла губами его губы. Руки мужчины крепче стиснули мою талию, а я почувствовала, как на меня накатила тошнотворная волна отвращения. К самой себе. За то, что теперь меня переполняет ложь, лицемерие. За то, что втянула Сергея в эту грязную игру. За то, что сделала его марионеткой.

— Ладно, иди. Аня скоро должна приехать.

Я первой прервала поцелуй, боясь, что либо Сергей заметит, как я жмурюсь, либо Марк в очередной раз накинется на него с кулаками.

— Может мне всё-таки остаться?

— Нет, езжай, всё хорошо, правда.

Я смогла спокойно вздохнуть, только когда мужчина сел в свою машину и через несколько секунд его автомобиль скрылся из моего поля зрения. Правда, как только я обернулась к Марку, меня снова охватила волна дикой дрожи, только теперь не отвращения. Меня переполняли совсем другие чувства: страх, ненависть, желание исчезнуть, провалиться сквозь землю и...возбуждение. Чёрт бы его побрал, но он проехался своим голодным взглядом по всему моему телу, на несколько секунд задержавшись на груди, от чего соски моментально свернулись в тугие горошинки. И это была как пощёчина. Унизительный удар за этот поцелуй. Он словно усмехнулся, прокричал, что я могу быть с кем угодно, меня может целовать любой мужчина, но принадлежать-то я всё равно буду ему. И он прав. Я ненавижу себя за это. Я жалкая ничтожная грязная. Мною движут тёмные первобытные желания. У меня совсем нет гордости. Потому что как только я его вижу, я обо всём забываю. Я готова всё простить, лишь бы он остался. Лишь бы был моим, пускай всего на пару секунд, на одно мгновение,...но оно будет стоять целой жизни.

— Ну, о чём ты хотел со мной поговорить?

Марк усмехнулся, продолжая смотреть на меня нагло, как на свою добычу. Уже пойманную добычу, которая от него никуда не денется.

— Может, поднимемся к тебе? Или ты хочешь, чтобы о наших семейных разборках узнали все вокруг?

Он хотел унижить меня этим? Или может надавать на совесть? Упрекнуть? Да, пожалуй, всё вместе. Только не получится. Пускай он имеет безграничную власть надо мной. Пускай считает, что я его персональная игрушка, кукла...только эту куклу больше не поставят на колени. Никто и никогда.

— Чего мне бояться, ты ведь не моя семья. Но, если хочешь, давай поднимемся, мне всё равно.

Я прошла к подъезду, открыв дверь и войдя внутрь. Я скорее почувствовала каким-то спинным мозгом, как ладони Марка сжались в кулаки, а сам мужчина взвинчен до такого предела, что теперь едва сдерживает себя, чтобы не сдавить пальцы на моём горле. Только представив такую картину, я забыла, как надо дышать. Соски моментально встали торчком и болезненно занули, а трусики взмокли за каких-то пару секунд. Я чертыхнулась, мысленно послала себе тысячу проклятий, но это не помогло. Единственный способ избавиться от этой болезни — убить себя. По-другому никак. Пока я живу, дышу, просыпаюсь по утрам — я принадлежу ему. Принадлежу всецело. Он владелец всего моего существа. Единоличный владелец.

Меня пробила волна адской дрожи, когда мы оба переступили порог квартиры, и я закрыла дверь. Эти стены...они давали. У меня сложилось такое впечатление, что меня вновь загнали в клетку с тигром, который сейчас был, мягко скажем 'не в духе'.

Я разулась, постаравшись взять себя в руки. Это всего лишь разговор, который должен положить конец всему, что нас связывает с Марком.

— О чём ты хотел поговорить?

Мужчина прислонился к стене, окинул меня лишь мельким взглядом, от которого у меня внутри всё перевернулось. Вся моя гордость, вся непоколебимость как-то постепенно начали спадать.

— Сними пальто.

Мои зрачки расширились от удивления, но возражать я не стала. Повесив пальто в шкаф, я вновь обернулась к мужчине.

— Ну, теперь ты, наконец, скажешь мне, о чём хочешь поговорить?

Марк не стал ничего говорить. Он вообще не произнёс ни слова. Просто молчаливо подошёл ко мне и одним резким движением разорвал моё платье до пояса. А уже через мгновение он накинута на меня с такой страстью, что у меня снесло все планки. Удивление, даже лёгкий страх продлились всего несколько секунд, а потом меня накрыл шокирующий приступ наслаждения. Я начала рвать пуговицы на его рубашке, оплела ногами его пояс, когда он подхватил меня под ягодицы. Его губы, его руки, его запах — всё это сводило меня с ума, лишало всякого рассудка. Я изголодалась по нему. Я изголодалась по его ласкам, по его жаркому взгляду. Мне было мало всего. Меня разрывало от дикого желания почувствовать его в себе, отдаться ему. Сейчас. Немедленно. Он посадил меня на трюмо. Одним движением освободил меня от остатков разорванной в клочья одежды и жадно смял ладонями мои груди. Я застонала, из моих глаз брызнули слёзы. Я была не просто возбуждена. Я была готова уже в ногах у него валяться и умолять взять меня. Наконец, сдёрнув с него рубашку, я жадно прошлась ладонями по его груди, сходя с ума от бешеного наслаждения видеть его тело, прикасаться к его коже. Но как только я прошлась пальцами по соскам, Марк резко завёл мне руки за спину. Я задохнулась от его взгляда, от его чёрных диких глаз, которые жадно прошлись по моему телу, не оставив без внимания ни единый уголок. Когда послышался звук расстёгиваемой ширинки, и головка окаменевшего члена

всего лишь на пару сантиметров погрузилась в горячее, изнашивающее от желания принять его в себе лоно, я вскрикнула, вцепившись пальцами в ягодицы мужчины и блаженно прикрыв глаза.

— Нет. Смотри на меня. Я хочу, чтобы ты видела, кто тебя трахает. Хочу, чтобы, когда ты кончала, ты знала, что кончаешь от моих ласк, от моих поцелуев, от того, что это мой член внутри тебя.

Я открыла глаза, и в эту же секунду Марк ворвался в меня. На всю длину, заполнив меня до упора. Мой рот непроизвольно распахнулся. Я не вскрикнула. Стон застрял где-то в горле, я не смогла произнести даже слова, когда он начал брать меня. Дико. Жадно. В бешеном темпе. Как голодный разъярённый зверь. Он сжимал пальцы на моих ягодицах, вколачивался в меня с такой силой, что я вздрагивала, металась в его руках как беспомощная кукла. Мне не было хорошо. Я даже не испытывала наслаждения. Всё это было слишком мало, слишком ничтожно, чтобы описать эмоции, которые меня переполняли. Он рвал моё тело. Он рвал на части, на мелкие куски и я сходила с ума от этого. Я плакала, скулила, пыталась насадиться ещё глубже, принять его в себе целиком, такого мощного огромного... Он разрывал меня. Выворачивал наизнанку. Заставлял корчиться от невыносимого, граничащего с дикой болью наслаждения. Оргазм был таким разрушительным, таким мощным, что на пару секунд мне показалось, что я потеряла сознание. Отключилась от реальности. Только тогда я поняла, как сильно по нему скучала. Именно по нему, такому яростному неконтролируемому взбешённому. Он мой. Плевать на всех его любовниц, пассий, даже на жену. Он мой. Мой зверь.

Подхватив меня под ягодицы, он понёс меня по коридору и уже через секунду мы очутились в спальне, на кровати. И вот тогда все началось заново. Он перевернул меня на живот, поставил на четвереньки и с каждым разом начал доказывать всё сильнее и сильнее, что я никто. От меня ничего не зависит. Моя гордость, честь, моральные принципы — всё это пшик, былинка. Для него они ничего не значат. Он может не появляться неделю, месяц, год, а потом прийти и перевернуть всю мою жизнь. Ворваться в неё как ураган, ничего не оставив после себя. Он мой дьявол, который пробуждает во мне самые низкие самые порочные желания.

Марк брал меня как осатаневшее животное. Я металась по кровати, рыдала, рвала зубами подушку и раз за разом сотрясалась от сокрушительных оргазмов. Когда мне казалось, что я теряю сознание, что я уже не могу терпеть, он резко дёргал меня к себе за волосы, презрительно, со зловещей усмешкой шепча мне на ухо:

— Тебе хорошо? Со мной лучше, чем с ним? Он трахал так же как я? Давай скажи, с ним тебе было хорошо так же как со мной?

Я плакала, ничего ему не отвечая. Он унижал меня. Втапывал в грязь, приравнивал к дешёвым шлюхам. Мне хотелось ему ответить. Хотелось расцарапать ему всё лицо и прогнать из своего дома, из своего сердца. Но я не могла. Я скорее предпочла бы сдохнуть, чем остановить его, оттолкнуть. Я ненавидела себя за это. Презирала. Но поделаться ничего не могла. Я только корчилась от дьявольского наслаждения, снова и снова сотрясаясь в конвульсиях оргазма. Только, когда Марк с силой сжал пальцы на моих ягодицах, а из его груди вырвался победный дьявольский рык, я обессиленно рухнула на кровать, уткнувшись лицом в мокрую от слёз подушку. Я была раздавлена. Растоптана. Уничтожена. Я сдалась.

Я лежала на его груди, слышала как хаотично бьётся его сердце, словно он чем-то взволнован. Я гладила его разгорячённую кожу, собирала губами капельки пота на его теле.

А он осторожно трогал мои волосы, перебирал их меж своих пальцев. Никогда как в этот момент я не была так счастлива и так раздавлена одновременно. Никогда я не испытывала столько нежности и боли. Любви и дикой лютой ненависти. Пожалуй, именно сейчас я в первый раз прокляла тот день, когда мы с ним познакомились.

— Зачем ты вернулся? Зачем ты снова ворвался в мою жизнь, ведь мне почти удалось тебя забыть?

— Почти, — Марк усмехнулся, прижавшись дрожащими губами к моей макушке. — Я бы никогда не вернулся. Никогда бы снова не посмел к тебе приблизиться, если бы не это 'почти'. Я слишком устал держать в руках телефон и раздирать себя от желания набрать твой номер, приехать к тебе... Кто был этот Сергей? Что у тебя с ним?

— А у тебя? — я приподнялась на локтях, заглянув в его глаза. — Что у тебя с той девицей из клуба? Что у тебя с другими женщинами, которые постоянно вьются вокруг тебя?

Он резко перевернул меня на спину, нависнув надо мной.

— Никто из них ничего для меня не значит, — смотря прямо мне в глаза, твёрдо произнёс Марк. — Никто. Слышишь? Никто... кроме тебя.

Я оттолкнула его, присела на кровати, согнув ноги в коленях и обхватив их руками. Ложь. Какая мерзкая грязная ложь. Как так можно? Как можно быть таким жестоким? Ведь я не игрушка. Я живой человек, которому тоже может быть больно. Одно дело, когда тебе не дают никакой надежды и потом бросают. А совсем другое, когда говорят такие слова, когда заставляют ВЕРИТЬ, а потом плюют в душу. Это не просто жестоко. Это по-скотски.

— А жена? Жена для тебя тоже ничего не значит?

Он молчал, долго молчал, наверняка думал, чтобы опять соврать. Как бы выкрутиться. А я едва сдерживалась, чтобы не заплакать. Почему всё так? Почему я люблю его? Люблю так сильно, так бешено, так одержимо? Почему его?

— У меня с ней ничего нет... У меня с ней ничего нет с тех пор как ты...

— Хватит!

Я зажала уши руками, не желая больше слушать это враньё. Я сыта им по горло. Я погрязла в этой лжи.

— Замолчи, я не хочу ничего знать!

— А я хочу!

Он резко развернул меня к себе, заставив посмотреть ему в глаза.

— Я хочу знать, что у тебя было с тем Сергеем?

— А с какой стати я должна перед тобой отчитываться? Это ты захотел всё разорвать. Ты сказал, что хочешь расстаться. Так что тебя удивляет? Ты думал, что я ещё полгода буду сидеть у окошка в надежде, что ты захочешь вернуться? Нет, не буду. Я совру, если скажу, что мне было легко отпустить тебя из своей жизни. Но я смогла это сделать. И никогда бы к тебе не приблизилась, если бы ты сам сегодня не устроил эту гонку. Я хочу, чтобы ты знал, тебе никогда не удастся меня сломать, — его взгляд изменился. Я чуть было не задохнулась, когда увидела в нём боль и сожаление. Я даже не сразу поверила в это. Но... так притворяться невозможно. Он был искренним. Сейчас он был настоящим. Наверное, только это заставило меня смягчиться. — Ладно, если тебе будет от этого легче, то у меня никого не было. Я ни с кем не встречалась и уж тем более не спала за то время, что мы были не вместе. У меня, знаешь ли, нет такой привычки, бросаться на первого встречного только потому, что в штанах гудит.

Я встала с постели, закуталась в простыню и вышла на кухню. В спальню я вернулась

только через несколько минут, с аптечкой в руках.

— Ладно, Рембо, давай залечим твои душевные и телесные раны.

Я села поверх его бёдер, смочила ватку в растворе, прикоснувшись к его губе. Когда Марк недовольно поморщился, я невольно улыбнулась, подув на ранку.

— Ну да, немножко щиплет. Придётся потерпеть, уже не маленький.

— Не бойсь, как-нибудь переживу.

— Конечно, переживёшь. Куда ты денешься-то?

Я не успела, как следует обработать его 'травму' как Марк вдруг резко опрокинул меня на постель, нависнув надо мной. Несколько секунд он внимательно смотрел мне в глаза, а потом твёрдо, с полной серьёзностью в голосе произнёс:

— Я не привык оправдываться, извиняться или отчитываться. Ты права, я лицемерная сволочь, которая всем и всегда врёт. Я только хочу, чтоб ты знала, я скорее себе плотку перережу, чем сломаю тебя...И ещё, спасибо тебе.

— За что?

Мой голос дрожал. По моим щекам катились слёзы, которые он бережно собрал губами.

— За то, что дала мне возможность, почувствовать, как это ЖИТЬ. Наслаждаться каждым днём, каждым мгновением. За то, что научила меня быть счастливым. За то,...что ты просто есть.

Я проснулась от запаха чего-то горелого, который уже, по-моему, заполнил всю квартиру. С трудом поднявшись с кровати, накинув халат и пройдя в кухню, я не смогла сдержаться. Мои губы невольно расплылись в широкой улыбке, а на меня накатила какая-то невероятная атмосфера безумного счастья и эйфории, когда я увидела, как Марк в одних джинсах и в моём фартуке с хрюшками, пытается оттереть гарь от подноса. Увидев меня, мужчина сразу затолкнул поднос обратно в духовку и попытался соорудить рассерженное лицо.

— А ну-ка брысь обратно в кровать и притворись, что спишь.

— Зачем это?

— Я хочу принести завтрак в постель. Не рушь мои планы. Давай, марш в спальню!

Я проскользнула мимо мужчины и успела всего лишь на несколько секунд заглянуть в духовку, прежде чем Марк оттащил меня обратно.

— Я смотрю ещё пару уроков кулинарии, и тебе можно будет свой ресторан открывать.

— Издеваешься да?

Он притянул меня к себе за талию, прижавшись губами к моей макушке.

— Вовсе нет. Выглядит и впрямь аппетитно, к тому же я люблю чёрный цвет. Только думаю, экспериментировать с завтраком в постель, лучше не надо. Боюсь, конечно, спросить, но что было на этом подносе?

— Пицца с ветчиной и сыром.

— Ммм, моя любимая. Я так полагаю, ты хотел меня отравить?

Марк улыбнулся, хлопнув меня по попе.

— И в мыслях не было. Потом пришлось бы улики за собой подчищать. Целый день бы на это угрохал. Кстати, я уже заказал новую пиццу. Должны привести через несколько минут. Я чуть отстранила от себя мужчину, развязала пояс халата и сбросила шёлковую ткань к своим ногам. Я вспыхнула, когда увидела, как дёрнулся кадык на его горле, а глаза почернели. Как только он опустил взгляд к моей груди, соски тут же затвердели.

— А может ну эту пиццу? Перед завтраком обычно идёт разминка. Не хочешь принять в ней участие?

Я невольно вскрикнула, когда Марк усадил меня на кухонный стол, раздвинул ноги и тут же пристроился между них. Всего за секунду мы вспыхнули как спички и теперь уже оба изнывали от дикой потребности друг в друге. Но я не успела, даже провести ладонями по его груди, как раздался дверной звонок. Марк его словно и не услышал. Он продолжал покрывать моё тело жаркими поцелуями, сотрясаясь от страсти.

— Там, похоже, твоя пицца...иди, открой.

— Пошли они к чёрту!

Я рассмеялась и всё же оттолкнула от себя мужчину.

— Ну, уж нет, ты их вызвал, ты и разбирайся.

Марк зло чертыхнулся, снял фартук и рассерженно кинул им в меня. Пока он разбирался с курьерами, я решила немного прибраться на кухне. Правда, я даже не успела убрать со стола, как Марк уже вернулся обратно. Почему-то без пиццы и какой-то озадаченный, я бы даже сказала смущённый.

— Крис, там это...там...

— Что 'там'? Марк, ты меня пугаешь. Ума не приложу, кто мог заставить смутиться Марка Туманова?

Я оплела руками его шею, поцеловав мужчину в небритую щёку.

— Кристин, там твоя мама пришла...

До меня даже не сразу дошёл смысл его слов. Сначала мне показалось, что я просто ослышалась или что-то не так поняла. Слишком безумна была эта фраза.

— Что ты сказал?

Марк замялся, неловко оглянувшись на дверь.

— Там твоя мама пришла...чёрт, так неудобно поучилось. Мне лучше уйти да?

Я несколько секунд прибывала в полном оцепенении, всё ещё не веря в то, что это происходит со мной, на самом деле. Она пришла? Заявилась на порог моего дома? Неужели даже в душе ничего не дрогнуло? Да нет, быть такого не может! С чего бы это я ей понадобилась?

— Нет, подожди меня здесь, я на пару минут.

Выйдя в коридор, я накинула на себя лёгкую куртку и, переступив порог квартиры, прикрыла за собой входную дверь. Честно, я до последнего не верила, что ОНА действительно пришла. Я думала, что Марк ошибся, что-то не так понял, но когда я увидела ЕЁ, стоящую у дверей моей квартиры, я чуть сознания не потеряла. Первый раз в жизни я испытывала такой шок. У меня словно почву из-под ног выбили, лишили возможности дышать, разговаривать, даже шевелить губами...Мне невыносимо сильно захотелось зажмуриться. В голове пульсировала мысль, что это какое-то видение, сон, абсолютный бред...Она здесь. Возле моей квартиры. Она стоит в шаге от меня, как будто ничего и не было. Никакой аварии, никакого развода, выкидыша, предательства...ЕЁ предательства. Когда-то я думала, что больнее, чем Лёша...Алина, мне никто уже не сделает. Потом, когда я встретила Марка, я поняла, что развод с бывшим мужем и предательство лучшей подруги — всего лишь пшик. Если бы всё это произошло при других обстоятельствах и не пять лет назад, а, к примеру, сейчас, когда из моей головы выветрились все наивные мечты, мне не было бы так больно. Разве что скверно, неприятно, но я бы точно не стала пытаться сводить

счёты с жизнью. А вот то, что сделала ОНА,...причинить мне большую боль уже никто не сможет. Даже Марк. Потому что это просто исключено. Любовь многогранна. Она бывает страстной, когда сносит все планки, кровь бурлит в венах огненным водопадом, с глаз сыплются искры; бывает нежной ласковой, как например, к детям, друзьям, близким; и есть любовь к родителям, я бы вывела её как отдельный аспект. Эта любовь вечна, страшна и безумна сама мысль, что она может когда-то закончиться, иссякнуть. Чтобы кто не говорил, но только любовь к родителям, никогда не утрачивает свою силу. Спустя многие годы чувства не остывают, наоборот, всё больше хочется приехать, обнять, просто увидеть....А потому нет большей боли, чем потерять её. Когда её вырывают из твоего сердца и безжалостно сжигают, остаётся только пустота, которую никто и никогда не сможет заполнить.

— Здравствуй, Кристина.

Мне пробрало от этого голоса. Одно дело слышать его по телефону раз в полгода и всего несколько минут, а совсем другое — вот так, вживую.

— Здравствуй. Зачем ты здесь?

Она поправила волосы, на несколько секунд отведя взгляд в сторону. Этого хватило, чтобы я подметила, что она ничуть не изменилась. Всё такая же красивая ухоженная, в дорогой одежде. Я бы ни за что не дала бы ей её возраст, даже, несмотря на пару появившихся морщинок.

— Может, пройдем в квартиру?

— Это ни к чему. Говори здесь.

Ей было неловко, это очень сильно чувствовалось. Она явно не знала как себя вести, что говорить. Столько времени мы уже не виделись....Только помогать я ей не собиралась. Я её в гости не звала и особого удовольствия видеть её, у меня тоже не было.

— У тебя появился друг да?

Она неловко улыбнулась, стиснув в ладонях свою сумочку. Нервничает. Наверняка, уже жалеет, что пришла. Так пусть уходит. У меня нет никакого интереса, знать, что заставило её пойти на такой шаг. Может, опять какие-то проблемы с её депутатом? Так ведь вроде развелись уже давно. Тогда что? Деньги? Аня говорила, что в последнее время у неё туго с финансами. Узнала, что я собираюсь обменивать квартиру и поэтому решила вспомнить о дочке?

— Не хочу показаться грубой, но никого кроме меня это не касается. Зачем ты пришла?

— Мне нужно с тобой поговорить...

Она замолчала, потупив взгляд в пол. Меня эта ситуация начала уже порядком раздражать. Хорошо же утро началось.

— О чём?

— Это очень важно...может, всё-таки зайдём в квартиру? Это не пятиминутный разговор...

— Нет, мы никуда заходить не будем. Меня совсем не интересует, о чём ты там хочешь поговорить, а тратить на тебя больше пяти минут я не собираюсь.

Я развернулась, открыла входную дверь и уже собиралась уйти, как вдруг моё тело резко парализовало. Всего одного слово. Слово, в котором плескалась столько скрытой мольбы и отчаяния. Слово, которое я давно в себе похоронила.

— Дочка!

Медленно обернувшись, я встретилась взглядом с нежно голубыми глазами,

излучающими так много боли, раскаяния....В эту секунду внутри меня что-то дрогнуло. Надломилось. Мне вдруг так невыносимо сильно захотелось послать гордость к чёрту, забыть все обиды, простить....Но словно сам дьявол вдолбил в моё сознание, разъедающую, переполненную ядом фразу: ‘мама...она сказала, что ты умерла’.

— Здесь женщина, вашей дочери нет. Жила, когда-то, вот в этой самой квартире, но вы похоронили ее, пять лет назад.

Захлопнув за собой дверь, я сжала челюсти с такой силой, что меж них проступили желваки. Меня трясло как в лихорадке. Я не понимала, жарко ли мне сейчас или наоборот дико холодно. Это был тот самый край. Выигранная разумом война над чувствами. Всё так и должно быть. Я правильно поступила. Только сердце всё равно кровоточит от боли. Ему невозможно ничего объяснить, доказать...Оно наполнено любовью и выдрать её из него нет никаких сил...Легче себя убить.

— Кристин, всё в порядке?

Марк вышел в коридор, и я заставила себя спрятать чувства за фальшивой улыбкой.

— Всё в порядке. Когда там твоя пицца приедет, я ужасно голодна!

— Я отменил заказ. Мне кажется, сейчас не лучшее время для завтрака,...Что с тобой?

Марк обхватил моё лицо ладонями, пленив меня испытывающим, въедающимся под кожу взглядом. В эту минуту мне так всё надоело. Так осточертело сдерживать себя, пытаться быть сильной, не показывать своих слабостей. Мне так захотелось прижаться к нему, разрыдаться у него на груди, свалить всю эту ношу со своих плеч. Но я переборола себя. Душа кровоточила, сердце рвало на части, а на губах улыбка. Радостная нежная счастливая, с изысканным привкусом фальши.

— Всё в порядке. Так чуть-чуть поссорились...с мамой.

Последнее слово мне пришлось буквально выдирать из себя. Но я смогла. Ни один мускул на лице не дрогнул. Только улыбка стала ещё шире, ещё радостней.

— Обманываешь, — Марк притянул меня к своей груди, зарывшись лицом в мои волосы. Именно в эту секунду мне вдруг стало как-то невероятно легко. Его объятия как отдушину, как огромная крепкая стена защищающая меня от всякой опасности. В эти мгновения я первый раз за долгие годы почувствовала себя такой слабой и вместе с тем такой защищённой. Наверное, только сейчас я всё же призналась себе, что люблю его. Нежно страстно, местами даже ненавистно...Я люблю вот таким, какой он есть. Со всеми его недостатками. Он мой. И это не эгоистичный порыв злобной любовницы. Я просто знаю, чувствую, что какая-то часть его, пускай даже самая маленькая, всегда будет принадлежать мне. Только мне. — Почему ты не хочешь рассказать мне о них?

— О ком ‘о них’?

Я подняла на него удивлённый взгляд.

— О родителях. Ты как-то всегда обходишь эту тему. Почему?

Я осторожно высвободилась из его объятий, всеми силами постаравшись, сохранит улыбку на лице.

— Да нечего особо рассказывать. Папа умер уже давно, с мамой мы редко общаемся, времени почти нет. Ты мне, кстати, тоже о своих ничего не рассказывал.

Я быстро свернула разговор на другую тему. Называть эту женщину МАМОЙ с улыбкой на лице...да я лучше ещё три раза попаду в ту чёртову аварию.

— Да, мне как-то тоже особо нечего, — Марк почесал затылок, улыбнувшись как-то

юношески, совсем по-мальчишески. — Родители развелись несколько лет назад. Мама сейчас живёт в Барселоне, мы с ней, конечно, поддерживаем связь, но видимся не больше нескольких раз в год. С папой у нас как-то с самого детства сложились более тёплые отношения. Он живёт в другом городе, видимся, конечно, не очень часто, но бывает, что мы даже становимся партнёрами по бизнесу. Недавно только провернули одну небольшую сделку.

Я улыбнулась, проведя ладонью по его щеке. Первый раз он заговорил со мной о своей жизни, о своей семье....Раньше мы как-то старались обходить стороной частную жизнь друг друга. Эти темы негласно были под запретом. А сейчас мы словно перешагнули какой-то невидимый рубеж и...это очень страшно. Становится всё труднее и труднее подпитывать себя утешающими мыслями, что это всего лишь ничего не значащая интрижка, которая никак не может повредить ни мне, ни ему. Хотя мне, наверно, и вправду не может, а вот ему...

— Иди, время уже много. Я взяла отгул на три дня, а ты давай чеши на работу.

— Неа, — с легкостью поборов моё сопротивление, Марк притянул меня к себе, зарывшись лицом в мои волосы. — Я сам себе начальник. Во сколько хочу во столько и прихожу.

— Помимо работы у тебя ещё есть семья, где тебя наверняка ждут.

Может, не стоило этого говорить, но я не хотела, чтобы у него из-за меня были проблемы. И хотя больше всего на свете я желала завалиться в кровать и поудобней устроиться в его объятиях, одна только мысль, что его может ждать скандал дома, портила всё настроение.

Марк обхватил моё лицо ладонями, заставив меня посмотреть прямо ему в глаза.

— Гонишь?

Голос спокойный, кажется, что даже равнодушный, но как бы Марк не старался, ему всё равно не удалось скрыть от меня нотки тревоги, отчаяния, ужасной тоски. У меня внутри всё разорвалось. Я изнывала от желания прижаться к нему и никуда не отпускать,...но я не могла этого сделать. Наше время вышло. Уже утро, он не ночевал дома и ему наверняка предстоит нелёгкий разговор с женой. С женщиной, которая имеет на него все права. Это тупик, в который мы оба себя сознательно загоняем.

— Нет, но тебе действительно нужно идти. Пожалуйста...

Мы несколько минут неотрывно смотрели друг другу в глаза. Я не знаю, какими силами мне удавалось сдерживать слёзы. Душу рвало на части. Меня убивала сама мысль, что он сейчас уйдёт, что я должна отпустить его в другой дом, к другой женщине...Мне хотелось кричать, вопить, скулить от боли,...но я понимала, что сама во всём виновата. Я это начала, мне одной за всё и отвечать. Марк не виноват. Он всего лишь запутался в себе, в своих чувствах. Настоящую подлость совершаю я. Я ведь люблю его, понимаю, что лучше будет отпустить, разорвать всё сейчас, потом будет только больнее,...но я не останавливаюсь и не пытаюсь остановить его. А это уже не просто подлость. Это гнусное лицемерие, эгоизм.

Марк оделся молчаливо. Натянул на себя рубашку, пиджак, пальто. Всё это время я старалась не смотреть на него. Я только молилась, чтобы он не передумал. Марк изменился. Стал каким-то более резким, грубым. Если бы он сейчас настоял на том, чтобы остаться, я бы не смогла его прогнать. Это за гранью моих сил. Мне легче из груди вырвать сердце, чем вырезать из него Марка.

Он остановился уже на самом пороге, когда я хотела закрывать за ним дверь. Обернулся

и пригвоздил ко мне какой-то совершенно безумный взгляд.

— А если я разведусь?

Можно сказать, что эта фраза окончательно развеяла все иллюзии, которыми я себя окружила. Меня пробрало до самых костей. Дыхание перехватило. В горле начало драть. Только сейчас я начала понимать, что происходит на самом деле. Что я творю. Ведь он...он сейчас не шутил, не блефовал. Он был серьёзен и абсолютно решителен. Мне стало ужасно страшно. Одна мысль, что я действительно могу разрушить семью, а по-сути уже разрушаю, убила какую-то частичку моей души. Никогда я ещё не чувствовала себя так мерзко, так отвратительно.

— А если ты разведёшься, ты больше никогда меня не увидишь.

Я захлопнула дверь, тут же заперла её на все замки и съехала на пол, обессилено закрыв лицо руками. Это тупик. Нет никакого выхода. Я должна бежать...бежать как можно скорее, без оглядки...но куда? И от кого? От Марка...или от самой себя?

Практически весь день я провела на кухне, не отводя взгляда от окна. На улице лил дождь. Крупные капли барабанили по стеклу, а я всё думала о своей жизни. Что я делаю не так? Почему всё идёт наперекосяк? В чём и перед кем я провинилась? Все говорят, что любовь это что-то светлое, возвышенное. Чувство, которое даёт нам силы преодолеть все трудности, несчастья. Бред. Обман. Ложь. Может и существует такая любовь, но я с ней не сталкивалась. У меня всё по-другому. Отношения с Марком походят на затяжную хроническую болезнь. Она убивает меня, медленно, мучительно, высасывает все силы, но мне хочется ещё и ещё. Люблю ли я его? Может, и нет. По крайней мере не так как об этом пишут в красивых книгах. Но я дышу этим мужчиной. Я живу, чтобы видеть его, чтобы слышать его голос, вдыхать в себя его запах, который впитался в каждую клеточку моего тела. Каждый день без него — серость, одиночество, тоска. Каждый день с ним — страсть, огонь, борьба, продирающая душу боль. И не понятно, что лучше. Как справиться...как найти в себе силы отказаться?

На часах было уже восемь вечера, когда в дверь позвонили. Я нисколько не удивилась, увидев на пороге сестру. Аня всегда могла заявиться в любое время дня и ночи, причём совершенно без предупреждения.

Как только мы прошли на кухню, сестра тут же достала из сумочки бутылку коньяка.

— Ну, что подруга, порезвимся?

— Резвись. У меня как-то нет настроения, да я своё уже вчера отыграла.

— Кстати о вчерашнем, — Аня открыла бутылку, плеснув янтарную жидкость себе в бокал. — Что это за сумасшедший за мной увивается?

— Ты о чём?

— Ну, мне вчера звонил Сергей, чуть ли не матом на меня орал, за то, что я к тебе своих хахалей подсылаю.

Я покраснела, тут же отведя взгляд.

— Ань, понимаешь...

— Да я всё я понимаю. Надо было как-то выкрутиться, и ты не придумала ничего лучше как сослаться на меня. Ладно, я свой парень, как говорится, могу и грудью от пули прикрыть. Но ты только объясни мне, с кем ты всё-таки роман-то крутишь?

Я устало закрыла лицо руками, даже не зная, что ей ответить.

— Ань... мне так хреново. Я совершенно не знаю, что мне делать. Я так запуталась.

— Так расскажи, будем распутываться вместе.

Сестра встала за моей спиной, обхватив меня за плечи.

— Не могу, ...пока не могу. Может быть, позже...сейчас нет никаких сил.

— Ладно, в душу лезть не буду. Когда сможешь, тогда и расскажешь. Только ты всё-таки выпей...мне тебе кое-что сообщить надо. А на трезвую голову такая новость тяжело воспринимается.

Я подняла на сестру удивлённый взгляд.

— Какая новость?

— Как по мне, хреновая. Только ты мне сначала скажи, почему ты маму прогнала? Я, конечно, понимаю, ты была не одна, но ведь можно было как-то помягче. Наверняка, нахамила. Я когда с ней разговаривала, у неё такой голос был...Крис, ну неужели нельзя было помягче?

— Слушай, я прошу тебя, не начинай. Это старая песня, и музыка на неё у нас с тобой разная. О чём ты хотела поговорить?

— Вот не прогнала бы маму, узнала бы всё ещё утром, — прежде чем я окончательно впала в транс, Анька пропустила ещё один бокальчик. — В общем, Лёха объявился.

— Какой Лёха?

Сестра усмехнулась.

— Что значит 'какой'? Ты как будто не знаешь? Хотя я его чаще 'скотина' называю, но всё же при рождении он 'Алексеем' был наречён.

По телу прошёл холодок дрожи. Я постаралась не выдать своего волнения, но наверное, мой 'плавающий' взгляд говорил всё за меня.

— И что?

— Как 'что'? Он в городе.

— Ну и что с того? — я встала из-за стола, подойдя к окну. — Ему, что запрещено сюда приезжать?

— К сожалению, нет. Но дело не в этом. Вчера он приходил к маме....Просил устроить с тобой встречу, зачем, не объяснил.

— ...В общем, дела у нас идут очень и очень неплохо, можно даже сказать хорошо. Объект ребята сдали на две недели раньше срока, так что думаю самое время браться за гостиничный комплекс. Проблемы с бывшим владельцем мы уже утрясли, пора приступать.

Туманов усмехнулся, захлопнув папку и бросив её в верхний ящик стола.

— На какие деньги?

— В смысле? — Ветров перевёл на начальника удивлённый взгляд. — Я ведь сказал, жилищный комплекс достроен. Притом на две недели раньше срока. С финансами у нас сейчас всё очень неплохо, как раз нужно ловить момент и заниматься гостиницей.

— Неужели? — Марк достал из кармана брюк пачку сигарет, прикурив одну. — А ты не забыл, на чьи деньги мы выплыли из того дерьма, которое принесла нам 'сделка' со Шнайдером?

Ветров напрягся, поддавшись вперёд.

— погоди, твой тесть, что требует вернуть деньги?

Марк расхохотался, потушив сигарету и скрестив руки в замок. В его взгляде промелькнули икорки яростной злости.

— Мы с тобой не в детском саду. Какая разница требует или нет? Долги надо

возвращать.

— Ты рехнулся? Зачем возвращать долг, если этого никто не требуют?

С лица Марка момента исчезла даже тень былой усмешки. Мужчина зло глянул на друга.

— Я, слышишь, я этого требую! Мы вернём ему всё до последней копейки и больше никогда не возьмём в долг у этого человека.

Ветров напрягся. В его взгляде промелькнула догадка.

— У тебя с Мариной, что-то случилось? Поссорились?

Марк ослабил узел галстука, откинувшись на спинку кресла.

— Тебя это не касается. Я говорю тебе, просто, чтоб ты знал и потом не бегал по офису с округлёнными глазами. В ближайшие три дня на счёт моего тестя должна перейти ровно половина той суммы, которую мы получили за жилищный комплекс.

Ветров чуть было не подпрыгнул на месте.

— Ты сдурел, что ли?! Это огромная сумма!

— Да, огромная. И, несмотря на это, её не хватит, чтобы погасить весь долг перед тестем. Будем делать это постепенно. С каждой удачной сделки, половина суммы будет идти на его счёт.

Несколько минут Сергей молчал, ошарашенно смотря на начальника. Он просто не мог поверить, в то, что слышал.

— Так, а куда, позволь узнать пойдёт вторая половина, что мы получили с комплекса?

Марк ответил твёрдо, без всяких раздумий.

— Сотрудникам. Каждый получит премию в сумму равную половине их месячной зарплате.

— Я всё понял, ты накурился или просто сошёл с ума. Ну, признайся мне как другу, мозгами тронулся?

Марк не обратил внимания на слова Ветрова, ответив всё также твёрдо, с бесстрастным выражением лица.

— Ровно столько мы им должны. Или тебе напомнить, что в прошлый раз зарплату задержали на две недели?

— Да с каких пор ты стал таким правильным?!

— Послушай, я всего лишь поставил тебя в курс своих намерений, которые в течение трёх дней должны воплотиться в реальность.

Сергей усмехнулся, откинувшись в кресле.

— Замечательно, просто превосходно! А пардон, на какие шиши мы будет строить гостиницу?

— Личные сбережения. Я сниму деньги со своего счёта, привлеку новых спонсоров, если хочешь, можешь, кстати, тоже поучаствовать. Хотя это дело добровольное. Возьмём новые кредиты в банках, это не проблема.

— Вот это круто, у меня просто нет слов! То есть лучше торчать банкам, чем собственному тестю, который на тебя, в случае чего уж точно в суд-то не подаст?!

Марк поправил воротник рубашки, глянув на наручные часы.

— Я у тебя не спрашивал, что лучше или хуже. Просто поставил в курс событий. И давай всё остальное, обсудим завтра, на свежую голову.

Ветров молчал несколько секунд, а потом весело усмехнулся.

— Ты прав. У меня под конец дня башка уже не варит. Давай в клуб поедем? Там на

Невском новое местечко открылось, говорят просто рай. Девочки, ммм, конфетки на любой вкус!

Туманов игривый настрой друга явно не разделил. Мужчина ответил всё также твёрдо, с жесткими нотками в голосе:

— Запомни, пожалуйста, на будущее. Меня больше не интересуют ни ночные клубы, ни гулянки, ни девочки. Это всё осталось в прошлом.

На несколько минут в кабинете повисла абсолютная тишина. Ветров безотрывно смотрел на друга, понимая, что тот говорит абсолютно серьёзно, без каких-либо эмоций.

— Знаешь, я бы понял, если бы ты сказал это лет семь назад, когда женился. Но сейчас... — Сергей встал с кресла, накинув на себя пальто. Прежде чем выйти из кабинета, мужчина остановился в самых дверях, бросив задумчивую фразу. — А ты изменился... только непонятно в какую сторону.

Когда за другом захлопнулась дверь, Марк скинул пиджак, устало провел ладонью по лицу, бросив мелький взгляд на часы. Уже половина девятого. Все давно разошлись. Рабочий день чёрт знает, когда закончился. А он не хочет домой. Сама мысль, что надо туда возвращаться, противит. У Марка было такое ощущение, что ему набросили петлю на шею и медленно начинают её стягивать. Что делать? Как жить дальше? По-старому нельзя. Просто невозможно. Серый прав, он действительно изменился. Весь этот месяц провёл как на вулкане. Стал более вспыльчивым, придирается к сотрудникам по всяким мелочам, сколько раз за это время орал на Марину, без всякого повода, просто потому что она его бесит. Раздражает одним своим присутствием. Марина...он вёл себя с ней по-скотски. Изменял абсолютно в открытую, не передумывал оправдания своим похождениям. Ночевал в стрип-барах, трахал секретаршу на рабочем столе, приходил домой, даже не задумываясь о том, что от него за километр несёт женскими духами. Они его раздражали. Все. Стриптизёрши в ночных клубах, обыкновенные трассовые шлюхи, секретарши, которых он трижды сменил всего лишь за один месяц, и Марина, жена дьявольски его бесила. Ему было наплевать на её слезы, на истерики, на просьбы, даже на угрозы. Он потерял к ней всякий интерес. Звучит цинично, но она стала для него мебелью, предметом интерьера. Наверное, рано или поздно он бы сам сдох от такой жизни, если бы не эта встреча...У него душу разорвало, всё тело покрылось капельками пота, а кровь в венах яростно забурлила, когда он увидел ЕЁ там, в том клубе...с каким-то чмырём. Тварью, которая её лапала, которая смела прикасаться к ЕГО женщине. И она сама, дрянь, она затеяла эту игру. Она знала, что он на неё смотрит, знала, что едет за ней, знала и испытывала его терпение. Да он отомстил ей за это. Он врывался в её тело яростно, как изголодавшийся зверь. Она стонала, царапалась, выгибалась в его руках, а он слизывал с её щёк слёзы и брал вновь и вновь, наказывая за эту выходку, за то, что въелась ему в мозги, за то, что никак не мог её забыть....А потом произошло то, что, наверное, навсегда перевернуло его жизнь. Он признался себе, признался в том, что любит. Нет, не так. Любовь — жалость, совершенно ничтожная былинка, по сравнению с тем, что он чувствовал. Но это даже не самое страшное. Он понял, что больше не сможет её отпустить. Легче из груди вырвать сердце и заживо себя похоронить, чем вновь прожить без неё, пускать даже день...

Она первая женщина, с которой он заговорил о разводе. Марк даже сам не понял, как это произнёс. Но он не испугался. Наоборот, в душе что-то болезненно кольнула, когда она ответила ему. Когда сказала, что больше не позволит приблизиться к себе, если он разведётся. И Марк видел по её глазам, слышал в каждом слове, что это действительно так. И

что он должен был чувствовать? Радость? Кристина ведь не отвергла его, вновь позволила ему быть рядом и при этом совершенно от него ничего не потребовала. Он вроде до потолка должен скакать, только почему-то орать хочется, рвать глотку, ломать кулаки о стену. Где выход? Как разорвать этот замкнутый круг? Так больше не может продолжаться. Он сам скоро не выдержит. Сдохнет, пустит себе пули в лоб, но ведь как-то это нужно прекратить.

Рука сама произвольно потянулась к телефону. словно под гипнозом набрал отпечатавшийся в каждом уголке памяти номер и чуть не забыл, как надо дышать, когда слышал её голос.

— Здравствуй, родная. Что моя птичка делает?

— Телевизор смотрю, ... Скоро спать буду ложиться.

Она удивлена, это слышно по её голосу. Хриплому голосу, прерывистому.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что-то случилось? Что с голосом? Ты плакала?

Марк яростно сжал трубку в ладони, произвольно поддавшись вперёд.

— Нет, всё нормально. Просто погода пасмурная, ветер холодный, а я решила на балкон выйти. ... Теперь вот глотать нормально не могу. Горло болит.

— Ну, вот мозги есть? — Марк резко вскочил на ноги, накинув пиджак на плечи. — Так говори, что купить, я сейчас приеду.

На несколько секунд в трубке повисло молчание, а потом послышался тихий удивлённый голос.

— Марк, не нужно. ... У меня всё есть, правда.

Мужчина усмехнулся.

— Ну да, конечно. Да у тебя в аптечке кроме зелёнки вообще ничего не найти. Так, я сейчас в аптеку, а потом к тебе. Кстати, может ещё в магазин заскочить? Ты голодная?

— Нет, я не недавно кушала, — её голос дрожал, был очень тихим. — Марк, ты с ума сошёл? Не надо приезжать, всё нормально, я не маленькая, сама в состоянии о себе позаботиться!

— Знаю я, в каком ты состоянии! Небось, даже балкон не закрыла. У тебя, кстати, шерстяные носки есть?

— Зачем?

Мужчина усмехнулся, одной рукой пытаясь натянуть на себя пальто.

— Ножки должны быть в тепле, как и ручки и всё остальное тельце. Я надеюсь, ты хоть пледом-то укрылась? Давай говори, что купить. Что тебе лучше всего от горла помогает?

— Коделак, — Марк вздрогнул, резко обернулся и чуть не выронил телефон из рук, когда увидел стоящую в нескольких шагах от себя Марину. — От кашля мне обычно лучше всего помогает коделак.

Она смотрела на него кричащим взглядом, со смесью дикой боли и отчаяния. Наверное, хотела заставить его чувствовать себя виноватым. Заставила. Только не перед ней. Марк боялся, что Кристина могла что-то услышать, понять...

— Я перезвоню.

Он сбросил вызов, чувствуя, как в груди что-то болезненно кольнуло. Не так... всё опять не так.

— Ну, может просветишь меня с кем ты разговаривал?

Усмехнувшись, Марина села в кресло.

— А тебя не учили, что прежде чем войти надо стучаться?

Марина расхохоталась, прикусив нижнюю губу.

— А тебя не учили, что не стоит отвечать вопросом на вопрос? С кем ты сейчас разговаривал? Со своей подружкой, да? Слушай, а она знает, что ты не хранишь ей верность? Знает про твоих секретуток, разгульных девках, с которыми ты проводишь время? Может, дашь мне её телефончик, я бы помогла дружеским советом, как лучше всего пережить мужскую измену. Я же в этом деле спец!

Марк спокойно застегнул пальто, не обращая внимания на застывшие в глазах жены слёзы.

— Если ты решила поскандалить, время не самое удачное. Мне нужно отъехать по делам. Вернусь домой — поговорим.

Марина усмехнулась, вцепившись нервно дрожащими руками в свою сумочку.

— Слышала я, по каким делам тебе нужно отъехать, — женщина глубоко вздохнула, попытавшись успокоиться. — Я там котлет пожарила... Ты, когда вернёшься?

— Не знаю. Поздно, наверное. Я ужинать не буду.

— Поздно это когда? — Марина встала с кресла, бросив на мужа жалостливый взгляд. — Мне опять полночи не спать, дожидаясь тебя?

— Не надо меня дожидаться, — огромными усилиями Марку удавалось сдерживаться в себе с каждой секундой накатывающую всё сильнее и сильнее ярость. — Езжай домой, поужинай, ложись спать. У меня ещё очень много важных дел, вернусь не раньше двенадцати.

Марина усмехнулась, перекинула через плечо сумочку и остановилась уже в самых дверях.

— Знаешь, — голос женщины дрожал, взгляд блестел от невыплаканных слёз. — Иногда мне кажется, что в один день ты просто не придешь,... Я буду ждать тебя ночь, день, неделю, месяц,... а ты так и не появишься. Никогда.

— Мариш, милая моя, ну успокойся. Хватит плакать, посмотри на себя, ну в кого ты превратилась? Глаза все красные опухшие, щёки вон впали, похудела до ужаса, а что это за лохмотья на тебе? Ты выглядишь лет на сорок!

Усмехнувшись, женщина взяла из рук подруги кружку с горячим чаем.

— Да, иногда мне порой на себя в зеркало страшно смотреть.... Только для кого мне наряжаться?

— Ну что у вас всё совсем так плохо?

Поставив кружку с так и не тронутым чаем на столик, Марина дрожащими руками потеплее закуталась в одеяло, свернувшись в калачик и опустив голову на колени подруги.

— Мне, кажется, что 'нас' уже нет. Он стал таким чужим холодным,... Вчера опять не ночевал дома. Я даже спрашивать ничего не стала. Отмазался бы своей командировкой, но я-то знаю, что он вернулся ещё прошлым утром и всю ночь был с ней...

Оля успокаивающе погладила подругу по голову, заботливо заправив выбившиеся пряди волос ей за ушко.

— С кем 'с ней'? Ты узнала кто она?

— Пока нет...

— Почему?

Марина резко поднялась с колен подруги, бросив на неё обезумевший взгляд.

— Я боюсь.... Тогда всё рухнет. Сейчас я ещё могу поддерживать себя хоть самой слабой

иллюзией, что никого нет, что у него действительно много работы, но потом... Я не знаю, что мне делать, когда я увижу её...

Оля рывком обняла подругу, прижав её голову к своему плечу.

— Мариш, а может хрен с ним? Ну, на черта тебе такой мужик? Ты молодая красивая умная, просто превосходная хозяйка, да за тобой мужики штабелями ложиться будут! Ну, зачем тратить лучшие годы жизни на этого... да у меня даже слов нет, чтобы выразить какой он всё-таки подонок!

— Нет! — Марина вскрикнула, резко отстранившись от подруги. — Я не могу, ... куда я без него? Мне скоро тридцать, у меня ничего нет, я никогда не работала! Да кому я такая нужна? И... я без него не смогу. В нём вся моя жизнь, я не смогу без этого мужчины, никогда не смогу!

Прежде чем слёзы градом стали скатываться с глаз женщины, Оля вновь с силой обняла подругу, начав укачивать её как ребёнка.

— Тогда надо бороться. Если ты хочешь быть с ним нельзя отступать... Я раньше думала, что никуда от тебя твой Марк не денется, всегда будет возвращаться, но теперь... Он действительно изменился. И причина этому может быть только одна — женщина. Причём на этот раз похоже всё действительно серьёзно.

— Но, что мне делать? — Марина жалостливо всхлипнула, шмыгнув носом. — Что же мне делать?

Несколько минут Оля молчала, а потом совершенно спокойно произнесла.

— Ребёнок. В таком случае помочь может только ребёнок. Вы ведь как раз хотели обзавестись потомством?

— Хотели, — Марина усмехнулась. — До того как эта тварь не появилась.... А теперь он ко мне даже не притрагивается.

— В каком смысле?

— В прямом. У нас уже больше месяца ничего нет, да и то в самый последний раз он завалился домой пьяным как чёрт, по-моему, сам не понимал, что делает...

— Больше месяца, говоришь? — Оля задумалась, машинально продолжая укачивать подругу. — Ну, это хороший срок. Вполне можно наплести, что ты беременна.

— Как это? — Марина утерла слёзы, ошарашенно взглянув на подругу. — Но ведь я же не беременна...

— Пока нет. Но это дело весьма поправимое. Даже, если Марк ещё пару месяцев будет страдать по своей подружке, всегда можно сымитировать выкидыш. Оба варианта беспроигрышные. Бросить беременную жену у него просто не хватит совести. Порвёт он со своей девкой это стопроцентная гарантия. И будет хорошо, если тебе действительно сразу удастся забеременеть. Марк будет о тебе заботиться, все гулянки отойдут на второй план. А уж когда родится ребёнок, он и думать обо всё этом перестанет.

Марина резко выпрямилась, окончательно перестав плакать.

— А если не получится? Если я не забеременею в ближайшее время?

— Тогда второй вариант. Выкидыш. Поверь, в таком случае он тоже не посмеет уйти. Ты всегда сможешь надавить ему на совесть, что мол, это из-за него ты потеряла ребёнка. Он решит тебя куда-нибудь свозить отдохнуть. Только представь, вы несколько недель на каком-нибудь райском острове.... Все проблемы сразу отойдут на второй план.

Согнув ноги в коленях, Марина обхватила их руками, бросив на подругу растерянный взгляд.

— Не знаю,...я об этом никогда не думала.

— А ты подумай, потому что мне, кажется, что в данной ситуации это твой единственный шанс. Можно уйти от жены и расторгнуть штамп в паспорте, но бросить ребёнка...Туманов, конечно, сволочь, но не до такой степени. Беременность — самый лучший вариант удержать мужика.

— Возможно ты, правда....Да, скорее всего, права. Но до этого, я хочу узнать кто эта женщина. Я долго колебалась и всё-таки решила нанять частного детектива. Если бы ты знала, Оль, как мне не хочется этого делать,...не думала, что когда-то смогу опуститься так низко, но мне просто необходимо узнать кто эта женщина.

— Ты права. Это очень важно. И когда мы узнает, кто она, клянусь, я собственноручно задушу эту тварь, потаскушку несчастную!

— Нет! — Марина вскрикнула, с полной серьёзностью взглянув на подругу. — Ты ничего ей не сделаешь,...Я не хочу её убивать. Мне просто нужно узнать кто она.

— Зачем?

— Хочу увидеть её. Понять, что в ней есть такого, чего нет во мне. Чем она его привлекла? Как ей за несколько месяцев удалось то, что у меня не получилось за семь лет? Знаешь, мне страшно об этом даже думать, ни то, что говорить....Но он её любит. По-настоящему любит...

Прошёл уже месяц. За это время столько всего изменилось. Я переехала на другую квартиру, опасаясь, что неожиданно появившийся муженёк, решит меня навестить. Встретаться с ним в мои планы не входило. Мне было абсолютно до пятого фонаря, о чём он там хочет поговорить. Лично я всё выяснила ещё пять лет назад и ворошить прошлое не собиралась. И так, с таким трудом удалось, если и не забыть, то хотя бы больше не тревожить пропитанные ядом воспоминания. Я попросила сестру передать ему, что никакой встречи и никакого разговора не будет. Собственно про бывшего мужа я почти не думала, но вот его внезапное появление всё же несколько усложнило мою жизнь. От греха подальше переехав в другой дом, я вызвала много вопросов у Марка. Он явно не понимал, почему это я вдруг так неожиданно решила сменить место жительства. Пришлось сказать, что мне надоело вставать в шесть утра, чтобы успеть на работу, которая, кстати, действительно находилось далеко от моей прежней квартиры. Хотя я прекрасно понимала, что совсем скоро придётся придумывать новую байку. Документы о размене квартиры почти готовы. Осталась всего лишь пара формальностей и мне нужно будет переселяться на новое место. Правда, квартирные вопросы меня сейчас не так сильно беспокоили. Этот месяц стал самым прекрасным и одновременно самым трагичным в моей жизни. Ещё никогда я не была так счастлива. Я даже представить не могла, что всего один человек может стать центром всей вселенной. Что я чувствовала, когда Марк приехал ко мне практически в двенадцать ночи, чтобы привести лекарства, проследить хорошо ли я одета и тепло ли в доме? Что я чувствовала, когда он заехал ко мне на работу просто чтобы увидеть, сказать, что соскучился? Что я чувствовала, когда проснувшись утром, первое, что я увидела, разлепив глаза, был любимый мужчина с подносом, на котором стояли чашка кофе и пицца, слегка пригоревшая, но самая вкусная из всех что я когда-либо пробовала! Всё изменилось. За какой-то крохотный промежуток времени, пролетевший как одно мгновение, я и не заметила, как моя жизнь стала совершенно другой. Марк...если честно, то сейчас мне просто не верилось, что когда-то этот мужчина предлагал мне 'пройтись по набережной' и

смотрел на меня как на вкусный лакомый кусочек торта. Я бы рассмеялась в лицо любому, кто бы мне тогда сказал, что всего через каких-то пару месяцев он превратится совсем в другого человека. Наши отношения до первого расставания и после него даже нельзя было сравнивать. Любые отели, хоть дешёвые, хоть дорогие, редкие тайные встречи, бесконечные звонки, после которых он срывался и мчался домой, ... всё это исчезло, будто и не было совсем. Практически каждое утро я просыпалась в его объятиях. Честно признаться, не знала, что он такой соня и лежебока. Когда у меня звенел будильник, он недовольно шурился, крепче притягивал меня к себе, тем самым лишая даже возможности пошевелиться. Мне приходилось буквально с боями выбиваться на работу. Практически каждый день Марк хоть и ненавязчиво, но намекал, что было бы совсем не плохо, если бы я уволилась. Он пытался так аккуратненько внушить мне мысль, что работать мне совсем ни к чему. Я даже не заметила, в какой именно момент зарплата перестала быть моим единственным источником дохода. Как-то так вышло, что в один прекрасный день я обнаружила в своей сумочке аккуратно сложенные купюры. Мы тогда поссорились с Марком, причём очень знатно. Я слишком привыкла во всём полагаться только на себя, самостоятельно решать свои проблемы. Даже когда я была в инвалидной коляске, и о нормальной работе можно было только мечтать, я всё равно старалась по-максимуму взять на себя материальные затраты. Делала маникюр на дому, работала в службе доверия, одним словом пыталась сама заработать свою 'копейку'. А тут вдруг, ни с того ни с сего, у меня появилось финансирование. Я поначалу пыталась объяснить Марку, что с деньгами у меня проблем нет, но купюры в моей сумочке продолжали появляться. Наверное, именно тогда я поняла, что он просто непробиваемый. Если Марк что-то решил, его невозможно остановить или попытаться в чём-то переубедить. И это касается не только денег. Когда однажды я заикнулась, что уже поздно и ему вообще-то пора идти, он глянул на меня так сердито, с таким подозрением, что я даже не сразу сориентировалась, в чём дело. Оказывается в нём проснулся Отелло. Ему в голову взбрела мысль, что я его выпроваживаю из-за того, что у меня там есть какой-то мужчина на стороне. Сначала я даже рассердилась, обиделась на Марка, но потом... сам факт, что он ревнует, просто так, без всякого повода, вызвал всплеск какого-то совершенно безумного восторга. Да мне нравилось, когда мы гуляли или заходили в какое-нибудь кафе, видеть, как Марк яростно сжимает скулы, собственнически кладёт ладони мне на талию, замечая какие-то взгляды. Нет, он никогда не устраивал сцен ревности, но вот эта его молчаливая ярость, желание убить, кажется, всех мужчин, которые посмели лишь повернуть голову в мою сторону, сводила меня с ума. Может это и безумие, но за прошедший месяц мы практически ни на секунду не расставались. Даже, когда оба были на работе, Марк звонил по несколько раз в день, из-за чего у меня окончательно испортились отношения с начальством. Я чувствовала, что их терпение уже на пределе. Меня могли выгнать в любую минуту, а мне на всё было наплевать. Я так страстно ждала вечера, когда Марк заезжал за мной, когда мы неспешно прогуливались по искрящимся новогодними огоньками улочкам, игрались в снежки, как подростки целовались, валяясь в сугробах, а потом забегали в какое-нибудь кафе, чтобы согреться. А, когда мы возвращались домой, Марк напрочь заставлял меня забывать об усталости. Он брал меня где угодно и когда угодно. Иногда мы засыпали только под утро. Он брал то яростно, с какой-то совершенно безумной жадностью, то нежно и очень медленно, убийственно растягивая наслаждение, доводя меня практически до самого пика исступления, заставляя извиваться в его руках, глотать слёзы, практически охрипшим голосом умоляя сжалиться...

Да, я была почти что уверена, что большего счастья испытать невозможно. Но я также знала, что это должно закончиться. Скоро. Марк оставался у меня практически каждую ночь, его жена...она просто не могла ни о чём не знать. Я знала, что придёт время, и он будет стоять перед выбором, который как мне кажется, очевиден...Я старалась запомнить, каждый момент, который мы проводили вместе, старалась впитать в себя каждую его улыбку, каждый взгляд, тихий согревающий по ночам шёпот, когда его пробивало на нежности. Но сама мысль, что всё это скоро закончится, что такого больше никогда не будет, резала душу, раздирала сердце на части, обжигала кровь смертоносным ядом...Я знала, что должна его отпустить. Я знала, что это не моё счастье. Я его украли и рано или поздно должна за это ответить, должна вернуть всё назад. Врут те девушки, которые находясь в отношениях с женатым мужчиной утверждают, что они не хотят разрушать семью, брак...Может действительно они не находят себе место, прекрасно понимают, какую боль причиняют той, другой женщине. Но они хотят, чтобы ИХ мужчина был только ИХ. Им чертовски больно отпускать его домой, осознавать, что, только встав с их постели, он, возможно, сразу ляжет в другую кровать. Да, это режет по живому, причиняет такую боль, что иногда долго и замороженно смотришь на баночку снотворного, но с этим надо мириться. Ведь это наш выбор.

Я боялась. Я панически боялась того момента, когда Марк скажет мне, что всё кончено, он больше не может так жить...Развод с мужем, предательство друзей, близких, родных, несколько лет в инвалидной коляске — всё это ничто по сравнению с одной мыслью, что ОН может исчезнуть из моей жизни. Навсегда. Я ведь научилась быть сильной. Научилась всё терпеть, сжимая зубы. И я ненавидела Марка за то, что он всё разрушил. За то, что с ним я снова стала слабой, беззащитной, так нуждающийся в заботе и ласке...Я ненавидела и любила его. Мне хотелось выгнать его, и вместе с тем я понимала, что сразу же побегу за ним.

Только сегодняшний день всё перечеркнул. Разделил мою жизнь на 'до' и 'после'. Сегодня действительно настал конец нашим отношениям. Ведь несколько месяцев назад я клялась себе, что сразу же разорву с Марком, как только этот день наступит...И я была готова выполнить клятву. Более того, лёжа на полу в ванне, прижав колени груди и сотрясаясь, словно в лихорадке, я рыдала не от понимания того, что всё действительно кончено, что ближайшие несколько месяцев мне придётся прятаться, избегать его, пока он сам не вычеркнет меня из своей жизни,...я захлёбывалась в слезах от счастья. От безумного, какого-то даже совершенного дикого счастья. Прижимая к груди прибор, я никак не могла поверить, что там действительно ДВЕ полоски. ДВЕ ЭТИ ЧЁРТОВЫ СВЯЩЕННЫЕ ПОЛОСКИ!

— Ты хорошо подумала? Смотри, уволиться всегда успеешь.

— Нет, это окончательное решение.

— Но с чего вдруг? — Минеев бросил на меня удивлённый взгляд. — Что-то я не припомню, чтобы ты собиралась уволняться. Или предложили более лучший вариант в каком-нибудь другом месте?

— Да нет, это здесь не причём. Просто...у меня кое-какие проблемы личного характера. Необходимо время, чтобы всё утряслось.

— То, что у тебя не всё в порядке я уже давно заметил. Какой месяц сама не своя ходишь. Ну что, значит, уже окончательно всё для себя решила?

Я утвердительно кивнула, протянув начальнику заявление.

— Ладно, неволить не буду. Незаменимых, как известно, нет, — усмехнувшись, Минеев поставил размашистую подпись на бумаге. — Ну, всё, ты свободна как ветер.

— Спасибо Борис Сергеевич. Всего доброго.

Я развернулась и почти уже вышла из кабинета, но один только вопрос заставил меня резко остановиться, вздрогнув всем телом.

— Слушай, а как там у тебя с беременностью? Ты ведь вроде ещё несколько месяцев назад какую-то там операцию делала? Случайно, не в декрет ли собралась?

Минеев усмехнулся, а я, стоя вполоборота к мужчине, заставила себя успокоиться и подавить волну нервной дрожи.

— Нет, не в декрет. У меня там совсем другое....А насчёт операции, вы извините, это личное.

Конечно же, я не стала говорить мужчине правду. Я слишком хорошо помнила, в каких отношениях начальство с Марком.

— Ну ладно, в душу лезть не буду. Удачи тебе, Стрижова.

Выскочив из здания, я прижала дрожащие руки к груди, глубоко вздохнув. Чёрт, чуть было не прокололась....А если он всё-таки настучит Марку? Хотя настучит о чём, о том, что я уволилась? Ну, так и ладно. Марк только обрадуется,...если узнает. Господи, что же я творю? Бегаю от него как пугливая мышка. Ну, мне же двадцать пять лет, неужели не могу всё решить как нормальный взрослый человек? А с другой стороны, что я ему скажу?! 'Извини милый, ты был мне нужен, пока я не забеременела, а теперь гуляй на все четыре стороны, ты абсолютно свободен. Ах да, со своим ребёнком ты никогда не увидишься....Это ведь не входило в мои планы'. Я скривилась только от одной такой мысли. Господи, какую же кашу я заваривала....И как теперь всё расхлебывать?

Я вздрогнула и испуганно обернулась, когда за моей спиной несколько раз громко просигналили. Увидев всего в нескольких шагах от себя до боли знакомую иномарку, первым желанием было бежать. Бежать без оглядки. Бежать со всех ног, не жалея себя. Но я подавила, точнее мне пришлось подавить в себе эту секундную слабость. Нельзя жить, прятаясь, в вечных погонях. От себя всё равно не убежать....А пока я не поговорю с ним, жить нормально не получится.

Дрожащими руками я распахнула дверцу машины, через секунду очутившись в тёплом салоне автомобиля. Голову тут же вскружил горький аромат потрясающего парфюмера. Самый божественный, самый любимый на свете запах. Запах моего мужчины.

Мысленно я тут же одернула себя, с силой стиснув челюсти. Нет, он не мой! Уже не мой...

— Ты не хочешь мне ничего сказать?

Голос Марка был абсолютно спокойным, хоть в нём и слышались жёсткие нотки. На душе сразу стало погано. Словно медленно, очень мучительно ядовитый, разрывающий все органы яд начал въедаться в моё тело. Под кожу, проникая в кровь.

— Что сказать?

— А, по-твоему, нечего? — он усмехнулся, но было в этой усмешке что-то зловещее и одновременно, что-то очень болезненное. — Ты три дня бегаешь от меня. Не отвечаешь на звонки, более того, сбрасываешь вызовы! Вчера я полночи дежурил у твоего подъезда....Где ты ночевала?

Пускай его голос и вибрировал, но Марк по-прежнему старался сдерживать себя. Он даже не кричал на меня, хотя должен был! Он должен был меня ударить, вышвырнуть из машины, Господи да всё, что угодно, кроме этого допроса... Я не могу ему ответить. Мне нечего ему сказать. Точнее нет, все эти три дня я репетировала свой монолог. Я была уверена, что смогу. Смогу вот так, глядя ему в глаза, сказать, что разлюбила. Что он мне больше не нужен. Что между нами всё кончено. Что я устала быть второй,... Чёрт подери, да что угодно лишь бы раз и навсегда разорвать этот дьявольский узел, эту мёртвую петлю! Но как сильно я ошибалась.... Здесь, в этой машине, всё было пропитано ЕГО запахом, тоннами этих грёбанных воспоминаний, которые жгли душу. Всего неделю назад мы целовались вон там, на задних сиденьях. Марк тёр в руках мои ладони, согревал их своим обжигающим дыханием. Тогда, в те минуты моя душа замирала от счастья. Тихого молчаливого счастья, пропитанного капельками какого-то совершенно безумного восторга. А теперь здесь, в этой самой машине я должна сказать, что не люблю,... Я должна пересилить себя и соврать!

Но у меня не получилось. Я слишком себе переоценила. Может, дело было в том, что с недавнего времени я всё начала переживать особенно остро, а может, это было слишком... чертовски тяжело для одури влюблённой женщины, но я не смогла. Не смогла этого сказать. Я вообще не смогла произнести ни слова. Просто закрыла лицо руками и разрыдалась. Громко истерически. В ту же секунду Марк притянул меня к себе, крепко обхватив за плечи. Он зарылся лицом в мои волосы, уткнулся носом в макушку, начав медленно, как ребёнка убаюкивать. А я продолжала реветь, сотрясаться, словно в лихорадке, комкая в ладонях его рубашку. Что делать? Господи, что же делать?!

— Тсс, всё моя хорошая, девочка моя, не плачь, не надо.... А у меня для моей птички есть сюрприз?

Всё ещё не сумев подавить пробивающую всё тело волну мелкой дрожи, я подняла на него заплаканные глаза.

— Какой?

— А вот сейчас и увидишь. Точнее пока что, если ты не против, глазки тебе надо будет прикрыть, — пока я ещё не совсем поняла, что происходит, Марк достал из кармана какую-то повязку, а уже через секунду тёмная ткань лишила меня возможности видеть. — Я сниму её сразу же, как только мы приедем.... Вообще-то можно и пешком, тут идти-то, но не оставлять же здесь машину?

Марк поцеловал меня в губы, очень нежно ласково, словно пытаюсь успокоить. И у него это получилась. Дрожь прошла. Я смогла хоть как-то взять себя в руки.

Машина тронулась через пару секунд, а я даже не стала ничего спрашивать. Не потому что мне было не интересно или вовсе всё равно, просто я ему доверяла. Доверяла больше чем себе. Пусть увезёт меня. Куда-нибудь подальше. Подальше от этого места, от этого города, от всех вокруг...

Когда машина затормозила, Марк вынес меня на руках. И не отпустил до тех пор, пока за нами не захлопнулась какая-то дверь. На моих глазах по-прежнему была повязка. Я не знала где мы. Только догадывалась, что, наверное, в какой-то квартире. Ведь я чувствовала, как мы поднимались по ступенькам...

Марк обхватил меня сзади за талию и осторожно начал проталкивать куда-то вглубь помещения. Через пару секунд он аккуратно снял повязку, а у меня перехватило дыхание. Кажется, на несколько секунд я вообще перенеслась в параллельную реальность.... Перед

моими глазами открылся потрясающий вид на город с высоты, наверное, этажа пятнадцатого! У меня даже руки затряслись. Если бы Марк так крепко не обнимал меня, наверное, я бы уже давно потеряла равновесие,...Чёрт побери, мы же стояли у огромного окна, размером во всю стену! Я лихорадочно обвела взглядом всю комнату, окончательно убедившись, что мы в какой-то квартире. Очень красивой, просторной и наверняка только что купленной. По крайней мере в комнате, в которой мы сейчас находились, не было мебели.

— Помнишь, ты говорила, что тебе до работы долго добираться? — тихо прошептал Марк на самое ушко, крепче стиснув мою талию. — Теперь посмотри вон туда! Видишь, то серенькое здание? Узнаешь в нём свою работу? О метро можешь забыть. Теперь твоя рекламная конторка видна тебя из окна твоей квартиры.

Меня передёрнуло. Я резко повернула голову, впившись ногтями в ладонь.

— Что значит 'моей квартиры'?

— Ах да, ошибся, — Марк улыбнулся, поцеловав меня в нос. — Нашей квартиры, конечно нашей. Я ведь купил её для нас,...Тебе нравится? Здесь четыре комнаты, пока ещё совсем не обставлены, но я думал, что мебель мы вместе будем выбирать....А кстати, в ванной есть джакузи. Теперь думаю, мне туда вообще будет не попасть.

Марк усмехнулся, проскользнув кончиком носа по моей щеке. А мне показалось, что мир рухнул. Сердце сначала окаменело, а потом разлетелось на части. Мои руки задрожали. В душе поселился страх...ужасный обволакивающий липкими когтями страх. Я бы на грани того, чтобы снова разреветься. И Марк это почувствовал. Резко прижал мою голову к своей груди, вновь зарывшись лицом в мои волосы.

— Не надо, родная моя, не плачь....Не могу смотреть на твои слёзы. Ты, что думаешь, я ничего не понимаю? Думаешь, меня всё устраивает да? То как я сейчас живу....Думаешь, я настолько бездушная сволочь? Может и так. Да я подонок. Я мразь, ублюдок,...но вот здесь, — Марк прижал мою дрожащую ладонь к своей груди, там, где сердце, — вот здесь у меня не пусто. Вот здесь у меня тоже болит...и режет, так дико режет,...Я тоже умею чувствовать...и любить, любить умею. Ты...ты даже представить себе не можешь как я тебя...

Я резко приложила пальцы к его губам. Нет. Нет, не могу! Я не могу это услышать...Я не могу! НЕ МОГУ!

По щекам заструились слёзы. Меня колотила волна крупной панической дрожи. Я поднялась на цыпочки, обхватила его шею руками и впиалась горьким поцелуем в его губы. Он ответил. Конечно, ответил, обхватив меня руками, крепче притянув себе. Именно сейчас я столкнула нас в пропасть. Нас обоих. Его и меня. И назад... оттуда уже не выбраться. Мне-то точно.

Спустя месяц.

Прижав ноги к груди, я смотрела как одинокие снежинки ложатся на окно. Погода сегодня холодная. Морозы вдарили под минус тридцать. А я сижу в кресле около подоконника, с чашкой горячего кофе и набросками. Пока ещё очень сырыми, но Марку нравится. Я до сих пор не могу поверить, что согласилась на всё это. Конечно любимый, хоть и постарался это скрыть, чертовски обрадовался, когда я сказала, что уволилась. Но быстро подметив, что проводить целыми дни дома для меня подобно самоубийству, он нашел, чем меня занять. Теперь я делала для него рекламу. Точнее рисовала плакаты к

каким-то новым проектам его компании. Мне это занятие казалось безумным, но оно увлекало, я практически с головой уходила в работу. И потом, было так приятно, когда Марк говорил, что я лучшая художница во всём городе. Врал, конечно, но при этом делал такие честные и невинные глазки, что я просто не могла на него сердиться. И помимо всего прочего — эта работа была моей отдушиной. Единственным, что отвлекало меня от самоистязания. Месяц уже прошёл....А в тот день, когда я узнала о ребёнке, срок был уже чуть больше двух недель...Скоро всё будет заметно. Итак, с каждым днём скрывать всё труднее и труднее. А чего я жду? Когда всё запутается ещё сильнее? Хотя, куда уж сильнее?! Квартира почти обставлена. Марк настаивает, чтобы мы туда переехали. А я прекрасно понимаю, что за этим стоит. Уход из семьи. Развод. Марк уже несколько раз касался этой темы, но я упорно не хотела ничего слушать, затыкая уши. Только я всё равно понимала, что Марк сделает всё по-своему. Если мужчина чего-то по-настоящему хочет, его невозможно переубедить. Хотя, наверное, дело всё же во мне....Это я позволяю всему этому происходить. Это я не рву отношения, при этом совершенно точно понимая, что тянуть-то уже некуда. Но что мне делать? Как всё запуталось...Я, словно бродила по лабиринту, из которого не было выхода.

Дьявол, сейчас меня остро режут воспоминания из моей прошлой жизни. Когда всё ещё было по-другому. Когда ушёл Лёша. Как легко было его осуждать. Его и Алину. Как легко я выставила для себя их последними мерзавцами, предателями. Как легко было поливать их грязью, искренне веря в то, что я НЕ ТАКАЯ. Я ведь какое-то возвышенное существо, не поддающееся мирским слабостям...соблазнам. Сейчас даже смеяться хочется. Я примерила на себя роль той же предательницы, коварной стервы, разлучницы...

В дверь позвонили. Поставив кружку кофе на подоконник, я вышла в коридор.

— Кто?

Из-за двери послышался тонкий женский голос.

— Служба доставки цветов.

Я улыбнулась. Марк. Ни дня без сюрпризов!

Только я открыла дверь, как без всякого приглашения и разрешения в квартиру вошла девушка. В обычной повседневной одежде, без всякого букета. Она обвела меня каким-то очень пристальным, рассматривающим и одновременно совершенно презрительным взглядом. Мне даже как-то не по себе стало.

— Так вот ты значит, какая...Кристина Стрижова... И что он в тебе только нашёл?

Она усмехнулась, скрестив руки на груди, продолжая смотреть на меня с нескрываемым презрением.

— Мы знакомы?

— Мы? — её губы вновь растянулись в скверной ухмылке. — Мы незнакомы. Зато вот моего мужа ты прекрасно знаешь. В последнее время ваши встречи особенно участились. Они ведь проходят здесь, в этой самой квартирке? Обитель разврата и пристань для неверных мужей и изголодавшихся лишённых всякий моральных принципов баб.

Меня обдала волна жара. В душе что-то болезненно кольнуло. Я поняла... кто передо мной. Господи этот взгляд...это совершенно не тот взгляд, который был у меня, когда я видела Алину в последний раз...Глаза...в них столько презрения, ненависти. И если эти чувства я вполне могу понять, то вот уверенность...какая-то совершенно безумная уверенность сверкает в её взгляде.

— Может, пройдем в квартиру?

— Не стоит. Разговор наш будет коротким, и надеюсь продуктивным, — она выпрямилась. Теперь с её губ исчезла всякая усмешка. — Давай без всяких там... Мы обе прекрасно понимаем, о чём идет речь. Я сейчас не буду устраивать истерик, скандалов. Рвать тебе волосы, царапать физиономию. Я даже не хочу говорить, что ты мне сделала! Я хочу всё разрешить. Прямо сейчас. Мы с Марком в браке больше семи лет. Ты думаешь, за это время ты у него такая одна была? Да он баб менял чаще, чем носки. Но должна признаться, что с тобой у него действительно надолго затянулась. Только ты не тешь себя по этому поводу иллюзиями. Ещё месяц, максимум два и вы разбежитесь. Марк никогда не уйдёт из семьи. Мы слишком долго вместе. У нас общие друзья, один круг общения. Мой отец очень помогает ему в бизнесе. Так что ты сама должна понимать, что ничего у вас с ним не выйдет. Ты останешься одна, брошенная. Я же могу тебе предложить совсем другой вариант. Назови свою цену, и разойдемся по-хорошему.

Мне стало трудно дышать. К горлу подступила тошнота,... Я не понимала. Я совершенно не понимала, о чём говорит эта женщина?

— Какую цену?

— Сколько ты хочешь за расставание с моим мужем? Ну, сколько тебе надо, чтобы ты от него отвязалась?

Я не верила в то, что слышала. Цену... Она хочет купить его?

— Нисколько... Я думаю вам лучше уйти. Мы с вами друг друга не поймём.

Её взгляд яростно блеснул. Она даже как-то незаметно поддалась вперёд.

— Значит, ты не хочешь по-хорошему? Тварь! Какая же ты тварь! Это мой муж! Слышишь?! Он мой! Я буду бороться за него до последнего!

Я отступила назад. Мне становилось всё хуже и хуже. Тошнота, головокружение... мне так катастрофически нужен был воздух.

— Уйди. Пожалуйста, уйди. Нам не о чем говорить... Я сейчас не могу...

Перед глазами всё начало расплываться. На дрожащих ногах я развернулась, надеясь, что мне удастся доковылять до спальни.... Не удалось. Я даже не поняла, как всё это произошло. Меня оттянули назад за волосы, а потом... коленка... коленкой в живот. Я согнулась в ту же секунду. Всё тело прострелила адская боль. Я замычала, просто не смогла сдержаться.

— Эй,... ты чего?

До меня донёсся дрожащий голос, только я даже не поняла смысл слов. Живот... у меня было такое ощущение, что его раздробливают на части.

— погоди, я сейчас скорую вызову...

Стиснув зубы, я всё равно не смогла сдержать стон адской боли. Хотелось сдохнуть. Мне захотелось просто перерезать себе горло, когда я почувствовала, что из меня что-то вытекло...

— Скорая... я её вызвала, сейчас приедет...

Сразу за этими словами, послышался звук захлопнувшейся двери. А я отключилась. Буквально через секунду потеряла связь с реальностью.

Когда женщина услышала приближающиеся шаги мужа, она тут же вскочила с кровати, попытавшись скрыть своё состояние. Её колотила волна адской дрожи. Она до сих пор не могла поверить в то, что увидела, в то, что сделала...

Марк вошёл в комнату, и она сразу же сцепила дрожащие руки за спиной. Кивнув на стоящие в углу собранные чемоданы, Марина тихо произнесла:

— Ты куда-то уезжаешь? У тебя командировка?

Муж прошёл в комнату. Присел на краешек кровати, бросив на девушку тяжёлый взгляд.

— Не уезжаю, а переезжаю. Навсегда.

— Куда?

Её голос дрожал. На глаза навернулись слезы, и Марк не выдержал, отвёл взгляд.

— Ты ведь сама знаешь...Марина, нам нужно поговорить. Всё изменилось. Всё очень давно изменилось. Мы были женаты семь лет, и я прекрасно помню, сколько хорошего было за это время. Надеюсь, и ты помнишь. И хотя бы во имя этих воспоминаний, я хочу, чтобы мы расста...

— Марк я беременна! — громко и очень чётко произнесла девушка, отведя взгляд от мужа. — У нас будет ребёнок.

Не в силах вынести шокированного взгляда мужа, в глазах которого не было даже самого блёклого намёка на радость, Марина зажмурилась, сцепив вспотевшие и нервно подрагивающие ладони за спиной. Первые несколько секунд она сама не верила в то, что пошла на такой шаг. Всё это время, весь этот ужасный, самый отвратительный месяц в её жизни девушка до последнего не могла решиться на это. Где-то глубоко в душе она всё ещё надеялась, что Марк сам разорвёт этот мёртвый узел, который с каждым днём всё сильнее и сильнее сдавливал её шею. Она уже была уверена, точнее она надеялась, что разум и привязанность возьмут верх над этим мимолётным влечением. Но с каждым вечером, что она засыпала без НЕГО, с каждым утром, когда старалась подавить рыдания, поднимаясь с холодной постели, эта надежда становилась всё призрачней. Никогда ещё Марк не был так безразличен к ней, отстранён. Никогда он не смотрел на неё таким взглядом...совершенно ничего не выражающим. Словно он даже не на неё смотрит, а сквозь неё. Будто она стала для него невидимой или приевшейся взгляду как обычный кухонный гарнитур. И всё же она верила, она подпитывала себя мыслями, что всё ещё повернётся к лучшему...до сегодняшнего дня. До того самого момента, как он начал разговор. Именно сейчас Марина поняла, что это конец. Его уже ничто не остановит. Он принял решение, повлиять на которое она не сможет...Точнее сможет. Обманом. И она пошла на это. Пусть он проклянет её, если всё узнает, пусть это будет самым тяжёлым грехом в её жизни, но если есть хоть какой-то шанс удержать ЕГО, она ни за что не упустит возможность им воспользоваться.

— Что ты сказала? — Марина вздрогнула от этого голоса. Такой холод,...словно она разговаривала не с мужем, а с человеком, который её ужасно презирает, может, быть даже ненавидит... — Послушай, я всё прекрасно понимаю. Хочешь ударить меня? Ну, так давай, вдарь. Хочешь в морду плюнь, хочешь, прокляни, хочешь, закатили истерику. Ты имеешь на это право. Я заслужил. Но не надо пытаться склеить то, чего уже давно нет...

— У нас будет ребёнок.

На этот раз Марина смотрела прямо ему в глаза. Её подпитывала нарастающая ярость, в чём-то даже ненависть. Именно к нему. Они столько лет вместе. Она столько натерпелась, столько ему прощала, закрывала глаза на то, от чего любая другая уже бы давно сошла с ума. А теперь он смеет говорить, что ничего уже нет?! Нашёл себе шлюху. Тварь, которая сама в браке не продержалась и двух лет. Да-да, она всё узнала об этой ведьме. Всё от первого и до последнего дня её жизни. Не смогла сохранить свой брак, а теперь пытается разрушить

чужую семью! И Марк...как он мог быть с ней? Что он нашёл в ней? Что в ней есть такого особенного? Как он посмел обрюхатить эту змею, когда совсем недавно говорил, как хочет, чтобы Мариша родила ему ребёнка?!

— Я смотрю, ты совсем не рад да?! — она усмехнулась, теперь совсем не боясь встретиться с его взглядом. Дрожь стихла. Женщина начала постепенно успокаиваться. Угрызения совести стали отходить на второй план. — А ведь ещё совсем недавно, ты говорил, что мечтаешь о ребёнке...Очередная ложь?

— Какой ребёнок? Ты о чём? У нас с тобой уже чёрт знает сколько, ничего нет!

— А в тот день, когда у вас в компании был какой-то праздник? Ты завалился домой жутко пьяным, на мне была шёлковая рубашка, дальше продолжать?

Взгляд Марка застыл. Кажется, он был не просто шокирован. Он вообще отказывался понимать, что происходит.

— Это когда было? Ты ведь всё врешь?

Марина усмехнулась, всё-таки отведя взгляд. Она надеялась, что этого разговора никогда не случится, но уже давно отрепетировала каждое своё слово.

— Это ты у нас специалист по вранью. Мне у тебя пора брать частные уроки....А было это месяца три назад или чуть меньше. Срок уже не маленький. Хотя узнала я о беременности недавно. Вот всё думала, как тебе об этом сказать. Тебя ведь так часто не бывает дома.

Марк молчал несколько минут. Он, то смотрел на жену, то отводил взгляд куда-то в сторону. А, потом, так и не произнеся ни слова, вышел из комнаты. Когда из коридора послышался звук захлопнувшейся двери, Марина упала в кресло, закрыла лицо руками, истерически разрыдавшись.

Я натянула платье через голову. Наверное, глупо, но мне почему-то показалось, что в этот раз одеть его было как-то легче. Оно болталось на мне. Только я не чувствовала себя лёгкой свободной. Я была опустошена. Именно внутри. На физическом уровне. А эмоционально я ещё пока ничего не прочувствовала. Смешно, правда? Уже два часа как я знаю, что у меня был выкидыш и мечты о ребёнке навсегда останутся только мечтами. Я ведь вроде должна рыдать, биться головой об стену, резать вены, ну не знаю что ещё, на крышу многоэтажки, наверное, лезть. А мне смешно. Вот честно, я едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться. Меня уже дрожь колотит, настолько хочется смеяться.

Я вышла в коридор и практически тут же нос к носу столкнулась с медсестрой. Когда эта дура начала охать и ахать, звать всех врачей и причитать, что мне нужен покой, что я должна вернуться в палату, веселье моментально сменилось сокрушительной волной ярости. Мне настолько сильно захотелось врезать этой идиотке. И, наверное, я бы так и сделала, взяла бы её за волосы и проехала с ней по всему коридору, если бы вовремя не подоспел Рушанов. Ему за несколько секунд удалось 'корректно' заткнуть эту паникёршу в белом халате, послав её к какому-то там пациенту. Зато, когда эта медсестричка смылась, сердитый взгляд мужчины был прикован ко мне.

— Ты с ума сошла? Куда собралась? Тебе лежать надо!

— Обязательно, вот домой приду и отлежусь.

Я попыталась прошмыгнуть мимо Рушанова, но мужчина отдёргнул меня за руку.

— Ты мозгами тронулась? А если кровотечение? Ты хоть понимаешь, какие могут быть последствия?

Я раздражённо выдернула руку, презрительно, усмехнувшись.

— Если ты сейчас не выпустишь меня через нормальный выход, я выпрыгну из окна. В таком случае, последствия могут быть ещё более серьёзными.

Несколько минут мужчина молчал, не сводя с меня тяжелого взгляда. А потом всё-таки сдался.

— Ладно. Только как придёшь домой — сразу в постель. Я сейчас Ане позвоню...

— Нет! — я схватилась за края Ваниного халата. — Ни слова сестре, ты понял?!

Понял, конечно, понял. Его взгляд стал ещё тяжелее, но он ничего не возразил. А я развернулась и лёгкой походкой направилась к выходу. Опять стало смешно. Я начала посвистывать, прищёлкивать пальцами и улыбаться всем прохожим.

Когда, я, наконец, словила машину, я попросила таксиста включить какую-нибудь весёлую песенку и стала напевать её себе под нос, через каждые пару секунд прерываясь на смешки. Водитель поглядывал на меня с любопытством, даже с какой-то усмешкой. Наверное, думал, что я пьяная. Как только такая мысль проскользнула в моей голове, я сразу попросила таксиста остановить у ближайшего ларька.

Обратно в машину я заползла уже через несколько минут, с бутылкой водки и пачкой сигарет. Вот это жизнь! Сегодня же закачу грандиозный праздник! С этого дня мне можно всё! Я буду бухать, курить, трахаться с кем попало, и в пендель мне теперь хоть кто-то слово скажет!

Правда мой резвый настрой немного поубавился, когда машина остановилась возле моего дома, и я увидела сидящего на лавочке у подъезда Марка. Расплатившись, я вышла из такси и поборов лёгкую неуверенность направилась прямо к мужчине. Возможно, сегодня не лучший день для выяснения отношений, но, когда-то же надо, наконец, поставить точку. И чем раньше, тем лучше.

Увидев меня, Туманов резко поднялся на ноги, неловко улыбнулся, попытался приобнять, но я брезгливо от него отшатнулась. Теперь я совершенно не собиралась скрывать никаких эмоций. Всё. Маски сброшены.

— Что-то случилось? Я уже больше часа тебя здесь жду. Ты почему на звонки не отвечаешь?

‘Потому что вышвырнула телефон из окна, когда узнала, что скорее мужики начнут рожать, прежде чем я стану мамой’.

— У тебя есть ключи от квартиры. Что тебе мешало подняться?

Марк прищурился, протянул ладонь к моему лицу и я тут же резко отшатнулась.

— Ты такая бледная...Кристина, в чём дело?

— Могу спросить тебя о том же. Судя по твоему лицу, ты хочешь со мной о чём-то серьёзно поговорить?

Марк взъерошил ладонью волосы, как-то неловко прищурился, видимо собирался с какими-то очень важными мыслями. А я скрестила руки на груди, наблюдая за всем происходящим, как зритель из зала. Мне опять стало смешно. Я титаническими усилиями сдерживала себя, чтобы не расхохотаться.

— Да...Нам действительно нужно поговорить. Только не здесь. Давай поднимемся?

— Нет, — я усмехнулась, из груди всё-таки вырвался ироничный смешок. — Как я понимаю, разговор у нас будет тяжёлым. А я ненавижу разборки в доме. Так что поговорим мы здесь.

Марк глубоко вздохнул, сжал ладони в кулаки с такой силой, что в какой-то момент я испугалась, что у него хрустнут костяшки пальцев. Но последующие слова Туманова просто заставили меня забыть обо всём.

— Марина беременна.

До меня сначала даже не сразу дошёл смысл этих трёх, казалось бы, таких коротких слов. Я долго смотрела Марку в глаза, а потом расхохоталась. Так громко и так истерически, что, наверное, меня было слышно даже в соседнем квартале. Но я ничего не могла с собой поделать. Я чуть ли уже пополам не согнулась, а продолжала хохотать как сумасшедшая. У меня на глазах выступили слёзы. Руки начали нервно дрожать. Ноги уже с трудом удерживали меня в вертикальном положении. И только, когда я начала заикаться через каждую секунду, мне удалось хоть ненадолго подавить это истерическое веселье. Только мне и, правда, было смешно. Я не притворялась. Я действительно хохотала от всей души, при этом морщась от боли в животе.

— Крис, — его голос дрожал. Во взгляде — полное недоумение. Кажется, он боялся, и это начинало веселить меня ещё больше. Бедный мальчик, так долго метался, не зная какую куколку выбрать, и вот теперь, когда одна барби готовится преподнести ему бэббика, он не знает, что делать со второй. Не хочет расставаться с любимившейся игрушкой. — Выслушай меня, пожалуйста. Ты ведь понимаешь, я не могу сейчас бросить Марину. Хотя бы до родов я должен быть с ней, помогать...

Я снова зашлась в истерическом смехе. Просто не смогла сдержаться. У меня в голове не укладывалась мысль. У НИХ БУДЕТ РЕБЁНОК! Дьявол, его Мариша беременна... это животное, которое забрало у меня ребёнка, теперь...

Я продолжала хохотать. Живот уже невыносимо болел. Меня стибало пополам, а прекратить эту 'весёлую истерику' всё равно не получалось.

— Марк, милый, ну не надо... — давясь от смеха, мне еле удавалось хоть как-то формулировать мысли. — Мне не нужны эти объяснения. Я знаю всё, что ты хочешь сказать. Не утруждай себя...

Он вдруг резко схватил меня за плечи и несколько раз с силой встряхнул. Смех моментально прекратился. Я даже испугалась, зрачки расширились от удивления вперемешку со страхом.

— Успокойся и дай мне сказать! Это ничего не значит! Я не собираюсь тебя бросать...

— Конечно, не собираешься! — я оттолкнула его с такой силой, что от неожиданности он даже пошатнулся, еле удержавшись на ногах. — Потому что это сделаю я! Я тебя брошу!.. Господи Марк, какой же ты смешной! Ну, ты что, правда, думаешь, что меня трогают твои речи? Что мне есть какое-то дело до того, что там у тебя в семье происходит? Да мне до пятого фонаря, что творится в твоей жизни. Неужели, ты действительно думаешь, что я тебя люблю? Смешно! Просто смешно! Знаешь, зачем ты был мне нужен? Мне двадцать пять лет, и ты представить себе не можешь сколько раз за эти годы, я слышала от врачей один и тот же приговор — бесплодие. А потом, вдруг проскользнул какой-то лучик надежды. У меня появился шанс осуществить мечту всей своей жизни. Но для этого нужен был мужчина. И не на пару ночей, а на длительное время. Вот тут-то и подвернулся ты. Кстати, совершенно неожиданно. Я сначала и помыслить не могла о каких-нибудь отношениях с тобой. Ты меня так раздражал. Но потом я спросила себя — 'А почему нет? Раз он сам так настаивает, почему собственно не попробовать?'. Ну, я и попробовала. Только ничего не вышло. Где бы и сколько бы раз за день ты меня не трахал, я всё равно оставалась пустышкой. А вот у твоей

жены получилось. Пряткая она всё-таки!

Я ухмыльнулась, только смеяться мне больше не хотелось. В душе поселилась горечь. Точнее пока лишь её слабые отголоски. Наконец, начала накатывать та боль, то чувство абсолютной безысходности, которые должны были придти ещё утром. В больнице.

Я подошла к Марку, прикусила нижнюю губу, встретившись с его остекленевшим взглядом. Больно? Конечно, больно. Адски больно, когда уходит любовь, но просто невыносимо, когда ты рушишь её сам...своими руками.

— Мне жаль, что всё так вышло. Поверь, я никогда не хотела тебе ничего плохого. Если, я в чём-то перед тобой виновата — прости. Я...действительно не хотела, чтобы у тебя были проблемы. Я не думала, что всё так выйдет...Я не хотела разрушать твою семью, твою жизнь...Я просто...я почему-то решила, что у меня получится, взять себе у судьбы маленький кусочек счастья. Не получилось. И никто в этом не виноват. Просто так вышло. А мы с тобой...мы заигрались в любовь. Пора заканчивать. Будь счастлив, Марк! Я искренне надеюсь, что всё у тебя в жизни сложится... Я провела ладонью по его щеке, подбородку, шеи....Запоминая, запечатлевая это мгновение. Как много людей задаётся вопросом, когда, в какой момент от них ушла любовь? А мне повезло. Я не буду себя терзать этими мыслями. Я всегда буду знать, и помнить ЭТОТ день.

Развернувшись, я пошла к своему подъезду. Марк не остановил. Не окликнул. Не произнёс ни слова. Зато я сама, уже, когда открыла входную дверь, обернулась к нему со словами:

— Если родится девочка — назови Светой. Пускай жизнь у неё будет светлая. Чистая. Счастливая. Не такая...как у нас всех.

Зайдя в квартиру, я не стала разуваться или проходить в кухню. Я съехала по стене на пол, открыла водку и начала хлестать горючую жидкость. Смеяться больше не хотелось. Истерика закончилась, пришла пустота. Пустота и слёзы, которые беспрерывно скатывались по моим щекам...в полной тишине. Я даже не всхлипывала. Просто уставилась в одну точку, почему-то вместе с горечью и дикой безысходностью, чувствуя облегчение. Всё закончилось. Всё, наконец-то закончилось...Пускай, не так как мне хотелось, но всё в прошлом,...о котором я никогда в жизни не забуду.

Только я тогда ошибалась. Это был ещё не конец. Это было начало конца. Медленное мучительное УБИЙСТВЕННОЕ начало нашей гибели.

Марк гнал машину на бешеной скорости, плюя на все правила дорожного движения и разъярённые сигналы мчащихся мимо автомобилей. Мужчина сам не заметил, как оказался за чертой города. Он совершенно не следил за дорогой, с каким-то остервенением вдавливая ногу в педаль газа. В голове сумасшедшим потоком пульсировали отрывки её фраз: ‘...мне до пятого фонаря, что творится в твоей жизни. Неужели, ты действительно думаешь, что я тебя люблю?’, ‘...ничего не вышло. Где бы и сколько бы раз за день ты меня не трахал, я всё равно оставалась пустышкой. А вот у твоей жены получилось. Пряткая она всё-таки!’. Что не вышло? О чём она говорила? Что вообще произошло?

Марк резко свернул машину на обочину. Руки похолодели. На лбу выступили капельки пота. Ребёнок...Она говорила о ребёнке. ‘ У меня ничего не вышло...’ — это значит,...что всё это время она пыталась забеременеть? Бред. Нет, это какая-то чушь! Они ведь всегда

предохранялись, ... точнее Кристина говорила, что пьёт противозачаточные.

Марк резко помотал головой, пытаясь отогнать какие-то совершенно безумные смутные догадки. Нет, это точно какая-то ерунда! Дело явно в чём-то другом. Мужчина лихорадочно начал прокручивать в голове каждый день начиная с того самого момента как они впервые встретились, в том ресторане. Она пришла к нему вместо Минеева. Тогда он сразу попытался к ней подкатить, но из этого ничего не вышло. А потом... она сама позвонила через несколько дней. Почему? Острая запульсировавшая в мыслях догадка поселила в душе мужчины панику. КОНТРАКТЫ! Конечно же, она пошла на попятную из-за этих чёртовых бумажек. Нет, для Марка не было открытием, что их отношения в большей степени начались именно из-за его шантажа, но только вот он никогда не задумывался, почему именно Кристине так сильно были важны эти контракты. Не хотела потерять работу? За всё время, что они вместе, Туманов хоть и понял, что Кристина не может сидеть на одной месте, но было совершенно очевидным, что работой в фирме она не дорожила. Сколько раз опаздывала, когда он хотел поваляться с ней утром подольше или убегала посреди рабочего дня, когда Марк заезжал за ней. Значит, она не цеплялась за место в рекламной фирме. Тогда почему ей так катастрофически были нужны эти контракты? Что он упустил? Какую деталь не применял во внимание? Все эти ответы мог дать только один человек.

Без всякого стука Туманов резко распахнул дверь кабинета. Его взгляд сразу же отыскал сидящего за центральным столом Минеева, который тут же встал и растянул губы в улыбке, заметив его. 'Хитрый жучара, он-то точно должен быть в курсе всего!'

— Марк, какая приятная встреча! Что же ты не предупредил, что зайдёшь? Я сейчас нам кофе организую!

Борис потянулся к телефону, но Туманов в считанные секунды преодолел разделявшее их расстояние, яростно скинув телефонную трубку со стола.

— Ты сейчас мне не кофе, а один очень увлекательный рассказик организуешь!

Минеев удивлённо уставился на Марка. Было видно, что мужчина немного занервничал.

— Какой ещё рассказ? О чём ты, я не понимаю!

— Я тоже не понимаю. Я совершенно не понимаю, зачем Кристине были нужны те контракты. Может, объяснишь мне?

Несколько минут Борис молчал, продолжая всё также удивлённо смотреть на Туманова. Но потом его губы растянулись в ухмылке, а напряжение моментально спало.

— А ты о той сделке... Так ведь ты сам знаешь, что мы всегда очень дорожили и до сих пор дорожим сотрудничеством с твоей компанией...

— Я в последний раз спрашиваю. Зачем Кристине были нужны эти контракты?

Стальной голос Марка уже начал вибрировать от еле сдерживаемой ярости. Мужчине невыносимо сильно хотелось взять Минеева за шкуру и вытрясти из него всё.

— Ты меня удивляешь. Кто же хочет лишиться работы?

Борис непонимающе пожал плечами и тут же вздрогнул, когда Марк едва уловимо поддался вперёд, а в его взгляде проскользнули дьявольские искры.

— Врёшь. Врёшь или что-то недоговариваешь. Что ещё? Почему она так хотела заполучить эти контракты?

Минеев замешкал. Было видно, что мужчина чувствовал себя крайне неудобно. Он был, взволновал, чуть подрагивающими руками ослабил узел галстука, опустившись обратно в кресло.

— Марк я всегда дорожил партнёрством твоей компанией, но в последнее время оно как-то сильно ослабло. Мы совсем недавно подготовили такой замечательный проект к твоей новой работе, но, похоже, он так и останется пылиться в ящиках. Ты, кажется, в наших услугах больше не нуждаешься...

Лицо Марка оставалось таким же каменным. Ни одна мускула не дрогнула.

— Вышлешь завтра по почте. А теперь говори, чего я ещё не знаю?

— Да справки ей были нужны, только и всего.

Брови Туманова удивлёно 'поползли' кверху.

— Какие ещё справки?

— О том, что она работает у нас больше полугода. Это нужно было для кредита.

Марк затаил дыхание. Зрачки мужчины удивлённо расширились.

— Для какого кредита?

Минеев усмехнулся.

— Ну, я не совсем в курсе всех её дел. Но, насколько мне известно, Кристине нужна была операция. У неё вроде как какие-то там проблемы по женской части были... Забеременеть, что ли не могла. Короче я не в курсе таких подробностей. Знаю только, что ей очень нужны были деньги на операцию. И, по-моему, она её сделала.

Туманов молчал несколько минут, а потом резко схватил Бориса за ворот рубашки, дёрнув его на себя.

— Врёшь! Какая ещё к чёрту операция? Что за бред?!

Огромными усилиями Минееву удалось высвободиться из железной хватки Марка. Мужчина тут же отступил на пару шагов, болезненно потирая шею. Тяжело дыша, он подошёл к шкафу, открыл одно из отделений и покопавшись там несколько секунд, бросил на стол смятый листок.

— Не веришь? Вот посмотри. Это расписка, которую она мне дала пару месяцев назад. Дело с контрактами поначалу продвигалось очень медленно, а Кристина торопилась. Ей срочно нужны были деньги. Вот мы и заключили расписку. Я и Гена дали ей необходимую сумму, а когда она, наконец, принесла все контракты, она получила нужные справки, взяла кредит и рассчиталась с нами. Можешь забрать себе эту бумажку. Дома изучишь её досконально, раз мне не веришь. Тем более мне эта расписка уже давно не нужна.

Марк хлестал коньяк прямо из горла. Мужчина в сотый раз вчитывался в одни и те же предложения, а потом аккуратно свернул листок, положил его в карман пиджака и набрал в телефоне номер старого приятеля.

— Привет, Слав, узнал? Извини, забыл про разницу во времени. Слушай, помнишь, ты как-то говорил, что после той истории с бумагами полжизни мне теперь должен? Нет, Славка, убить я тебя не хочу, а вот помощь твоя мне очень нужна. Надо разузнать всё об одном человеке. Да ты не ослышался Сташевский, мне нужно разузнать абсолютно все, начиная с первого дня её жизни. Да ЕЁ. Стрижова Кристина Олеговна, 1990 года рождения. Долгое время работала в рекламной конторе 'Ремарк', с которой я когда-то сотрудничал... Я хочу знать всё немедленно! Максимум времени — ближайших часа два-три. Скидывай мне на почту всё по ходу дела, я дальше сам буду разбираться. Да, брат, спасибо. Считаю, что теперь я тебе должен, и не половину, а уже всю свою никчёмную жизнь.

Не став даже разуваться, Марк прошёл в спальню и закрыл дверь на ключ, не обращая

внимания на истерические вопли жены. Включив компьютер, мужчина открыл почту и досконально, буквально утопая взглядом в мониторе начал вчитываться в текст.

Уже примерно через полчаса Туманов уничтожил всю бутылку коньяка. Пиджак был скинут, и валялся где-то на полу. Сам мужчина, несмотря на количество выпитого, ясно осознавал каждую строчку. Точнее он пропускал её через себя. Она выворачивала всю душу наизнанку, ядом впитывалась в кровь, уничтожая его изнутри. А Марк смеялся. Ему хотелось корчиться от боли, сердце, словно медленно раздробливалось на куски, а Марк хохотал, медленно щёлкая мышкой по экрану. Он просто физически не мог справиться с навалившимся объёмом информации, но конкретно сейчас ему это и не было нужно. Он обязательно досконально разберёт каждую строчку, каждое слово, каждую букву, но позже. Сейчас, именно в этот момент, Марк не мог понять, почему всё сложилось так? По её сценарию? Потому что это он настолько безмозглый совершенно ослепший идиот или она так потрясающе отшлифовала свою роль? Ведь наверняка он такой не первый идиот?! У неё всё получилось! Точнее почти получилось...Сегодняшний день. Выкидыш. Потеря ребёнка. ИХ ребёнка. Марк не понимал, что он чувствовал. У него совершенно ничего не укладывалось в голове. С одной стороны он ненавидел её, ненавидел настолько, что желал ей смерти, самой мучительной и адской смерти. Но с другой...никогда ему ещё не было так хреново. Так дьявольски больно. Смешно даже подумать, но сегодня он узнал, что дважды станет отцом. Только, если мысль о беременности Марины даже в голове ещё особо не уложились, то вот ребёнок...малыш, которого он уже потерял,...его утрата резала по сердцу, долбила по совести, которая оказывается, у него ещё была.

Марк распечатал все документы, которые ему прислал Славка. Он аккуратно сложил каждый листок в папку и через несколько секунд уверенным шагом вышел из комнаты. Он кинет всё это ей в лицо. Он заставит её рассказать всю правду. Глядя ему в глаза. Да он сука, он сволочь и подлец, но он никогда не валял её в этой луже грязной омерзительной лжи, в которой он уже вдоволь накупался. Она знала о нём всё. С самого начала она знала, что он женат, знала какой он трус и ублюдок. Она знала это и заставляла его чувствовать себя ничтожеством, разыгрывая роль святой непорочной женщины, которая не может справиться с наплывом “искренних” чувств. Ничего теперь она всё расскажет. Теперь он хочет увидеть её настоящую грязную лживую натуру. Так врать...Господи, да она любой самой лучшей актрисе фору даст!

— Ты куда? Марк куда ты собрался?

Мужчина накинул пальто, сжал челюсти с такой силой, что послышался скрежет зубов. Как же хотелось сейчас придушить Марину. Просто взять и придушить. И если бы не ребёнок, он бы, наверное, смог это сделать.

— Марк ты так ничего и не сказал про ребёнка...Ты рад? Скажи мне, ты рад? Мы ведь так долго этого ждали!

Марк усмехнулся, застегнув пальто на каждую пуговицу. Рад? Конечно, он рад. Просто на седьмом небе от счастья!

— Обсудим это позже, когда я вернусь.

— А когда ты вернёшься? И куда ты вообще собрался? К ней? К ней да? Марк да открой ты глаза, неужели ты так до сих пор ничего и не понял? Ведь она использует тебя! Она хочет забеременеть, именно поэтому ты ей нужен! — мужчина резко остановился, ошарашенно обернувшись к жене. Которая уже зашлась в истерическом смехе. — Что? Ну, вот что ты на меня так смотришь? Да, я всё о ней знаю! Она использовала тебя. Ты был для неё

бесплатным донором! Только ничего у неё не вышло! Как была пустышкой, так и осталась! А я нормальная, слышишь? Я нормальная женщина, которая родит тебе ребёнка. Господи, Марк да открой ты глаза!

Он сам не понял, как это получилось. Рука произвольно поднялась вверх, потом послышался звук удара, а уже через пару секунд Марина прижала ладонь к щеке, испуганно уставившись на мужчину. Но истерика прекратилась. Женщина сразу же замолчала.

Марк сел на стул, устало запрокинул голову кверху, прикрыв веки. Мужчина был опустошён. Он устал. Устал от собственного вранья, от чужого. Устал от этой гнилой жизни.

Марина села перед ним на корточки, осторожно положила ладони ему на колени, тихо заговорив:

— Мы со всем справимся. Это пройдёт, слышишь? Мы обо всём забудем. Я клянусь, что никогда не буду тебе об этом напоминать. Мы съездим куда-нибудь отдохнуть, развеемся. А когда родится ребёнок, вот увидишь, начнётся совсем другая жизнь, — Марина хотела увидеть его взгляд, ждала хоть какой-то реакции, но он всё также продолжал неподвижно сидеть с закрытыми глазами. — Господи Марк, да приди ты в себя! Ну что ты так изводишься из-за неё? Даже, если она тебе и нравится...

— Нравится, — Марк усмехнулся, открыв глаза, уставившись в какую-то невидимую точку на потолке. — Я люблю её.

Прошло, наверное, несколько минут, прежде чем Марина смогла понять смысл слов, произнесённых её мужем. Медленно поднявшись, она тихо, почти беззвучно прошептала дрожащими губами:

— Нет, ты не понимаешь, что ты говоришь...

Марк рассмеялся. Какое-то время ещё продолжал смотреть 'в никуда', а потом резко перевёл взгляд на жену. С его лица исчезла всякая усмешка.

— Нет, это ты ещё ничего не понимаешь. Я действительно её люблю.

Я обвела красным карандашом контур губ, придав им более яркий окрас. Затем в дело пошла помада, заказанная специально из Парижа, как и палитра теней, и пудра, и духи. Вся эта роскошь обошлась мне в такую сумму, потратить которую я бы, наверное, не решилась даже тогда... в прошлой жизни. Но сейчас мне позволяли это мои средства. Я разменяла квартиру, рассчиталась со всеми долгами, устроилась на новую работу и начала всё с чистого лица. Точнее почти начала. Не хватало всего одной детали. Последнего штриха, который бы позволил поставить окончательную жирную точку в почти перевернутой странице. И сегодня, я это обязательно сделаю.

— Три недели назад ~

— Это правда?

В его дрожащей вытянутой руке была тонкая чёрная папка. По всей видимости, он хотел, чтобы я взяла её, ознакомилась с содержимым. Но это было не нужно. Я итак знала, что в ней. Даже не догадывалась, а именно знала. Конечно, теперь-то он наверняка изучил до мелочей содержимое каждого дня моей жизни. Теперь, когда я задела его Эго, его безумное самолюбие, он заинтересовался, чем я дышала до встречи с ним, как жила, кто я вообще такая!

— Что 'это'? — мой голос был совершенно спокоен, никаких эмоций. Наверное,

потому, что меня совсем не трогал взгляд Марка, хотя, скорее всего я должна была ужаснуться. В его глазах не было ярости. Не было злобы, обиды или даже презрения. В них плескалось одно единственное острое желание — убить. Уничтожить. Разорвать в клочья. — Если ты про ребёнка, то да, правда. Как и всё, что я уже сказала тебе сегодня, лишь пару часов назад. Я вообще не понимаю, зачем ты пришёл, мы ведь, кажется, уже объяснились? Если ты не понял, я могу повторить. Между нами всё кончено. Никаких истерик, рыданий у твоих ног или просьб вернуться — не будет. Это уровень твоей жены, до которого я не опущусь никогда в жизни. А, что касается наших былых отношений, так ведь ты итак всё знаешь. Как я вижу, ты навёл обо мне кое-какие справки. И теперь, наверное, хочешь знать чувствовала ли я к тебе что-нибудь или это был один сплошной расчёт? Я не хочу врать. Да, чувства были. И даже есть до сих пор. Но ни о какой сопливой любви и прочей ерунде не может быть и речи. После развода у меня не было мужчин. Я пять лет не была ни с кем близка. И да, мне было приятно твоё внимание, твои жаркие взгляды и ласки. Я тебе искренне благодарна за то, что ты пробудил во мне женщину. Спасибо. Но пора заканчивать с этим фарсом. У тебя теперь своя дорога, у меня своя. А всё, что было, ...давай будем считать это лёгким любовным приключением? Не хочу, чтобы мы расставались врагами.

Я смотрела на него ледяным взглядом. Голос был спокоен и абсолютно равнодушен. Наверное, с первого взгляда вполне легко складывалось впечатление, что мне совершенно всё равно. Что я холодная расчётливая стерва. И я очень надеялась, что Марк подумает именно так. Я возненавижу себя, начну презирать ещё больше, если он поймёт как мне плохо. Если узнает как гадко и погано у меня на душе. Один раз он уже видел мои слёзы, больше такую ошибку я не повторю. Даже, если буду загигать от боли, выть в подушку и корчиться в адских агониях — больше никто и никогда не увидит моих слёз. Не узнает, что у меня на душе.

— Значит, ты врала?

Его голос тоже был спокоен. Теперь он смотрел абсолютно безразлично, даже с каким-то надмением. Но я прекрасно знала, что скрывается за этой фальшивой маской.

— Врала? Нет, милый, это ты погряз во лжи. А я не врала. Ты ведь никогда не спрашивал, чего я хочу, о чём мечтаю? О любви у нас и подавно разговор не заходил. Так что никакого обмана с моей стороны не было. Может быть, я где-то что-то не договаривала, но не более того.

Наши взгляды скрестились. Пару минут он просто неотрывно молчаливо смотрел в мои глаза, а потом молниеносно подлетел ко мне. Я даже понять ничего не успела, прежде чем почувствовала как его сильные пальцы сдавили моё горло, лишив возможно сделать хотя бы глоток воздуха. Я вцепилась в его руки, попыталась оттолкнуть, но он сжал пальцы ещё сильнее, так что я захрипела, нервно дёрнулась, чувствуя, как с каждой секундой силы убывают. Перед глазами всё поплыло. В горле образовался удушливый комок, а я вдруг резко перестала сопротивляться. Руки упали, голова запрокинулась, а глаза широко распахнулись. Я смотрела на какую-то невидимую точку и совершенно не предпринимала никаких попыток вырваться из его захвата. Зачем? Может так всё и должно быть. Может, именно так должна закончиться эта история, прерваться тонкая нить моей жизни. Кому она теперь нужна? Зачем я просыпаюсь по утрам, дышу, ему, вообще существую? Я ничего не оставляю после себя. Никто не заметит моего ухода. Так зачем пытаться сохранить эту никчёмную жизнь?

Мне почти удалось. ПОЧТИ удалось распутать эту мёртвую петлю, неделимый узел.

Когда перед глазами всё поплыло, а ноги перестали меня держать, Марк резко отпрянул. Я съехала по стене на пол, жадно начав глотать воздух губами. Я сцепила ладони на горле, перевела туманный от слёз взгляд на Марка. Его руки дрожали. Он достал из кармана брюк пачку сигарет, несколько секунд нервно комкал в ладонях упаковку, а потом, чертыхнувшись, убрал её обратно. Меня колотила волна дикой дрожи. Щёки были мокрыми от непрерывного потока слёз, а дыхание до сих пор не хватало. Я продолжала жадно ловить губами воздух, содрогаясь от одного понимая, что ведь Марк сейчас мог меня убить. Сцепил бы пальцы чуть сильнее и продержал на минуту дольше — всё. Моя жизнь оборвалась... А это страшно. Действительно страшно вот так вот уйти. Незаметно. Тихо. В полную безызначность. Кто бы действительно вспомнил обо мне? Кто бы пустил слезу? Аня, наверное, Ванька,...но точно не он. Я хотела, чтобы он возненавидел меня, проклинал, навсегда вычеркнул из своей жизни. И именно сейчас у меня это получилось. По его взгляду я поняла, что это конец. Если бы он мог, возможно, если бы не угроза правосудия, он бы всё-таки убил меня. Мне удалось пробудить в нём зверя. Дикого безумного зверя, от которого сбежала его же добыча.

Почувствовав его пальцы на своих губах, я вздрогнула. Внутри всё перевернулось, привкус какого-то бешеного восторга и ноющей дикой боли сковал моё тело. Безумно сильно захотелось прижаться к нему, спрятать лицо у него на груди, закричать, завопить на всю квартиру, что всё совсем не так! Что я не хотела этого! Что я...люблю его.

Марк обвёл большим пальцем контур губ, лица. Заправил выбившиеся пряди волос мне за ушко и медленно поднялся с колен. Он вышел тихо, почти бесшумно захлопнув за собой дверь. А я свернулась в калачик, прижала ноги к груди и просто закрыла глаза. Слёз уже не было. Именно сейчас я перешагнула тот пик эмоций, когда боль уже не ощущается. На смену ей приходит пустота. Пустота и совершенное безразличие ко всему.

Застегнув последнюю пуговичку на плаще, я взглянула на своё отражение в зеркале. Губы невольно растянулись в довольной, какой-то даже восторженной улыбке. Кто-то сказал: чем хуже у тебя на душе, тем лучше ты должна выглядеть. Сейчас я бы дала своему образу десять баллов из десяти. Я так не одевалась даже когда была вместе с Марком. Хотя в то время я старалась выглядеть идеально. Мне хотелось быть для него самой красивой, самой лучшей, самой желанной...Но сегодня, как бы громко это не звучало, я была совершенной. Никаких вызывающих вырезом, ярких оттенков, пёстрых рисунков. Всё очень просто. Просто и роскошно. Забавно, что я больше трёх недель готовилась к этой встрече. Заказывала одежду и парфюмерию из Франции, начала делать кое-какие упражнения корректирующие фигуру, практически всё сегодняшнее утро провела в салоне красоты. И это отнюдь не перед свиданием. Сегодняшняя встреча будет с НЕЙ. Если я действительно хочу навсегда распрощаться с прошлым, я должна увидеться с этой женщиной.

За довольно небольшой промежуток времени я выучила всё её расписание. Забавно, но за прошедший месяц, она вдруг резко решила заняться собой. Солярии, фитнес, салоны красоты, даже записалась на занятия по 'урокам соблазнения'. Глупая, за столько лет, так и не научилась привлекать своего мужика. Наверное, потому, что он никогда не был её. По сути ей ничего не принадлежит кроме штампа в паспорте и совместного имущества.

Она вышла из здания в распахнутом пуховике и с широкой улыбкой в половину лица. Я ухмыльнулась. Видимо у них всё хорошо. Неужели Марк смог отделаться от своей кабелиной

нагуры и стать примерным семьянином? Что же вполне возможно. Странно только то, что я до сих пор не могу понять, кто мне звонит по вечерам. Звонит, чтобы подышать в трубку и сбросить вызов.

Я достала из кармана плаща сигарету, прикурив одну. Она забежала в кофейную. Я точно знала, что через пару секунд она двинется к бару и как всегда закажет тонизирующий коктейль. Это её привычная программа после финтеса. Интересно, а Марк знает? Он вообще интересуется, как проводит время его беременная жена или как всегда отделяется деньгами? Трус. Какой же он трус. Жалкий ничтожный омерзительный. Он так легко и быстро всё забыл. Ему даже не нужно начинать всё с начала. Стоит только захотеть, и его примут обратно, в его 'крепкую счастливую семью' с распростёртыми объятиями. Точнее уже приняли.

Как же высокомерно и пафосно звучат фразы на подобии: 'я не могу без него жить, дышать, ходить и всё прочее'. Абсолютная ересь. Куда ты денешься? Прозвенит будильник и ты разлепишь сонные глаза, встанешь с постели, примешь душ, позавтракаешь и пойдёшь на работу. Ты будешь впахивать, как и всегда, потому что твоему начальству наплевать на твои проблемы и подстраиваться под тебя никто не будет. А потом, когда за окном уже стемнеет, ты вернёшься обратно, в свою опостылевшую квартиру, где всё напоминает о нём. Перекусишь, чем попало, доделаешь какие-то домашние дела, снова примешь душ, расстелешь постель, ляжешь спать....И вот тогда у тебя будет минут пять, чтобы пустить слезу и вспомнить о былых временах. Это всё. По-сути никакой трагедии. Вены резать ты не побежишь. Потому что, несмотря ни на что, жить всё равно хочется! Вот и я живу. Живу, дышу, просыпаюсь по утрам и даже иногда улыбаюсь на шутки коллег по работе. Все, как и раньше, исключение только в одном. Когда я была с ним, душа ликовала от счастья, просто, когда одинокие снежинки ложились на замёрзшее окно. Без него — фейерверки, салюты, всё, что раньше вызывало восторг, сейчас стало восприниматься абсолютно безразлично. Когда уходит любовь пропадает сам ВКУС к жизни. Но всё продолжает идти дальше своим чередом. И завтра снова прозвенит будильник, я разлеплю сонные глаза и заставлю себя пойти на работу...

Радует только одно. Мне никто не мешает. Никто не лезет в душу и не пытается помочь дурацкими советами. Иногда одиночество — лучший спутник. Я безумно благодарна Ане за то, что она это понимает. Ведь Ванька точно ей всё рассказал, а за всё эти три недели сестра не задала ни одного вопроса. Она стала приезжать практически каждый вечер с пакетом наших любимых вкусностей, усаживалась вместе со мной на диван и ставила какую-нибудь милую, местами глупую комедию. Пожалуй, это самая лучшая помощь, которую я когда-либо получала.

Когда я зашла в кафе, мой взгляд сразу пал на дальний столик у окна. Это было её излюбленное местечко. Вот и сейчас девушка потягивала свой тоник и тыкала кривыми пальчиками по экрану мобильному. Я подсела к ней без всякого приглашения. Наверное, любой другой человек сказал бы, что место уже занято и попросил меня встать, но не она. Увидев меня, улыбка с лица девушки почему-то моментально исчезла. Глазки забегали, устремившись на дверь выхода. Неужели она собиралась сбежать? Я усмехнулась. Похоже, эта куколка меня сильно побаивалась. Странно только почему?

— Ну, здравствуй Мариночка. Ты меня узнала?

Узнала, ещё как узнала. Я прежде никогда не видела такой паники во взгляде. Она смотрела на меня как кролик на удава. Господи, неужели эта курица решила, что я

собираюсь её бить?

— Что тебе нужно?

Голос дрожал. Она старалась не выдавать своих чувств, но от неё за версту несло этим отвратительным запахом мерзкого страха. Она как нашкодившая собака боялась, что ей влетит за дерьмо, которое она навалила.

— А ты не догадываешься? Может напомнить?

Я усмехнулась, намеренно опустив взгляд на её живот, который она тут же прикрыла ладонями.

— Послушай... — она перешла на шёпот, испуганно оглянувшись по сторонам. Видимо боялась, что наш разговор мог кто-то услышать. Жалкая тварь. — Чего ты хочешь? Надавить на жалость? Знай, у тебя ничего не получится?

— Надавить на жалость? — я усмехнулась. — Нет, что ты дорогая, зачем мне на тебя давить?

Она прикусила нижнюю губу, потянувшись за своей сумочкой.

— Ты сама...сама во всём виновата. Ты спала с моим мужем, и не смеешь мне ничего теперь предъявлять!

— Разве я спорю, что виновата? Конечно, виновата. Поверь мне, помимо секса с твоим мужем, на мне ещё много грехов. Только я за них поплатилась. Жестоко поплатилась. А ты? Ты ведь тоже не ангелочек. Какова твоя расплата? Может младенцы кровавые по ночам снятся или что-то в этом роде?

Она занервничала. Её глазки испуганно забегала. Боится. Боится, что я могу всё рассказать. Какая же она всё-таки...ничтожная.

— Чего ты хочешь? Денег? Назови любую сумму!

Я рассмеялась, взяв её стаканчик с тоником.

— Сначала ты предлагала мне деньги за своего мужа, теперь за ребёнка...Слушай, ты вообще знаешь, что торговля людьми подсудное дело? — я сделала всего один глоток её 'тоника' и тут же поперхнулась, удивлённо уставившись на побледневшую Марину. — Ух, ты, что-то мне подсказывает, что это чересчур тонизирующий напиток...А разве беременным такой можно? — мой взгляд буквально вьелся в мужчин, сидящих за соседним столиком. Все они курили. Ещё совсем невесомая, но будоражающая каждую клеточку тела догадка, пробралась к моему подсознанию. — Как же это ты в твоём положении ходишь по таким значным местам, где курят, распивают спиртные напитки, которыми к слову ты и сама не брезгуешь? А может ты совсем не в том положении? Не в беременном, а скорее в дерьмовом?

Её лицо было бледнее полотна. Взгляд не просто пропитался страхом, он уже трясся в какой-то совершенно безумной панике. Мне захотелось рассмеяться. Ну и ну. Признаться, я о таком даже не думала. А дело приобретает всё более интересные повороты!

— Послушай, скажи мне, чего ты хочешь? Денег, машину, квартиру? У меня очень богатый отец. Я могу попросить его устроить тебя в какую-нибудь престижную фирму...Даже куда-нибудь за границу! В Милан, например!

— Хочешь отправить меня куда-нибудь подальше? Не получится, милая. Ни в Милан, ни куда-либо ещё я не собираюсь. Меня вполне устраивает наш город. Тем более, здесь живёт мой любимый мужчина, — я усмехнулась и решила, что уже, наверное, пора заканчивать с этим фарсом. Пока недобеременная блондинка сознание не потеряла. — Я вообще-то хотела тебе кое-что подарить, — я поставила на стол пакеты. — Там игрушки, они подойдут как для

мальчика, так и для девочки. Когда-нибудь ты ведь всё равно забеременеешь, это лишь вопрос времени. Ну, если, конечно, у твоего мужа всё ещё стоит на тебя. А пока можно разыграть сценку с выкидышем...уже представляю это душещипательное представление!

— Ты...ты всё равно ничего не докажешь! Ты для Марка больше ничего не значишь, он не будет тебя слушать! Оставь нас, наконец, в покое! У тебя всё равно ничего не получится с моим мужем, а я готова заплатить. Хорошо заплатить. Только назови цену!

Смеяться мне резко расхотелось. Стало настолько гадко, что находится рядом с ней, я больше не могла. Встав из-за столика, я, глядя ей в глаза, произнесла:

— Знаешь, а я ведь никогда не буду матерью. Никогда в жизни, не прижму к груди своего ребёнка, не услышу его смеха, не увижу улыбки,...Меня никто никогда не назовёт 'мама'. Я ничего не оставлю после себя. Но ты даже представить не можешь, как я благодарна богу, что у меня с тобой нет ничего общего! Посмотри на себя, ты ведь ничтожество. Ты просто жалкое ничтожество. Ты обязательно родишь ребёнка, у таких как ты всё получается. Я только надеюсь, что это будет мальчик, потому что девочку ты воспитаешь по-блядски. Ты внушишь ей своё представление о 'счастливом браке'. Ты ведь научишь ее, как перетерпеть измены мужа, какой скандал лучше устроить, чтобы он подольше не совал своего члена в других баб?! Ты ведь убедишь её, что гордость, честь, достоинство можно легко засунуть в задницу, самое главное статус — замужем! И я надеюсь, что у тебя хватит терпения сохранить этот статус на всю жизнь. Счастья вам, любви и верности. И чтоб сдохли вы в один день.

От кафе до моего дома всего двадцать минут езды, за которую я выкурила больше половины пачки сигарет. Меня трясло. И даже не столько от минувшей встречи, сколько от самого осознания, что всё действительно кончено. Вот она эта точка, после которой начинается новая страница в моей жизни. А что теперь будет? Это зависит только от меня. Может уже хватит чёрно-белых красок? Хватит бороться за то, чего нет, и никогда не было? Может принять жизнь такой, какая она есть, не пытаться ничего изменить, и пусть всё идёт своим чередом. Да я не получила того, чего так страстно желала, но зато я обрела свободу. Вот именно сейчас я обрела свободу. Я теперь ни от кого не завишу. Я могу жить так, как хочется мне. Не подстраиваясь ни под кого, не играя в какие-то мерзкие игры. Просто дышать, полной грудью, радоваться каждому дню и забыть обо всём. Я одиночка. Это так странно. Ведь все обычно страшатся этого чувства — одиночество. А мне кажется, что только теперь я, пускай может и не счастлива, но хотя бы наконец-то успокоилась и обрела душевную гармонию. Мне больше никто не нужен. И это вовсе не значит, что я как раньше поставлю на себе крест, забуду о мужчинах и влезу в старческие лохмотья. Наверняка, я ещё кого-нибудь встречу. Может, быть даже влюблюсь, и кто знает, сколько мужчин ещё будет в моей жизни? Просто я, наконец, вышла из этого мира чёрно-белых красок. Я никогда больше не надену маску, я устала быть сильной, бороться, карабкаться...Я просто буду плыть по течению.

Удивительно, но ведь я действительно почти поверила в эту иллюзию. ПОЧТИ, до того самого момента, как вышла из такси, прошла к своему подъезду, достала из сумочки ключи и уже собиралась открывать дверь, как по моему телу не просто прошла волна дрожи, меня так шарахнуло, что я даже ключи выронила и чуть было не лишилась дара речи.

— Кристина, — этот голос,...сколько же времени прошло. Больше пять лет. Но этот голос до сих пор стоит у меня в ушах. Наверное, я никогда не смогу его забыть. —

Кристина...ты меня не узнаешь? Это я...Лёша.

— Ты значит у нас проездом?

Налив виски в бокал, я протянула его сцепившему ладони в замок мужчине. Тут же захотелось плеснуть и себе, но пришлось подавить спонтанно нахлынувшее желание. Уж с кем-кем, а с бывшим я напиваться не буду.

— Ну да, можно сказать и так. Через две недели возвращаюсь обратно.

Лёша сцепил пальцы на бокале, поднёс его к губам, но через несколько секунд почему-то отдёргнул себя, поставив бокал обратно на стол, так и не пригубив янтарную жидкость.

— А к нам какими судьбами заехал? Командировка?

— Да нет,...кое-какие дела были.

Он избегал меня взглядом. По его голосу я совершенно точно понимала, что ему весьма неловко в моём присутствии. А вот мне на удивление было абсолютно комфортно. Как не странно даже не потому, что меня переполняло какое-то злорадство или весьма потрёпанный вид бывшего мужа доставлял мне удовольствие, просто мне почему-то совершенно легко давался этот разговор. Будто я сейчас общалась со своим старым приятелем, которого давно не видела. Странно, а ведь, когда я пригласила его в дом, я весьма побаивалась, что на меня вновь накатит пучина не самых приятных воспоминаний. Но ничего этого не было. Все страхи оказались ложными. Видимо время, всё-таки взяло своё и когда-то причинённая боль, если и не исчезла совсем, то оставила от себя какие-то слабые почти неощутимые отголоски.

— А Алина где? Осталась дома? Вы ведь вроде в Питер переехали?

— Нет, мы уже два года как живём в Берлине.

Я присвистнула, налив себе в кружку чай и сделав несколько глотков горячей жидкости.

— Здорово! Помнится, ты всегда хотел жить именно в Берлине. Приятно, наверное, когда мечты осуществляются?

С моих губ всё-таки сорвалась лёгкая усмешка. Не то, чтобы я хотела как-то надавить на совесть бывшего мужа, просто присутствовало какое-то своеобразное чувство обиды. И совсем не за то, что когда-то произошло между нами....Просто как не посмотришь, все добиваются, чего хотят, ну а я вечно исключение из правил.

— Столько лет уже прошло...мне, если честно даже не верится, что всё это происходит на самом деле. Ты так изменилась. Такая красивая стала, — нельзя было сказать, что это комплимент. В голосе мужчины присутствовала какая-то лёгкая грусть. Он всё также продолжал избегать меня взглядом, неловко теребя в руках уже истерзанную сигарету. А мне почему-то стало неловко и даже немного стыдно за внезапно появившееся довольное надменное чувство. Я ведь готовилась к совершенно другой встрече,...а всё вышло как в каком-то насыщенном фильме. Сколько раз я представляла этот разговор? И ведь представляла именно так. Он потрёпанный жизнью, в заношенной одежде, с синяками под глазами и усталым лицом. Я как девушка с обложки журнала. Яркая красивая сексуальная. Только восторга это не вызывало. Наверное, только сейчас я поняла, что это всё. Конец. Вот именно теперь я окончательно отпустила прошлое. Потому что ненависти больше нет. Разве что грусть, может быть и обида, но никак не ненависть. — Ты давно...давно уже...такая?

Вопрос скомканный, произнесённый немного подрагивающим голосом. Но я прекрасно поняла, о чём речь.

— Да, уже несколько лет. Всё оказалось не так страшно.

— С ума сойти, — Лёша усмехнулся, первый раз решившись посмотреть мне в глаза, правда, отвёл взгляд уже через несколько секунд. — Все врачи ведь твердили, что...выхода нет. А ты...справилась. Просто чудо какое-то!

— Да нет, никаких чудес. Я в них уже давно не верю. Это всего лишь упорство и бешеное желание выжить, — невольно с губ сорвался тяжёлый вздох. Мне не хотелось касаться этой темы. Всё забыто. Или по крайней мере уже отпущено. — А как ты меня нашёл? Или просто случайно здесь оказался?

— Нет. Не случайно, — после этих слов он всё-таки осушил свой бокал. Моментально. Залпом. — Я уже давно хотел с тобой встретиться,...не знал как. Дел много — времени мало. А потом...я узнал, что ты переехала. Ну и вот...

— Сам узнал? — я усмехнулась, и без того зная ответ на свой вопрос. Зачем она вмешивается в мою жизнь? Если Лёше я хоть и не забыла его поступка, но зла на мужчину больше не держала, то вот Её я никогда не пойму...и не прощу. — Если честно я не совсем понимаю, зачем ты пришёл. К чему сейчас этот разговор? Столько лет уже прошло. Нужно ли ворошить то, что было?

Он не ответил. Опять опустил взгляд в пол, наконец, разломив пополам эту несчастную сигарету. Достав из холодильника лимон и порезав его на дольки, я аккуратно разложила их на блюде, протянув его Лёше. Хотя мужчина даже не посмотрел на быстро сварганенную закуску.

— Послушай, если уж пришёл, давай поговорим о чём-нибудь другом. Мне неприятна эта тема. Я не хочу о ней вспоминать. Прошло уже много времени, не могу сказать, что я простила,...но ненависти больше нет. Давай не будем снова это ворошить? — Лёша ничего не ответил, достал из кармана джинс ещё одну сигарету и вновь стал мусолить её. А я не выдержала. Всё-таки хлебнула виски, прямо из горла. — Ну а как ты живёшь? Как Алина? Как ваша дочка, красавица, наверное?

— Да, красавица...была, — мужчина резко замолчал, а я так и замерла, с поднесённой к губам бутылкой. — Погибла два года назад. Переходила с мамой через дорогу на зелёный свет. Две машины остановились, за рулём третьей — пьяный лихач...Иришка на месте скончалась, Алина уже два года с постели не встаёт. Сколько уже операций сделано, а всё без толку. Вот такая вот жизнь. Всё возвращается бумерангом. За всё рано или поздно приходится платить, а иногда и в двойном размере.

Нельзя передать чувств, которые нахлынули на меня после этих слов. Не знаю, какими силами я удержала бутылку в дрожащих руках. Я смотрела на Лёшу и не могла даже моргнуть. Откуда появилось это чувство? Это совершенно необъяснимое чувство боли за человека, который когда-то предал? Который уже казалось, давно стал чужим, но почему-то каждым фибрами души, каждым ноготком на пальце, каждым нервом я чувствую его состояние. Словно пропускаю его через себя.

— Я не знаю, что сказать...

— Ничего не говорили! — Лёша вдруг резко вскинул голову, пригвоздив ко мне взгляд. Я даже едва не вскрикнула. Безумные глаза. Нечеловеческие. — Я итак ненавижу себя за этот разговор. Пришёл поплакаться, — мужчина усмехнулся, пустил в рот несколько долек лимона и даже не сморщился. — Знала бы, как мне сейчас стыдно и мерзко...Чувствую себя полным ничтожеством. Хотя за последние два года мне уже не привыкать. Я всё потерял: семью, бизнес, деньги...Уже в первый год после аварии, пришлось распродать свои акции в компании. Сначала одна операция, потом другая...никакого результата. Только более

сильная депрессия. У Алины. Она три раза пыталась покончить собой. Вены, таблетки...А сейчас появился шанс. Нам предложили помощь, в Израиле. Только нужны деньги. Я уже продал всё, что только можно. Квартиру, машину, акции. Скоро состоится сделка с продажей загородного дома. Я занял у всех знакомых. Даже у бывших друзей, с которыми чёрт знает, сколько не общался...Сумма практически вся. Не хватает только пяти тысяч долларов. Я...не знаю, как сказать, но...Клянусь, что всё верну! Через два-три месяца я получу деньги за продажу загородного дома и отдам всё до копейки! Хочешь, расписку напишу или вообще всё что угодно? Только пять тысяч долларов...

Послышался звук разбившегося вдребезги стекла. На этот раз бутылка всё-таки выпала из дрожащих рук.

Медленно поднявшись со стула, я несколько минут смотрела в глаза Алексея, точнее пыталась поймать его взгляд, который он постоянно прятал. Меня трясло. Даже не просто трясло, я, словно находилась в какой-то смертельной лихорадке.

— Ты...ты это серьёзно? Я не ослышалась?! Ты просишь у меня деньги на операцию своей жены? — мой голос был на удивление спокоен. Никаких криков, визгов и всего в этом духе. Наверное, потому, что я до сих пор не могла понять — происходит ли всё это на самом деле или я просто сплю? — А откуда...скажи, с чего ты вообще взял, что у меня есть лишние пять тысяч долларов?

Закрыв лицо руками, мужчина около минуты неподвижно сидел, не произнося ни слова, а потом резко подскочил на ноги и поспешил в прихожую, бормоча себе под нос какие-то невнятные реплики:

— Ты права...это я что-то...бредовая идея, извини....

Я поймала его, когда он уже накинул куртку и собирался уходить. Оттянув мужчину за локоть, я перегородила ему путь.

— Нет, ответь на вопрос. С чего ты взял, что у меня есть такая сумма?

Он всё также продолжал прятать глаза, нервно теребя края потрёпанного шарфа.

— Говорю же, забудь. Это на меня просто что-то нашло....Извини.

— Неужели ты даже сейчас, спустя столько лет, не можешь хоть раз сказать мне правду?

Он неловко поднял взгляд, проведя ладонью по волосам.

— Я недавно твою маму встретил. Мы с ней разговорились,...она сказала, что ты нашу квартиру собралась разменивать.

После этих слов я просто не смогла сдержать усмешку. Мама...ну конечно, мои материальные дела её интересуют куда больше чем моя жизнь в целом.

— МОЮ квартиру. Если ты помнишь, после развода дача с машиной достались тебе, а квартира мне. А что касается мамы,...я смотрю, вы с ней сдружились да?

Застегнув куртку, Алексей аккуратно, едва касаясь, отодвинул меня в сторону, открыв входную дверь.

— Извини меня ещё раз, мне и, правда, хреново от всего, что я наговорил....Забудь ладно? И, если сможешь — не держи на меня зла...

Прошло уже около получаса, как ушёл бывший муж, а я всё ещё не могла остановиться. Сигареты в моей руке сменялись одна за другой. Уже практически всю пачку уничтожила, а ломка была такая, словно я лет пять не курила. Я сидела на подоконнике, прижав ноги к

груди, и пускала серые колечки дыма в приоткрытую форточку. Было холодно. Ужасно холодно. Мороз пробирал до самых костей. Зима уже подходит к концу, а температура до сих пор не сворачивает с рубежа '-20'. Хотя я даже рада. Весна — дерьмовое время года. Сначала слякоть, лужи, сырость и грязь. А потом ещё хуже. Всё расцветает — птички поют, бабочки летают. И люди превращаются в каких-то психов. Причём глупых, скорее даже тупых психов. Прогуливаются по парку, держась за руки, тоннами поедают мороженое и влюбляются как в последний раз. А самое смешно, что они действительно думают, что это последний раз! Вот она — та самая любовь, о которой все говорят и которую все так страстно желают. Бах, и ни с того ни с сего грохнулась на их счастливые головы. Какая же это всё-таки бредятина. Нет этой любви, именно в том плане, которой её хотят видеть — чистой, непорочной, вечной. Рано или поздно, действие самого страшного и, не смотря ни на что самого желанного наркотика — влюблённость — проходит. Конфетно-букетный период заканчивается, хотя это вовсе не значит, что исчезает любовь. Просто люди возвращаются в реальность, понимают, что вместе с этой самой любовью приходит ещё и куча проблем, которые надо решать ВМЕСТЕ, куча новых, порой не самых приятных забот ссор, скандалов и всего прочего. Вот тогда и начинаются предательства, измены, враньё и вся эта грязь. Потому что никто не хочет ничего решать, бороться, выбивать себе право на счастье. Все идут по лёгкому пути, вновь влюбляюсь, вновь предавая и разводясь. Смешно. Глупо. И на самом деле больше чем просто ужасно.

Я сама не знала, зачем приехала в клуб. Просто хотелось куда-то сбежать. От самой себя. От своих мыслей, которые не просто душили, они убивали — медленно и очень мучительно. Как бы избито не звучала эта фраза, но у меня действительно не укладывалось в голове, почему всё так? Лёша...он ведь, похоже, действительно её любит. Так бьётся, так изводится. Цепляется за малейшую возможность. А я? Что он сделал для меня? Переспал с лучшей подругой через два месяца, после того как я оказалась в инвалидной коляске, а ещё через четыре подал на развод? Сейчас карты переменялись. Роли смешались с точностью до наоборот. Только у меня почему-то это никакой радости не вызывало. Лишь горькая усмешка и полное непонимание.

Я водила трубочкой по дну до сих пор ещё полного бокала. Не знаю, зачем заказала этот коктейль. Алкоголь мне сейчас всё равно не поможет. Что может убить хандру? Возможно разговор с близким человеком, посиделки у телевизора за какой-нибудь бессмысленной ерундой и тарелка с любимыми сладостями. Я решила, что лучше всего сейчас будет поехать к Ане. Сестра всё равно ещё точно не спит, а залечивать мои душевные раны, она всегда гораздо.

Оставив коктейль, я уже хотела уходить из клуба, но не смогла даже пошевелиться, когда за спиной раздался ЕГО голос. Голос, который прошёлся по каждому позвонку, забрался в каждый уголок моего тела и вывернул душу наизнанку.

— Виски налейте.

Несмотря на лихорадящую всё тело дрожь, я тут же решила ускользнуть. Как-нибудь промелькнуть незамеченной. Не получилось. Стоило только немного повернуться, как я сразу же встретилась с его глазами, до этого каким-то ужасающе холодными и бесчувственными, но вдруг подёрнувшиеся каким-то глухим восторгом...который тут же погас. Через несколько секунд.

— Здравствуй, — он заговорил первым. Бармен поставил перед ним виски, но мужчина

даже не притронулся к бокалу.

— Здравствуй, — ответила так же спокойно, хотя голос дрожал.

Я пыталась себя заставить отвести взгляд. Отвернуться. Уйти. Убежать....Но не могла. Я смотрела в его глаза — такие холодные, такие ужасающе ледяные и видела в них боль, тоску, одиночество. Всё, что было отражением моего взгляда. Казалось, он так изменился и вместе с тем остался прежним....Эта чёртова ностальгия. Ностальгия не по ушедшему чувству, а по тому, что всё ещё рвет грудь и, наверное, всегда будет рвать.

— Как жизнь?

Мы продолжали смотреть друг другу в глаза, словно ни у кого не хватало сил отвести взгляд первым, да и вообще отвести взгляд...

— Нормально. Как и у всех. А у тебя?

Морщинка...на лбу появилась морщинка, раньше не было. Тут же возникло неконтролируемое желание разгладить, провести ладонью по его коже...

— Потихоньку-помаленьку...Ты здесь отдыхаешь? — спросил как-то слишком отстранёно. Даже немного наигранно. — Одна?

Как же дьявольски сильно мне захотелось улыбнуться после этого вопроса. Такого короткого, но вызвавшего просто небывалый восторг. Ревнует. Как всегда ревнует к каждому взгляду, каждому жесту. Чёртов собственник. Мой собственник.

— Одна, — могла бы, конечно соврать, заставить его поизвестись, но так надоела ложь...кругом и во всём. — А ты? Тоже отдыхаешь после тяжелого трудового дня?

Мужчина усмехнулся.

— У меня он ещё даже не заканчивался.

— Ты один?

Вроде бы вполне уместный сейчас вопрос, а щёки всё равно заплыли краской.

— Пока да. У меня тут назначена деловая встреча.

Почему-то после этих слов захотелось рассмеяться. Истерически. От переизбытка внезапно накотивших самых гадких эмоций.

— Деловая встреча? В клубе? Наверное, с какой-нибудь очень длинноногой красоткой!

Марк несколько секунд просто вглядывался в моё лицо, а потом краешки его губ растянулись в какой-то до жути довольной улыбке.

— Ревнуешь что ли?

Я резко отвела взгляд, обхватила губами трубочку и сделала несколько глотков коктейля. Не знаю, может алкоголь ударил в голову, а может так внезапно нахлынула злость, за то, что так легко отпустил, не стал бороться, просто исчез.

Вновь подняв на него взгляд, я с вызовом ответила.

— Может и ревную. А тебе-то что?

Краешки его губ начали подрагивать. У меня сложилось такое впечатление, что улыбка так и хотела расползтись в пол лица, но Марк сдерживался. Мой гнев немного поутих. Более того, наверное, я бы и сама улыбнулась, если бы не девушка, вдруг нарушавшая наше уединение. Красивая девушка. Правильные черты лица, шикарная фигура, бронзовая кожа. Вкус в одежде безупречен, а терпкий аромат духов, наверняка, притягивает взгляды всех мужчин в этом клубе.

— Марк извини, я немного опоздала. Ночь, а такие пробки. Но зато теперь я вся в твоём распоряжении, — невольно из моего горла вырвалась усмешка. Просто не смогла сдержаться, глядя на эту великолепную пару. Они и, правда, идеально друг другу подходили.

А Туманов не меняется. — Ой, простите,...я вас не заметила. Марк, а...

— Нет-нет, что вы. Я уже ухожу. Приятно кстати было увидеться.

Не посмотрев на Марка, я тут же бросилась прочь из этого клуба. Хотелось ко всем чертям свалить ещё и из города, может даже и из страны. Уехать туда, где нет его! Нет даже намёка на воспоминания о нём, которые преследуют меня повсюду.

Я собиралась поймать такси, но сильная мужская рука легла мне на плечо, и заставила обернуться. Туманов тяжело дышал. Его взгляд был насквозь пропитан каким-то непонятным мне страхом.

— Кристина...ты почему убежала?

— Не хотела мешать. В любви как говорится третий лишний.

Я усмехнулась, попытавшись скрыть за маской злорадства ужасную горечь и какие-то совершенно омерзительные чувства. Он всегда был и будет таким. Гулякой. Изменником. Предателем. Его всегда будет тянуть к другим...этого, похоже, не изменишь. Но самое паршивое, что я люблю его вот таким. Таким, какой он есть. Нет, я никогда и никому больше не позволю вытирать об себя ноги. Никогда и никому больше не прощу предательства,...но его всё равно буду любить. Не смотря ни на что.

— Какой любви?! Да ты всё не так поняла! Катерина — представитель фирмы, с которой мы тесно сотрудничаем. Сейчас у нас деловая встреча...

— В ночном клубе в половине одиннадцатого? — я резко перебила его. Не хотелось больше слушать это враньё.

— Да мы просто хотели обговорить всё в неформальной обстановке. Эти офисные стены ужасно давят, особенно под конец рабочего дня. А встретиться мы должны были ещё сорок минут назад, она опоздала. Мы сейчас бы уже закончили...

— Марк, — с каждым его словом на душе становилось всё более гадко. Ну, вот зачем он сейчас-то врёт? Мы уже не вместе. Да и разве я когда-нибудь устраивала ему допрос с пристрастиями? — Мне всё равно, что вы там должны были закончить. Зачем ты вообще оправдываешься? Я тебе не жена.

Его взгляд...Если честно мне стало немного по себе от этого взгляда. За огромной коркой льда, проскальзывал крик человека, который изо всех сил хотел что-то доказать, но его не слышали. Или не хотели слышать.

— Пожалуйста, я прошу тебя, давай поговорим.

Я смутилась. ‘Пожалуйста, прошу тебя...’. Когда Марк говорил мне такие слова? Разве он вообще умеет что-то просить?

— А как же твоя Катерина? Как же твоя деловая встреча?

— Не веришь? — он ухмыльнулся. Его глаза вдруг подёрнулись дымкой какой-то зверской ярости. — Хорошо. Пойдём, сама всё спросишь, узнаешь. Я покажу тебе документы, договора...

Он схватил меня за локоть и поволок к клубу. Только у самого входа, мне удалось вырваться из его захвата. Теперь уже я не знала, куда себя деть от злости.

— Туманов, ты ничего не попутал? Я не твоя Марина. Я не буду ничего проверять, рыться в бумагах и ‘общаться’ с твоими бабами, — потирая ноющее плечо, я неотрывно смотрела на мужчину и постепенно мой гнев начал спадать. Мне и самой ужасно, до ломоты в костях хотелось поехать с ним...и даже совершенно неважно куда. Главное, чтобы он был рядом... — Хорошо, если ты так хочешь, мы поговорим. Только недолго. Мне завтра на работу.

Он кивнул, как-то очень неуверенно взял меня за руку и повёл к своей машине. А я, с каждым новым шагом всё отчётливей понимала, что снова, сама же бросаю себя в уже испитую до дна чашу...

Подхватив меня под колени, он сразу же прижал меня к стене, как только мы переступили порог квартиры. Его рот жадно терзал мои губы. Руки, с каким-то диким остервенением разрывали в клочья одежду, оставляя болезненные отметины по всему телу. А я отвечала. Подогревала его безумие своим. Я с той же дикостью терзала его губы, впитывала в себя его запах, пыталась притянуть ещё ближе, слиться с ним воедино... Мне хотелось плакать, рыдать, стонать как подбитое изголодавшееся животное. МОЙ! МОЙ! МОЙ МУЖЧИНА!

Осторожно уложив меня на кровать, Марк медленно, одну за другой начал расстёгивать пуговички на моей блузке. Его взгляд был, поддёрнут дымкой страсти, но уже не такой как раньше. Огонь, зверское желание ворваться в моё тело, взять меня немедленно и где угодно сменилось какой-то совершенно непонятной мне осторожностью и сосредоточенностью. Непонятной до того самого момента, как Марк спустил лямки бюстгальтера, нежно провёл кончиком языка влажную дорожку от мочки уха до впадинки меж грудей, и подув на свернувшийся в тугую горошинку сосок, захватил его ртом. В эту секунду, я выгнулась дугой, нервно скомкала в ладонях простынь, обхватив ногами пояс мужчины. С моих губ сорвался жалостный переполненный сладкой мукой наслаждения стон. Только тогда, в ту самую минуту, я поняла, что произошло, в чём разница — Марк всё также бросал нас в огненное цунами, водопад чувств и эмоций, которые переходят всякую грань, доводят до такого пика исступления, что не только тело, но и душа разрывается на сотню мельчайших частей. И на этот раз Марк хотел, чтобы я сгорела первой. Он сосредоточено следил за моей реакцией на его ласки, на его смелые прикосновения и вместе с этим, я чувствовала, как он дрожит, как едва сдерживается, чтобы не вдавить меня в кровать своим телом. Когда одной рукой я вцепилась в его плечо, а пальцами другой поддёрнула полоску трусиков, медленно начав их стягивать, глаза мужчины потемнели. Он резко навалился на меня всем телом, завёл руки за головой, лишая возможности чувствовать под ладонями его разгорячённую кожу, ласкать его... Марк в считанные секунды избавил нас от одежды. Когда он разорвал мои трусики и отбросил их в сторону, вцепился руками в перила кровати, нависнув надо мной, я думала, что вот сейчас он возьмёт меня — со всей страстью и безудержной жадной дикостью, которая сводила меня с ума. Но я ошибалась. Марк всё-таки обладал железной выдержкой. Сосредоточенно смотря мне в глаза, ловя каждый вздох, каждый стон, сорвавшийся с моих губ, мужчина очень медленно начал погружаться в моё тело, растягивая самый первый, ни с чем несравнимый момент близости. Марк убивал меня вот этой самой нежностью. Я хотела, чтобы он терзал меня, врвался в моё тело как дикий изголодавшийся зверь. Мне не нужна была нежность. Мне нужен был он. Такой, какой он есть. Его настоящая натура. Безудержная, ненасытная, грубая.

Я обхватила ногами его бёдра, подавшись вперёд, приняв его в себя так глубоко, что меня прострелила судорога невыносимого наслаждения. Глаза мужчины потемнели. Он хрипло застонал мне в ухо, вцепившись в перила кровати с такой силой, что на его руках выступили вены. Он сотрясался от страсти, от безудержного наслаждения и я готова была завопить от восторга. Он мой! Он полностью в моей власти!

Когда Марк сжал челюсти с такой силой, что меж них проступили желваки и сделал последние рваные толчки, мужчина обессиленно рухнул на меня, дрожа, сотрясаясь каждой клеточкой тела. А я в ту же секунду последовала за ним. Не знаю, испытывала ли когда-нибудь, что-то подобное. Такое полное сумасшедшее удовольствие, граничащее с каким-то абсолютно диким восторгом. Так быстро. Сейчас он не был безудержным любовником, терзающим меня часы напролёт, но по моим щекам беспрерывно катились слёзы, возможно, совершенно ненормальной радости и счастья. У него никого не было. Я почему-то была в этом абсолютно уверена. Вот сейчас, собирая подушечками пальцев каждую капельку пота с его груди, я просто глупо улыбалась всего от одной мысли — он мой мужчина. Неважно где он и с кем. Он мой. Просто мой.

Закутавшись в простыню, я взяла с тумбочки пачку сигарет и тихо вышла на балкон. Холодный ветер, потрясающий вид на ночной заснеженный город и дым сигареты — все это создавало какое-то непередаваемое чувство умиротворения, спокойствия и может быть даже слабого лучика счастья. Кто знает, наверное, это всего лишь иллюзия. Временное помутнение. Но я больше не хочу накручивать себя этим. Сейчас мне хорошо, хорошо как никогда, а что будет завтра... да кому это к чёрту известно? Когда сильные руки обвили мою талию, и на мою шею легла взъерошенная мужская голова, я невольно вздрогнула. Поначалу не столько от пробежавшей по телу волны тихой радости и необыкновенного уюта, сколько от испуга. Всё-таки пора прекращать так глубоко уходить в свои мысли. Скоро вообще что-либо замечать перестану.

— С каких пор ты куришь?

Мужчина скривился, бросив взгляд на сигарету, от которой впрочем, остался лишь один окурок. Усмехнувшись, я выбросила тот с балкона.

— С тех пор как осталась одна.

Это не было упрёком, каким-то злорадством. Можно сказать, что в этот момент я даже не думала о Марке. Скорее о своей жизни в целом. Но мужчина, кажется, принял всё на свой счёт. Я скорее почувствовала, чем увидела, как сжались его челюсти, во взгляде промелькнули искорки глухой боли.

— Ты никогда не была одна. С того самого дня, когда мы впервые встретились, ты никогда не была одна.

Прозвучало как утверждение. Возможно, Марк был в этом уверен. Наверняка, уверен. Я не стала его разубеждать. Не стала говорить, что, в принципе, я по жизни одиночка. Я его люблю. Каждый миг с ним — действительно особенный для меня момент. Но я всегда знала, с самых первых дней нашего знакомства, что вместе мы не будем. Поэтому, даже, когда он был рядом, я всё равно, где-то глубоко внутри продолжала оставаться в одиночестве.

— Пойдём в спальню, уже холодно...

Марк не дал мне пройти в комнату. Осторожно, даже как-то робко положив ладони на мою талию, мужчина тихо произнёс:

— Кристина... скажи, всё что было... ты... ты что-то чувствовала ко мне или это было из-за ребёнка?

Убрав руки мужчины, я отошла на пару шагов, избегая его взглядом. Как же не хотелось к этому возвращаться. Снова всё вспоминать, ворошить, только начинающие затягиваться раны.

— Давай не будем. Что было, то было. Какая теперь разница?

— Есть разница, — обхватив моё лицо ладонями, он заставил мне встретиться с ним взглядом, посмотреть в его глаза, прочувствовать всё то, что кажется, уже давно не давало ему покоя — смятение, неуверенность, даже какой-то страх. Я понимала, что от разговора всё равно не уйдёшь. И может быть будет лучше выяснить всё сейчас. — Для меня есть разница.

— Я ещё никогда ничего в своей жизни не делала по холодному расчёту. На какие-то бы ни было поступки меня, всегда толкали чувства...разные, но всё-таки чувства.

Я не соврала. У меня было время, чтобы прокрутить в голове последние месяцы своей жизни, осмыслить их. Я ведь в самые первые дни нашего знакомства, уже что-то чувствовала к нему. Не любовь, конечно. Скорее даже какой-то негатив, но главное не безразличие.

Не знаю, что с ним произошло. Как на него подействовали мои слова. Но почему-то взгляд мужчины кардинально изменился. Он смотрел на меня, так...как никогда раньше. Ещё ни разу в жизни я не видела в его глазах абсолютной жёсткой решимости.

— Знаешь, — твёрдо произнёс мужчина, обхватив моё лицо руками, — ты больше никогда не будешь курить.

Не знаю, что именно я чувствовала, когда прижавшись к двери, провожала его глазами до лифта. Вроде бы такая обыденная сцена. Я уже давно должна была привыкнуть. Да я и привыкла...просто как-то странно. Что-то было не так. То ли его взгляд, то ли странный вопрос, который он задал, прежде чем скрыться за дверьми лифта:

— Ты меня дождёшься?

Я только смутно могла догадываться, о чём он. Наверное, о своей семье, если так можно говорить. Опять хотел уйти от жены, но не знал как? Меня это уже даже не смешило. Вот к чему к чему, а к таким сценам я уже пропиталась полным безразличием.

— Не знаю, Марк. Я слишком устала ждать.

Открыв дверь своим ключом, и войдя в квартиру, мужчина, даже не разуваясь, сразу прошёл на кухню. Марина всегда сидела именно там...когда ждала его ночью. Обычно мужчина испытывал в такие моменты страх, укол совести перед женой, а сейчас ничего этого не было. Просто какая-то совершенно холодная решимость.

Увидев его, Марина подскочила со стула, наверняка хотела опять начать истерику, Марк отчётливо понял это по её упрекающему взгляду, но вдруг передумала. Мужчина усмехнулся, прекрасно понимая, чем вызвано такое спокойствие жены. Страхом. Когда он вернулся, Марина клятвенно обещала, что больше никогда не будет его ни в чём упрекать, закатывать истерик. Фактически это было официальным разрешением ходить налево. Только Марк также видел, как расцвела жены за последнее время, наверное, именно из-за того, что он этим разрешением не воспользовался. Просто не захотел. И вовсе не из-за чувства долга перед Мариной.

— Ты что-нибудь будешь? Я могу картошку разогреть.

Голос спокойный, но некая обида всё же проскальзывает. Почему-то Марку показалось, что жена хотела услышать от него извинения, пламенные клятвы в любви и верности как это было раньше. Только 'раньше' осталось в прошлом.

— Я хочу с тобой поговорить. Сядь, пожалуйста, — упрёк в глазах жены отчего-то вмиг испарился. На смену ему пришло беспокойство и волнение. Когда Марина села обратно на стул, Марк продолжил. Всё также холодно, почему-то абсолютно спокойно, без каких-либо

угрызений, смотря ей в глаза. — Я уйду. Прими это просто как должное и неизбежное. На развод лучше подать как можно скорее. Не надо растягивать. О разделе имущества не будем даже заморачиваться. Квартира, дача, машина, часть акций — всё тебе и нашему ребёнку. Я хочу, чтобы ты сразу поняла. Как бы мы не расстались, какие бы отношения у нас в дальнейшем не сложились — я буду участвовать в жизни своего ребёнка. И не только материально. Все вопросы решим завтра. Вещи я тоже сейчас забирать не буду. Постараюсь завтра после работы приехать пораньше, и мы всё обсудим. Я кстати, уже позвонил твоей Ольге, она должна скоро приехать.... Впрочем, если хочешь, можешь отменить встречу. Я просто подумал, что с ней тебе будет легче.

Марка больно кольнуло вот это застывшее в глазах жены чувство. Ни упрека, ни обиды, даже ни боли,...а безысходности. Мужчине и, правда, было скверно. Да он не любил Марину, да между ними уже всё давно погасло, но она не последний человек в его жизни. Она, в конце концов, мать его будущего ребёнка, и меньше всего Марк хотел причинять ей боль. Только и тянуть уже больше нельзя. Марина не устроила истерик. Она не стала, как в прошлый раз слёзно умолять его остаться. Только, когда Марк уже уходил, в самых дверях она тихо спросила:

— К ней?

Он замер, с трудом проглотив образовавшийся в горле ком. Лучше было соврать, возможно бы, это причинило ей меньшую боль, но и дало надежду. Ложную надежду. Марк больше не хотел, да просто и не мог так изощрённо над ней издеваться.

— От тебя. Не могу больше с тобой, лучше уж одному.

Словно и не слышала бесконечного трезвона, девушка опустилась в тёплую воду, всего на несколько секунд блаженно прикрыв глаза. Когда она вновь распахнула веки, она взяла с краешка ванны бритвочку, с какой-то дьявольской улыбкой на губах сделав первый надрез.

Уже больше часа Марк гипнотизировал двери реанимации стеклянным взглядом. Мужчина сам не знал, что он чувствует. Самое страшное миновало. Марина пришла в себя, никаких угроз для жизни и здоровья не было. Полчаса назад от неё вышел психолог, который сообщил, что хоть у женщины и есть небольшое нервное расстройство и излишнее переутомление, с сознанием всё в порядке. Сейчас с ней разговаривал отец, который прежде чем зайти к дочери, прожёл Туманова ненавидящим взглядом. Хотя на Марка это никак не подействовало. Если быть откровенным, мужчина ведь предполагал что-то подобное. В последнее время, ему казалось, что Марина способна на самые безрассудные поступки. Поэтому, боясь оставить её одну, он и позвонил Ольге. А когда та, связалась с ним уже под утро, в тот самый момент, когда он собирался подниматься к Кристине, он признаться, даже не был шокирован сообщением, что Марина попыталась покончить с собой. Как бы цинично это не звучало, но мужчина даже не испытывал особой тревоги. Конечно, волнение не отпускало до того самого момента, когда врач сообщил, что всё обошлось. Но Туманов почему-то изначально думал, что трагедией эта история не закончится. Может быть Марк и наивен, но не до такой степени, чтобы не догадаться, что весь этот спектакль был разыгран специально для него. Непонятно только, о чём она думала? Неужели не понимала, что весь этот маскарад развалится? В ванну она залезла, по всей видимости, когда Ольга уже начала трезвонить в дверь, которая почему-то была закрыта только на верхний замок, ключи от которого были и у Марка, и у Марины, и у Ольги, так как та часто бывала в их доме. Да и

вены-то она собственно как таковые не резала. Надрезы неглубокие и в основном прошлись по коже на запястья. Но, несмотря на это, жена всё равно добилась своего. Он здесь, напротив дверей её палаты, когда он уже был в шаге от полного разрушения прежней жизни. Кроме того здесь ещё её отец, и Марк прекрасно понимал, что тот сделает, выйдя от дочери. От единственной дочери и вообще единственного ребёнка. Последнее слово, особенно больно резануло по сердцу. Вот, что на самом деле повергло Туманова в шок. Когда он спросил у врача, что с ребёнком, тот удивлённо на него покосился, потом вышел куда-то, вернулся минут через двадцать и, пожимая плечами, ответил, что никакого ребёнка и не было. Не то, чтобы Марк всё это время был окрылён мыслью о скором отцовстве. Наоборот, он вообще ничего такого не чувствовал. Жизнь протекала в обычном ритме без каких-либо изменений. Но мужчина всё равно, еле смог совладать собой, узнав, что это всё... Приличных слов просто не было. Звучит, наверное, глупо и избито, но вот чего-чего, а этого он точно ожидать не мог. Да он даже ни разу не усомнился в беременности Марины. Во-первых, потому что жил с ней бок о бок больше семи лет и ему казалось, что он уже всё знает об этом человеке. А во-вторых, ну никак Марк не мог предположить, что Марина попытается удержать его таким способом. Хотя надо сказать, попытка почти удалась. Мужчине даже рассмеяться захотелось. Какое же всё-таки у женщин изощрённое абсолютно непредсказуемое сознание. При желании они в два щелчка пальцев дадут фору любому мужчине. Всё это время он думал, что Марина — блик, какая-то уже померкшая и одновременно полностью зависящая от него фигура. А в действительности всё совсем наоборот. Это он, кажется, уже давно превратился в пешку, на её безупречном шахматном поле.

Когда тесть вышел в коридор, Марк поднялся со скамьи, и уже через пару секунд чуть не оказался прибитым к полу. Молниеносный удар в челюсть подкосил Туманова, хоть и не лишил равновесия. Мужчина не стал отвечать. Он понимал тестя. Понимал, именно как отца, каковым он впрочем, никогда не был. Хотя нет, был. Один раз. И узнал он о существовании своего малыша, в тот день, когда его не стало.

Схватив Марка за шиворот, разгневанный мужчина пригвоздил его к стене, буквально прорычав ему в лицо:

— Ты, что сделал? Падаль, ты что натворил?! Я же тебя просто уничтожу, я тебя за дочь, мразь, в порошок сотру! Я...

Мужчина резко схватился за сердце, жадно начал глотать ртом воздух, и Марк тут же усадил его на скамью. Ослабил узел галстука, хотел побежать за врачом, но тесть отдернул его за руку.

— Стой! Объясни мне всё сейчас же! Немедленно, слышишь?! Я хочу, знать, что у вас происходит. Как такое могло случиться? Говори!

Туманов не стал юлить, уходить от разговора. Мужчина волновался, что тестю может стать совсем плохо, но решил сразу сказать всё, как есть.

— Мы с Мариной разводимся.

Глаза пожилого мужчины увеличились до размера блюдца. Расстегнув верхние пуговицы на рубашке, он закрыл глаза, несколько секунд сидел, не шевелясь, а потом спокойно спросил:

— Чья была инициатива?

Можно было соврать. Увернуться, что, мол, оба так решили. Но, тогда, Марк

окончательно перестал бы воспринимать себя и как человека и как мужчину. Тогда бы он превратился в скользкое липкое ничтожество. Тряпку, не способную отвечать за свои поступки.

— Моя.

Пожилой мужчина ещё несколько секунд сидел с закрытыми глазами, не произнося ни слова, а потом, резко распахнув веки, глянул на него с ненавистью, с презрением.

— Какая же ты всё-таки мразь, Туманов. Даже руки о твою морду пачкать не хочется! Ты, хотя бы когда-нибудь, хоть раз в жизни держал своё слово? Ты помнишь, что ты обещал мне в день, когда женился на моей дочери? ‘Буду любить, оберегать и заботиться о ней вечно. За мной она как за каменной стеной’. Это так ты о ней заботишься? Это она из-за твоей вселенской любви вены вскрыла? Может это и эгоистично, но вот именно эти слова не вызывали в нём никакого чувства вины. Скорее только усмешку.

— Своего обещания я не сдержал, это правда. Только вены ваша дочь не вскрывала. А в этой больнице она оказалась по собственной глупости.

Марк ожидал, что после этих слов тесть окончательно выйдет из себя, набросится на него с кулаками. И он бы не стал отвечать. Заслужил. Вот именно перед этим мужчиной он действительно был виноват. Только тесть не накинулся на него. Он лишь устало запрокинул голову, с какой-то невероятной тоской глянув на Марка.

— Ты думаешь, я старый дурак, который из ума выжил? Ты, правда, считаешь, что я ничего не понимаю, ничего не вижу? Да, я безумно люблю свою дочь. Она мой единственный ребёнок, самый родной и близкий человек, который у меня есть на этом свете. Но я прекрасно понимаю, что она неидеальна. В какой-то степени она глупа, наивна. Несмотря на то, что ей уже скоро тридцать, она, кажется, так и осталась несмышлёным ребёнком. Я всё знаю. И про вены, и про беременность... Она виновата, безусловно. Только это ты её довёл. Ты толкнул её на это своим бесконечным бл*дством!

Мужчина стянул с шеи галстук, жадно вдохнув ртом воздух. Марк не стал пытаться как-то оправдываться. Зачем? Это правда. Наверное, первый раз в жизни, его окружает одна правда. Горькая жестокая. Таковую, какую он сам и заслужил.

— Послушай, что я тебе скажу. Я в браке уже почти сорок лет. И думаешь, всё это время я был святым мужем? Случались у меня грехи. И довольно, кстати, часто случались. Но я никогда не тащил это в семью. Никогда не заставлял из-за собственных слабостей страдать близких мне людей. Я всё понимаю, брак, даже с самой прекрасной женщиной рано или поздно стягивает верёвку на горле, дышать становится трудно. Роман или лёгкая интрижка с прекрасной очаровательной, словно только что распутившийся цветок девушкой, подпитывает вкус к жизни. Но не надо путать такие чувства как любовь и влюблённость. По собственному опыту знаю, что последнее проходит довольно быстро. Любовниц за всю жизнь может быть много, некоторых я сейчас и не вспомню. Но жена об этом ничего не должна знать. Понимаешь, ты это или нет? Жена это ведь тот человек, с которым ты не просто, как с этими всеми девицами делишь кровать, жена — прежде всего твой собственный выбор. Это мать твоих детей. Это человек, который не бросит в трудную минуту. Её нужно не только любить, но и в первую очередь уважать. Вот, например, моя Ксения, один или два раза за все сорок лет устроила мне сцены ревности, и то, никаких поводов не было. Так, просто коготки выпустила. Я всегда оберегал свою семью. И надеялся, что ты, сучья морда, будешь делать то же самое! Ну, нравится тебе какая-то баба, не выдержал, трахнул её, ну и хер с ним. Главное, сделай так, чтобы до Марины это никак не

дошло. Понимаешь ты это своей тупой башкой?

Марк усмехнулся. Кажется только теперь, он начинал всё понимать. Вот эта семейка. Сначала Марина, теперь её отец, абсолютно свободно разрешают ему гулять 'налево'. Если честно, Туманов не ожидал такого разговора от тестя. Тот вообще старался никогда не вмешиваться в их личную жизнь. Марку иногда даже казалось, что он толком и не в курсе, что у них происходит. А оказывается в курсе. Ещё как в курсе.

— Ну, вот что. Ты сейчас пойдёшь к Марине. Делай, что хочешь: в ногах валяйся, слёзы из себя дави, клянись в вечной верности и любви, но чтобы я больше никогда не видел слёз в глазах своей дочери. И о разводе даже не заикайся. Всё у вас ещё наладится. И дети будут, и бизнес свой расширишь. В этом-то я уж хорошо помогу. С бабой своей, не знаю уж кто она там, чтоб сегодня же порвал. Звони этой девке, плети ей что хочешь, но чтобы она больше не появлялась в вашей жизни. И впредь тысячу раз подумай, прежде чем налево свернуть. Не умеешь следы заметать? Тогда даже глазом на других баб не смотри. Если моя дочь из-за тебя ещё хоть слезинку обронит, клянусь, я тебя с землёй сравню!

Марк встал со скамьи. Порылся в кармане джинс в поисках сигарет, и, не обнаружив их, тихо выругался. Как же хотелось курить. Хотелось так невыносимо, что скулы сводило, в глазах рябило. Почему-то из груди мужчины рвался смех. Какой-то истерический дьявольский смех. Сегодняшний день, без всяких преувеличений стал переломным в его жизни. Он разделил всё на 'до' и 'после'. И почему-то каждая минута, каждая секунда из страницы 'до' вызывала такое дьявольское бешеное отвращение, будто мужчина весь извалялся в грязи. А ведь ещё совсем недавно, он считал себя вполне счастливым и удачливым человеком. Какой же бред.

— Я вашу дочь обязательно навещу, но позже.

Тесть медленно поднялся со скамьи. Меж его сжатых скул проступили желваки.

— Что значит 'позже'?

- 'Позже' значит 'позже'. Когда будут готовы документы о разводе. Не волнуйтесь, это не займёт много времени.

— Ты...твою мать, сучёнок, ты совсем охренел? Ты не слышал, что я тебе только что сказал?

— Слышал. Я всё прекрасно слышал. И кстати жаль, что этот разговор у нас состоялся только сейчас, а не перед свадьбой, к примеру. Тогда бы вы научили меня, как лучше заметать следы, с какими бабами можно кувыркаться, а каких лучше обходить стороной. А то вдруг жене взболтнут. И дочке бы своей вам стояло объяснить, что не нужно выходить замуж за такую гнилую падаль как я. Ведь за семь лет брака...можно стать такой же мразью.

Марк гнал машину по ночному городу, выкидывая на дорогу один за другим окурок сигарет. Из приоткрытого окна в лицо дул холодный поток ветра, и мужчина чувствовал какую-то необычайную свободу. Именно душевную свободу. Марк абсолютно точно понимал, что его теперь ждёт. Настоящая бойня. Война, в которой он может погибнуть. Именно погибнуть, не проиграть. Но мужчину подхлестывало это чувство. Вот именно осознание того, что он первый раз в жизни, сам принял решение, и теперь сам будет нести за него ответственность. Да, наверное, смешно звучит. Мужу тридцать лет, а он впервые что-то самостоятельно решил в своей жизни. Но это так. Только сейчас Марк понял, что это действительно так. Что было раньше? Да раньше он был дерьмом. Как бы грубо это не звучало, но он был обыкновенной легкоуправляемой марионеткой. Он всегда думал, что это

от него всё зависит. Бред. Ничего и никогда от него не зависело. Он жалел, и в какой-то степени всё равно чувствовал себя виноватым перед женой, совершенно не понимая, что ей всё это нравится. Да, ей чёрт подери нравится быть жертвой. Бедненькой и несчастной женой, от которой постоянно гуляет мерзавец-муж. Ей нравилось, что её все жалеют, и она приходила в дикий восторг от осознания, что никуда он от неё не денется. Погуляет-погуляет и вернётся домой. Как сорвавшийся с поводка кобель. Он по-сути её ручной пёсик. Её и её отца. Тесть нашёл хорошую партию для своей дочки. Перспективный парень из хорошей семьи, с большими амбициями и планами на будущее. Планами, которые именно тесть воплотил в жизнь. Аккуратненько так, прозрачно. Настолько прозрачно, что Марк в какой-то момент поверил, что всего в жизни он добился сам. Абсолютная ересь. Нет ничего, что он бы действительно сделал самостоятельно. Точнее не было, до сегодняшнего дня. Марк понимал, что он полностью перечеркнул всё, что было раньше. Понимал, что теперь он может потерять всё...И одновременно никак не мог осознать, а можно ли вообще что-то потерять, если итак ничего не было?

Туманов даже не заметил, как подъехал к её дому. В буквальном смысле колёса сами его привезли. Посмотрел на окно спальни. Свет не горит. Наверное, спит...или ушла. Это ведь та самая квартира, которую он купил для них. Тогда он совершенно безумно мечтал, что они каждое утро будут просыпаться вместе, а каждый вечер засыпать. Сумасшедшие желания. Как много изменилось с того времени, хотя прошло-то всего ничего. Что значит для него Кристина? Кто она? Как смогла за одно мгновение перевернуть всю его жизнь? Точнее нет, она заставила его, ЕГО САМОГО всё изменить. Где та граница власти женщины над мужчиной, который дьявольски желает? Есть ли она вообще?

Марк нерешительно нажал на звонок, сцепив между собой дрожащие пальцы. Нерешительно, потому что он боялся её разбудить. Глупо, наверное. Но он действительно не хотел тревожить её сон. Помнил, какое у неё прекрасное личико, когда она только разлепляет глазки, вытирает ладошкой мокрую щёчку, так смешно зевает, высовывая кончик языка...

Дверь медленно отворилась, и поначалу, когда Марк увидел Кристину, с растрёпанными волосами, сонными глазками, совсем не накрашенную, у него невыносимо защемило в груди. Защемило от чувства какого-то хрупкого и совершенно непередаваемого счастья. Но это продлилось всего несколько секунд. Пока в её сонных глазках не поселился холод. Холод, который прошёлся ледяной волной по всему его телу.

— Разбудил?

— Да, и спасибо, кстати. У меня будильник не прозвенел, а на работе уже через час надо быть.

Голос такой же холодный. Марку стало не по себе. Она разговаривала с ним как с каким-то дальним знакомым. Будто и не было между ними ничего. Будто только не этой ночью, она исступленно покрывала поцелуями его лицо, задыхаясь от страсти...

— Можно войти?

— Можно. Только подожди немного, я уже минут через двадцать уйду.

А вот это уже по сердцу резануло. Нет, она разговаривала с ним ни как со старым знакомым. А как с человеком, который ей опротивел, осточертел.

— А сейчас? Сейчас мне под дверью ждать?

— Почему под дверью? — в её голосе звучало искреннее удивление. — Ты ведь на машине вроде?

Как будто в душу плюнула. Лучше бы уж пощёчину дала или рассмеялась. Сжав челюсти, Марк почувствовал, как медленно начинает закипать.

— Ты не можешь впустить меня в квартиру? Не можешь переносить моё присутствие? Я тебе настолько опротивел? А как же сегодняшняя ночь?

— А, что было сегодня ночью? — голос совершенно спокойный. Будто она и вправду ничего не понимала. — Секс? С каких пор это что-то значит для тебя?

Странно, но именно после этих слов, тревога в душе мужчины немного поутихла, как и начинающаяся разгораться ярость. Она злится. А ещё обижается. Обижается, наверное, потому что он ушёл. А ведь он ей толком и ничего не объяснил.

— Нам нужно поговорить. Это важно.

— Для меня важно вовремя прийти на работу. Я только недавно устроилась, не хочу, чтобы обо мне сложилось дурное мнение.

Марка опять подстегнула злость. Работа? Работа важнее, чем он?

— Я развожусь, — сказал с вызовом, какой-то, наверное, детской обидой.

Брови девушки удивлённо поползли кверху. Скрестив руки на груди, она усмехнулась.

— Надолго?

— Что?

Марку сначала показалось, что он просто не расслышал.

— Я спрашиваю, надолго в этот раз? Ну, приблизительно, когда ты думаешь, жена сообщит тебе, что у вас двойня, и ты сожмёшь её в крепких объятиях?

Марк не знал, какие чувства разгорелись в нём сильнее. То ли злость на Кристину. За то, что упорно не хочет его понять, услышать. То ли горечь от осознания, что он совершенно не вызывает у неё никакого доверия. И она это не скрывает. Говорит открыто. Единственный человек, который всё говорит, глядя в глаза.

— Навсегда. Слышишь? Навсегда!

— Навсегда? Понятие соизмеримое с вечностью. А, как известно, нет ничего вечного. Всё имеет свой срок годности. Сегодня ты навсегда ушёл от жены, как я поняла ради меня. Завтра или через год ты навсегда уйдёшь от меня, ради какой-нибудь другой женщины. И так будет по кругу. Я хочу, чтобы ты понял, я не сужу и не обвиняю. Просто сразу говорю... зайди в квартиру через двадцать минут.

Марку не было больно. Это не то чувство, которое могло передать его состояние. Сейчас его мог понять только тот, кто когда-нибудь испытывал разочарование. Разочарование ни в ком-то, а в самом себе. Кто, когда-нибудь видел в глазах родного человека безразличие, усталость и просто полное отсутствие доверия.

— Я хочу...

— Я знаю, чего ты хочешь. Но ты должен понять, чего хочу я. Я хочу, чтобы ты меня оставил. Просто исчез. У нас с тобой ничего не получится. Звучит банально, но мы слишком разные люди. Я не Марина. Я не буду всю ночь ждать тебя от другой женщины. Не буду закатывать скандалов, рвать волосы, лить слёзы. Я, просто молча, выставлю за дверь со всеми вещами. Я тот человек, который может простить всё, но никогда ничего не забудет. Я ужасно злопамятна, и не даю второго шанса. Никогда. А мой дом — не приют, для временно ушедших из семьи. Запомни это, пожалуйста,... и больше никогда не приходи.

Она захлопнула дверь. Спокойно. С бесстрастным выражением лица. А Марк только

сейчас абсолютно точно осознал, что он в шаге от пропасти. Потеряет эту женщину — сорвётся вниз. Но есть ли ещё хоть какой-то шанс вернуть её?

Отложив нож, я достала из верхнего ящика пластырь, наклеив его на порез. Чёрт, ещё даже одну картошку не дочистила, зато уже два раза руку поранила. Хотя удивительно, что вообще до локтя не срезала. Уже больше получаса не могу оторвать взгляд от окна. Не знаю, почему меня всегда завораживала такая погода. Холодная пасмурная, иногда навивающая лёгкую грусть, а иногда тоску и уныние. Зима потихоньку начала отступать. Снег уже практически весь растаял, температура поползла вверх. Правда, всё равно было ужасно холодно и весной даже не пахло. Ледяной ветер, сгущающиеся на небе тучи и практически непрерывные дожди, из-за которых мне за эти две недели пришлось полюбить резиновые сапоги. Кажется, что солнце намеренно обходило наш город стороной. Складывалось такое ощущение, что мы снова перенеслись на три месяца назад, в холодную пасмурную осень. Для одних — время волнующей ностальгии, лёгкой грусти и между тем какого-то необычайного душевного спокойствия. Для других — погружение в меланхолию, полную апатию ко всему. Я сейчас, пожалуй, относилась к разряду ‘другие’. Мне казалось, что я не живу, а скорее наблюдаю за своей жизнью со стороны. Как какой-то случайный, совершенно безразличный прохожий. Я вспоминала всё, что произошло за этот год, а точнее начиная с того момента, как Ваня сказал мне про операцию и в моей душе поселилась надежда. Даже не просто надежда, а какое-то восторженное, безумно радостное чувство. Я ведь почти не сомневалась, что всё получится. В какой-то степени я даже была уверена, что скоро придётся закупать детские вещички и игрушки. А потом появился он... Иногда, я задаюсь вопросом. Чтобы было, если бы я его не встретила? Если бы, как и хотела, решилась на искусственное оплодотворение? Возможно, а точнее, наверняка, я бы уже стала счастливой мамочкой. Впрочем, как только такие мысли подбирались к моему сознанию, я сразу старалась их отсеять. Зачем терзать себя из-за уже совершённых ошибок? Даже, если, что-то и можно вернуть, зачем убиваться из-за уже случившегося? Сделано и сделано. Понимаешь, что оступился, впредь иди по иному пути. Но не надо рвать волосы и лить слёзы. Меняйся внутри, помни о том, что было, но живи сегодняшним днём.

Правда, в моём случае, это было крайне тяжело сделать. Потому что моя ‘ошибка’ каждый вечер поджидала меня у подъезда. И с каждым разом становилось всё тяжелее и тяжелее просто проходить мимо, не избегая взглядом, а наоборот совершенно спокойно смотря в обволакивающие тоской, скрытой болью и всё же какой-то ещё треплющейся надеждой глаза. Он ничего не говорил. Только вставал со скамьи, когда я подходила к подъезду, и лишь взглядом провожал до двери. В его руках всегда был неизменный букет. Один вечер пионы. Другой — розы. Мои самые любимые цветы, которые завершали свой короткий путь в урне, среди кучи мусора и отходов. Я их не выкидывала. Просто рука бы на такую красоту не поднялась. Марк делал это за меня. Он знал, что я никогда не приму букета, но каждый вечер всё равно ждал меня с ним у подъезда. Иногда мне казалось, что моё терпение уже на самом исходе. Может я не слабачка. Может у меня и есть какая-то сила воли, но... это уже за гранью. Я часами сидела у окна, разрываясь от невыносимого желания плюнуть на всё. Сорваться. Упасть в эту чёртову пропасть...ведь хуже уже всё равно не может быть.

Марк уходил только под самое утро. Иногда даже засыпал на лавочке, хотя рядом была припаркована его машина. Наверное, он испытывал меня. Когда я отвергла его, я

предполагала, что он не сдастся. Или по крайней мере не сразу. Но я даже не думала, что он будет так изошрённо издеваться. Никаких клятв, извинений и всего в этом духе. Всё совсем наоборот. Он заставлял меня саму, практически до боли желать выбежать к нему, броситься на шею и вдыхать до головокружения его запах.

Я знала, что рано или поздно всё должно прекратиться. И исхода было только два: либо он сдастся первым, либо я. Если второе — то это конец. Звучит, наверное, банально, но у нас действительно нет будущего. Всё это время меня распяляла мысль о ребёнке и какое-то дьявольское желание, наконец, почувствовать себя любимой, почувствовать себя женщиной. Его подстёгивала вот эта запретная страсть. Когда нельзя, но очень-очень хочется. Хочется так сильно, что рано или поздно становится наплевать на все запреты.

Мои иллюзии уже развеялись. Я вернулась с небес на землю. Как скоро это произойдёт с Марком, всего лишь вопрос времени. Он всё равно очнётся. Поймёт, что это вовсе не любовь и даже не что-то отдалённо на неё похожее. И вот именно поэтому лучше разорвать всё сейчас. Пока не стало ещё больше.

— Ну и что ты намерен делать?

Голос пожилого мужчины был совершенно спокоен, хотя он прекрасно понимал, насколько плохи дела компании.

Закурив, Марк ответил с каким-то полным безразличием:

— Свяжусь с Ефремовым. Месяц назад мы уже обсуждали возможность сотрудничества.

— Брось, — Похоменко криво усмехнулся. — Как будто сам не знаешь, что месяц назад всё было совсем по-другому. Ефремов уже лет пять грызёт землю зубами в надежде пробраться к твоему тестю. Зачем ему сейчас ввязываться в наши проблемы, если, как я понял, с Крестецким мы теперь на ножах?

Марк достал из кармана пиджака сигарету, закурил. Несколько минут мужчина неотрывно смотрел на какую-то невидимую точку на стене, а потом, совершенно безразлично произнёс:

— Да, наверное, вы правы. Но попробовать всё равно стоит. В любом случае, хуже не будет.

Сцепив пальцы в замок, Похоменко вкрадчиво, очень осторожно спросил:

— Марк скажи, может ещё есть какая-то возможность не прибегать к крайним мерам? Мне кажется, тебе стоит поговорить с тестем...

— С бывшим тестем, — резко перебил Туманов.

Брови Похоменко удивлённо сошлись на переносице.

— Вы разве с Мариной уже развелись?

— Почти.

— Марк, — мужчина тяжело вздохнул. — Ты ведь знаешь, я никогда не вмешиваюсь в чужую жизнь. Но так уж вышло, что твои отношения с Мариной, а в частности с её отцом, очень сильно отражаются на компании, и чего скрывать, на всех её сотрудниках. В частности и на мне. Поэтому я прошу тебя триста раз подумать, прежде чем рубить с плеча. Может ещё есть шанс всё исправить? Марина любит тебя и я уверен...

— Это исключено. Такой вариант даже не рассматривается.

Марк потушил сигарету о пепельницу, откинувшись на спинку стула. Мужчина устало закрыл глаза. Прошло всего две недели, а такое ощущение, что лет десять пахал без отпусков и выходных. Да, не подрастал он силы, когда ввязывался в войну с Крестецким. Тесть в два

щелчка пальцев перекрыл ему кислород. Причём сделав это не своими руками. А теперь уже поздно отступать. Да даже бы, если и была возможность, Марк скорее бы пулю себе в лоб пустил, чем воспользовался ей.

— А твой отец в курсе всех этих событий? Ты сообщил ему?

Туманов вдруг резко открыл глаза, поддался, вперёд, зло усмехнувшись:

— А почему я интересно должен был ему что-то сообщать? Какое отношение отец имеет к ‘Visitorfort’? Или вы считаете, что я не в состоянии решать свои проблемы? Думаете, потеряв поддержку тестя, сразу побегу за помощью к отцу? Сам в это дерьмо вляпался, сам и выбираться буду.

Похоменко долго молчал, внимательно вглядываясь в лицо Марка. А потом его губы неожиданно растянулись в улыбке.

— Знаешь, а я бы очень хотел познакомиться с этой девушкой.

Марк удивлённо вскинул брови.

— С какой девушкой?

— С той, ради которой ты так изменился.

Взгляд Туманова резко помрачнел. Выпрямившись, мужчина серьёзно произнёс.

— Я ничего не делаю ради кого-то. Я вообще эгоист по жизни. И если я уж и изменился, то значит, так было нужно мне.

— Да, в это я охотно верю. Знаешь, ты точная копия своего отца. Он был таким же. Дамский угодник, практически ни одну хорошенькую девушку не мог взглядом обойти. Пока твою мать не встретил. Только ты сам знаешь, чем эта история закончилась.

Похоменко замолчал на несколько минут, а Марк криво усмехнулся. Конечно, знал. Он хорошо помнил, с каким скандалом развелись родители. Под конец брака они уже ненавидели друг друга. И ведь причины банальны. Просто наскучили. Осточертели настолько, что мать до сих пор фыркает каждый раз, когда Марк заикается об отце. А отец, лишней раз старается даже не произносить имя бывшей жены.

— К чему вы это?

— К тому, что любые отношения, любые чувства, к сожалению, имеют пагубное свойство рано или поздно остывать или вовсе проходить. А бизнес есть бизнес. Мне кажется, не совсем дальновидно рисковать карьерой ради женщины.

Усмехнувшись, Марк совершенно серьёзно произнёс:

— Это не ради женщины. И я не рискую бизнесом. У меня его пока нет. У меня вообще пока ничего нет. Даже кабинет, в котором мы с вами сейчас сидим, фактически принадлежит совсем другим людям. Мне всего лишь позволили играть в ‘большого начальника’. Да вы ведь и сами это прекрасно понимаете?

Похоменко сосредоточенно смотрел на Марка. Мужчина нахмурился, теперь его голос звучал жёстко, без тени усмешки.

— И всё-таки мне бы очень хотелось познакомиться с этой девушкой.

— На свадьбу приглашу.

Первый раз за весь вечер губы Марка растянулись в улыбке.

— Ты сначала разведись, Казанова, — усмехнувшись, Похоменко поддался вперёд. — И всё-таки, что ты собираешься теперь делать?

— Серый должен с минуты на минуты позвонить. Сначала поговорю с ним, а там посмотрим, — усмехнувшись, Марк взял со стола завибрировавший телефон. — О, а вот и звоночек.

Разговор продлился недолго. От силы около минуты. Туманов практически ничего и не произнёс, только выслушал Ветрова и сбросил вызов, положив телефон обратно на стол. Лицо мужчины было каменным.

— Знаете, — Марк задумчиво произнёс. — Иногда кажется, что у тебя так много друзей. Каждый вечер кто-нибудь зовёт в бар, в клуб. Порой даже устаёшь от этих... приятелей. Но оказывается, только когда у тебя начинаются какие-то проблемы, ты реально узнаешь, кому ты на самом деле нужен.

— И кому же ты нужен?

Марк усмехнулся, уставившись в потолок остекленевшим взглядом.

— Выходит что никому.

Я долго не решалась, открывать дверь или нет. Но когда Марк заплетающимся языком начал нести какую-то несусветную ересь, при этом долбясь в квартиру, я всё-таки решила не дожидаться, пока соседи вызовут полицию.

Распахнув дверь, я чуть было не отступила на пару шагов назад. От Марка ужасно несло спиртным. И сам мужчина, улыбаясь как умалишённый, едва держался на ногах.

— Птичка моя, а я вот...в гости заглянул. Цветочки уже все были закрыты, но у вас такая потрясающая клумба у дома росла...

Икнув, Марк с довольной улыбкой протянул мне пучок мокрой завядшей травы.

— Что ты здесь делаешь?

— Как что? — Марк опять икнул, пошатнулся, и чуть было не грохнулся на бетонный пол. В последний момент мне удалось ухватить его за локоть. — Я к тебе пришёл. Соскууучился...

Туманов полез обниматься, при этом опять два раза едва не грохнувшись, да ещё и меня чуть не опрокинув.

— Слушай, пожалуйста, иди, проспись.

— Ну, так, а я что собираюсь делать?

Пока я ещё ничего не поняла, Марк обхватил меня за талию, ловко сдвинул с прохода и ввалился в квартиру, грохнувшись на пуфик у шкафа.

— Так, слушай...

— Молчать женщина! — Туманов стукнул кулаком по пуфику. — Где тут спальня? Иди в спальню! Стели постель и готовься исполнять свой этот...ну как его там...супружеский долг. Я щас приду.

Усмехнувшись, я прислонилась к стене, устало прикрыв глаза.

— Супружеский долг? Это ты немного не по адресу. Тебе домой надо, к жене.

Марк рассмеялся. Как-то зло, не по-доброму. Медленно поднявшись со стула, мужчина, пошатываясь, подошёл ко мне, вцепился ладонями в мои плечи, в два счёта оторвав меня от пола и пригвоздив к стене.

— Куда идти? К жене? Слушай, ну как же ты меня уже затр*хала со своей женой! Мне тебя убить хочется!

Мужчина сжал мои плечи с такой силой, что я едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть. А ведь он действительно хотел меня убить,...я видела это в его взгляде.

— Ну, так давай, убей. Сразу все проблемы решатся. А жена, кстати, не моя, а твоя.

Мужчина усмехнулся, как-то очень устало, изнеможённо. Он ещё несколько секунд держал меня над полом, а потом поставил на ноги, зарывшись лицом в мои волосы.

— Это ненадолго, слышишь? Совсем скоро...

— Марк, — я прислонила пальцы к его губам и тут же вздрогнула, когда он поцеловал их. По телу прошла дрожь. Дрожь ужасной дикой тоски по этому мужчине. Но я смогла себя перебороть. — Давай я просто вызову тебе такси?

— Давай, — мужчина нежно поцеловал меня в шею, и я едва сдержала рвущийся из горла всхлип. — Только ты со мной поедешь, я тебе больше никуда не отпущу.

— Я не поеду, ты ведь знаешь, — огромными усилиями я смогла отстраниться. Перебороть даже не столько настойчиво удержавшего меня в объятиях мужчину, сколько саму себя. Когда же всё это кончится? Когда я смогу отпустить его? Вот сейчас он пьяный в моей квартире. Несёт полный бред. Местами очень даже обидный бред. А я всё равно не хочу, чтобы он уходил. Не хочу его отпускать. — Пожалуйста, оставь меня.

Марк расхохотался, опять грохнувшись на пуфик у шкафа.

— Не нужен я тебе да? Ну, правильно. Даже когда у меня бабки были, ты меня рассматривала только как член ходячий. А теперь, бабок нет, да и член тебе уже тоже не нужен.

Я не обратила внимания на его унижительную усмешку. Понимала, что за него говорит алкоголь, хотя всё равно было обидно.

Опустившись на корточки перед мужчиной, я обхватила его ладони своими ладонями.

— Марк, ну почему ты хоть раз в жизни не можешь выполнить мою просьбу?

— Почему не могу? — икнув, мужчина удивлённо на меня уставился. — Попроси трахнуть тебя, я выполню с удовольствием.

Вмиг поднявшись на ноги, я отошла обратно к стене, прикрыв на несколько секунд глаза и заставив себя успокоиться. Как же хотелось врезать ему. Вышвырнуть его к чёртовой матери, пусть с лестницы так, чтоб все кости себе переломал. Чтобы хоть раз в жизни сам испытал боль. Пускай даже физическую.

Почувствовав горячие ладони на своей талии, я тут же попыталась оттолкнуть Марка, но он сам сполз на колени, обхватив мои ноги.

— Прости. Ну, прости меня, птичка. Идиот...только я ведь...я тебя...я люблю...

Эти слова проткнули сердце острым ядовитым кинжалом. Я задохнулась от боли, зажмурившись до цветных кругов перед глазами, сжав ладони на плечах мужчины. Мне хотелось отмотать время. Вернуть его всего лишь на пару секунд назад. Тогда бы я заткнула уши. Убежала. Сделала бы всё, лишь бы не слышать этих слов. Хотя бы, потому что я ненавидела вот это сомнение, которое сейчас разрывало меня на части. Я не могла понять, говорит он правду или лжёт? И если обманывает, то зачем? Какой в этом смысл? Он уже давно получил меня. Что же ему ещё может быть нужно?

Когда я перевела взгляд на мужчину, мои губы невольно растянулись в улыбке. Пока я изводила себя догадками и терзаниями, он уже спокойно валялся у моих ног и храпел на всю квартиру. С большим трудом, но мне всё уже удалось перетащить его в спальню. Кое-как сняла с него рубашку и уложила хныкающего как ребёнок мужчину в постель. Хотела уйти, но не смогла. Я так и осталась сидеть на краешке кровати, бессовестно разглядывая мирно спящего Марка. Удивительно, но я почему-то совсем перестала на него злиться. С одной стороны, было даже как-то весело, всё-таки ему совсем не стоит пить, тем более в таких количествах. Но с другой...я прекрасно понимала, что как минимум бутылку виски или чего покрепче он опустошил не от прекрасной жизни. Я знала о том, что сделала Марина. В интернете появилась громкая статья по этому поводу. Правда она была удаленна уже через

несколько часов после выкладки, и не трудно было догадаться, кто этому поспособствовал. Но я всё же успела её прочесть. И если быть до конца откровенной, то, наверное, впервые мне было жаль Марину. Вот действительно, просто жаль. Я понятия не имела, что толкнуло её на этот поступок. То ли желание любыми способами вернуть мужа, то ли она действительно решила распрощаться с жизнью, но в любом случае, её поступок не вызывает ничего кроме сочувствия. Не знаю, до какой надо было дойти точки, чтобы так цепляться за мужика. Чтобы в принципе рвать себя на части, лишь бы хоть как-то удержать человека, который стал к тебе совершенно равнодушен.

Наверное, я бы так и сидела до самого утра, нежно глядя его безмятежное лицо, зарываясь ладонями в шелковистые пряди волос, осторожно, едва касаясь, накрывая его губы своими губами. Это походило на какое-то сумасшествие, даже извращение. Но мне было наплевать. Я могла себе позволить украсть несколько счастливых минут у этой ночи. Удивительной ночи. Он здесь, в моей постели. Хотя когда-то я поклялась, что этого больше никогда не повторится.

Я бы не выдержала, прильнула к его сильному телу и уснула у него на груди, если бы не раздавшийся звонок. Надо сказать, что я совсем не удивилась, увидев на пороге Аню. Сестра никогда не церемонилась. Могла прийти в любое время дня и ночи.

— Анют, если ты не в курсе, то существует такая замечательная штука как телефон. Могла хотя бы предупредить, что заедешь?

— Зачем? Как будто ты спишь в пол одиннадцатого ночи. Или я тебе помешала? — сестра переметнула взгляд на тот самый пуфик, где ещё совсем недавно сидел Марк, и на котором сейчас валялось его пальто. — Вижу, что помешала. Ты не одна?

— Проходи, — пропустив Аню, я повесила мужское пальто в шкаф, бросив встревоженный взгляд на дверь спальни. Не дай бог сейчас Туманов проснётся. — Пойдём на кухню, я чайник поставлю.

Когда мы зашли в комнату, сестра села за стол, потеплее укатавшись в свою шерстяную кофту.

— Чай не надо. Что-то не хочется сейчас.

Поставив кружки обратно в шкафчик, я обернулась к Ане, тихо, боясь разбудить спящего в соседней комнате мужчину, спросив:

— Тогда может чего покрепче? Я ещё даже не открывала ту бутылку коньяка, которую ты принесла в прошлый раз.

Устало потерев глаза, сестра прикусила нижнюю губу, утвердительно, кивнув.

— Давай.

Поставив бутылку на стол, я потянулась в шкафчик за рюмками, правда, увидев, как сестра начала хлестать коньяк прямо из горлышка, так и не достала их.

— Что-то случилось?

— Случилось, — поставив бутылку обратно на стол и вытерев ладонью губы, сестра обхватила себя за плечи. Её трясло, словно в лихорадке. И только сейчас я начала понимать, что это вовсе не от холода. — Но сначала ты мне скажи, кто там у тебя? — Аня кивнула на дверь спальни. — Тот самый мужчина, из-за которого ты уже не один месяц сама не своя ходишь? Может, наконец, скажешь кто он?

— Скажу, — я тоже потянулась за бутылкой, решила облегчить свою 'исповедь', но в последний момент передумала. Хватит и двух пьяных людей в этой квартире. — Но ты

первая. Давай говори, чего трясёшься как осиновый лист? С Пашкой поссорилась?

— Пашка? — Аня нервно усмехнулась, пустив себе в рот несколько долек лимона. — Пошёл он к чертям. Больно надо из-за него дорогуший коньяк хлестать.

Тихо рассмеявшись, я встала из-за стола, осторожно прикрыла дверь в кухню и вернулась обратно.

— Тогда что стряслось?

Сестра тяжело вздохнула, на несколько секунд устало прикрыв глаза.

— Я только что от мамы. Ты в курсе, что она собирала деньги...для Алины?

Вот после этих слов, как бы я не сдерживалась, усмешка всё же сорвалась с моих губ. Конечно, я в курсе. Правда, лучше бы было этого не знать. Не хило эта новость по мне проехала. Само осознание, что по идеи самый главный и родной человек в трудную минуту предпочёл заживо меня похоронить, а в точно такой же ситуации постороннему человеку без задней мысли бросился помогать, мягко скажем, не поднимала настроение.

— Знаю. Только объясни, зачем ты опять касаешься этой темы? Мы ведь, кажется, договорились о матери и бывшем не говорить?

— Да, договорились. Но сегодня придётся сделать исключение. Я думаю, ты должна это знать.

— Должна знать, что? Что от мамочки сбежал очередной мужик? Опять будешь мне заливать, как тяжело ей живётся на этом свете? Я, конечно, понимаю, что тебя она заживо в гроб не клала, но давай ты не будешь читать мне проповеди?

— Кристин, дело совсем не в маме...

— Тогда в ком? В моём бывшем? С каких пор ты перебралась на его сторону? Тоже считаешь, что я должна была дать ему денег? После всего, что было?

— Кристина, послушай...

— Что послушай? Что вам всем от меня надо? Денег? Господи, да забирайте! Разменяв квартиру, я, конечно, не стала миллионершей, тебе ли не знать, что большая часть денег пошла на погашения кредитов. Но да, кое-какая сумма появилась на моём банковском счёте. И если она так не даёт покоя моей мамочке и Лёше, пусть забирают её ко всем чертям. Мне мои нервы важнее.

Я закрыла лицо руками, огромными усилиями пытаюсь сдержать наворачнувшиеся на глаза слёзы. Устала. Просто устала. Да и на душе ещё ужасно гадко. Как же всё-таки это отвратительно, опускаться так низко ради каких-то бумажек.

— Никому твои деньги больше не нужны. Вчера вечером Алина умерла. Покончила с собой.

Наверное, всего на каких-то несколько секунд я выпала из реальности. Нельзя сказать, что эта новость меня подкосила или повергла в глубокий шок. Просто...как снег на голову что ли. Чего-чего, а этого я сейчас совсем не ожидала услышать.

Было бы подло сказать, что мне на глаза навернулись слёзы, и душа стала разрываться от безутешных рыданий. Нет, такого не было. Но где-то глубоко внутри поселилось скверное ноющее чувство, возможно совсем отдалёно похожее на боль.

— Может быть, это прозвучит цинично, но я могу понять Алину. Хотя бы, потому что несколько лет назад была в очень похожей ситуации. А вот ход твоих мыслей для меня, если честно, остаётся загадкой. Ты пришла меня обвинять в её смерти?

Аня усмехнулась, сделала ещё один глоток янтарной жидкости, устало выдохнув:

— Господи, конечно, нет! Просто...на душе почему-то так хреново. Вот скажи мне сестрица, может нас с тобой кто-нибудь проклял? Почему и у тебя, и у меня всё всегда через задницу идёт? В особенности то, что касается работы и личной жизни. Представляешь, мне уволили. Сегодня. А знаешь из-за чего? Из-за того, что наш новый босс решил свою тупенькую дочку пристроить на хорошенькое местечко, разумеется под своим крылом. А то, что я в этой фирме восемь лет отпахала, побольше этого старого козла, кстати, никого конечно не волнует. Хотя я и сама думала увольняться. Когда Станислава Викторовича сняли по-тихому, я сразу хотела заявление написать. Надо было так и сделать, может сейчас бы не так паршиво было.

Аня усмехнулась, отведя взгляд, а я почувствовала себя ужасно виновато. Чёрт, почему я всегда думаю только о себе, а на проблемы самых близких просто забиваю?

— Ань, я...

— Да ладно, а! Вот только не вздумай меня жалеть! Что я маленькая девочка что ли? Сама справляюсь. Кроме того Пашка обещал помочь, пристроить к какому-то своему знакомому. Если, конечно, мы с ним не расстанемся в ближайшие несколько дней. А мне почему-то кажется, что у нас с ним всё к этому и идёт, — устало вздохнув, сестра закрыла коньяк, отодвинув бутылку ближе ко мне. — Ладно, хватит об этих мужиках, они того не стоят. Знаешь, что мне действительно не даёт покоя? Я никак не могу понять, вот откуда взялась эта грусть, даже сожаление? Когда твой Лёха ушёл к Алинке, а сразу после этого ты попыталась свести счёты с жизнью,...клянусь, ты даже представить не можешь, как я их возненавидела! Хотелось нанять киллера и замочить этих голубков к чёртовой матери. Всякий раз, когда ночью я слышала, как ты рыдаешь за стенкой, как всегда утыкаясь лицом в подушку, думая, что я ничего не знаю, мне просто до дрожи в костях хотелось, чтобы когда-нибудь эти же страдания вернулись им в тройном размере. А сейчас вот...как-то грустно, что ли. Жалко, что всё так вышло.

Прокрутив в руках дольку лимона, я положила её обратно на блюдце, как всегда пригвоздив взгляд к окну.

— Не поверишь, но мне тоже.

— Я только понять не могу,...а почему всё изменилось? — сестра подалась вперёд, отчего-то перейдя на шёпот. — Иногда я думаю, что это потому, что уже много времени прошло. Жизнь стала другой. Все наши пути давно разошлись. А иногда, мне кажется, что всё дело, просто в моём собственном переосмыслении этой ситуации. Вы ведь с Лёшкой женились по-сути ещё совсем детьми. Школу закончили, и считай сразу в загс. У вас ведь ещё даже конфетно-букетный период не прошёл, а вы уже жениться кинулись. А когда эта чёртова авария случилась...ни ты, ни Лёша не были готовы к её последствиям. Инвалидность...даже врагу такого не пожелаешь. В какой-то степени Лёшу можно понять. Не каждый парень в двадцать с небольшим сможет приспособиться к такой жизни. Это, конечно, не оправдывает его поступок с Алиной,...но и последним злодеем всё-таки не делает. Он ведь всё честно сказал, пускай не сразу, но хотя бы нашёл в себе силы признаться. Да и чёрт подери, он ведь обычный человек. Просто земное существо.

Если честно, последняя фраза меня даже повеселила. Аня так выпучила глаза, что с моих губ невольно сорвалась усмешка.

— Да, ты права. Все мы обычные люди, со своими слабостями, пороками и недостатками. И знаешь, чтобы ни говорили, мне иногда кажется, что от нас либо очень мало, либо вообще ничего не зависит. Сегодня у тебя есть всё, а завтра на встречу какая-

нибудь машина вылетит, и все планы под корень обрубаются. А может и просто прерывается линия жизни.

Достав из шкафчика рюмки, Алина разлила в них коньяк, свою опустошив залпом.

— Весёленькие у нас с тобой разговоры пошли. Давай сменим тему, а то скоро уже начнём размышлять о смысле жизни! Ты мне лучше скажи, кто этот загадочный незнакомец, который сейчас валяется в твоей постели?

Я отвела взгляд, опять было потянулась к бутылке, но вовремя отдернула руку. Сейчас напьюсь и взболтну чего-нибудь совсем лишнего.

— Алин, давай не сейчас? Может быть позже?

— Можно и позже, — сестра усмехнулась. — Просто я думала у нас достаточно доверительные отношения, и мы друг от друга ничего не скрываем.

— Ладно, что именно ты хочешь знать?

Сестра усмехнулась.

— Всё. Его имя, фамилию, возраст, занимаемую должность, семейное положение, наличие детей...ну и от себя, что-нибудь.

Я сначала помедлила несколько секунд, а потом выпалила всё как на духу. К чёрту.

Будь, что будет.

— Имя — Марк, фамилия — Туманов, возраст — 30 лет, должность — генеральный директор ‘Visitorfort’, семейное положение — женат, детей вроде как нет, по крайней мере в официальном браке.

Сестра так и замерла с поднятой в руке рюмкой и приоткрытым ртом. Понадобилось несколько минут, чтобы она поставила рюмку обратно на стол и снова начала моргать.

— Так, а вот теперь давай всё по порядку и очень медленно. ‘Visitorfort’ — та самая компания, которая занимается строительством этих сумасшедших многоэтажек, гостиниц, торговых центров? А Туманов...её владелец?

Я кивнула, с совершенно бесстрастным видом добавив:

— Именно так.

— А семейное положение...он действительно женат?

Я опять кивнула, усмехнувшись с какой-то иронией:

— Да, действительно женат.

— И ты знала? Ты с самого начала всё знала?

— Знала. Абсолютно всё знала.

Вот теперь сестра за считанные секунды опустошила свою рюмку.

— И что? Он до сих пор живёт вместе...с ней?

Я просто пожала плечами.

— Раньше жил. Сейчас уже вроде как нет.

— Что значит ‘вроде как’? Ты что не в курсе?

— Не знаю, Ань. Рядом с этим мужчиной я ни в чём не могу быть уверена до конца.

Сестра смотрела на меня совершенно ошарашенным взглядом. Мне даже не по себе стало. Никогда не видела более шокированных глаз.

— погоди, то есть выходит, что Туманов...это и есть тот мужчина, от которого у тебя случился выкидыш?

Резко встав со стула, я подошла к окну, взяла с подоконника сигареты, прикурив одну. Дьявол, это, пожалуй, единственная тема, которую я не с кем не могла обсуждать.

— Да, он самый.

— Вот это дела, — Аня по-прежнему продолжала прожигать меня безумным взглядом. — Я думала, это у меня жизнь круче любого сериала, а оказывается, до тебя мне ещё как до Китая пешком....Скажи, а давно у тебя с этим Тумановым...

— Уже около полугода. Только мы не всё время были вместе. То расставались, то снова сходились, то опять ссорились. Сейчас вроде как не вместе.

— Что же он тогда делает в твоей спальне?

— Так, просто в гости заглянул.

Я усмехнулась, а вот Аня явно не разделила моего настроения. Встав из-за стола, сестра коротко бросила, прежде чем выйти из кухни:

— Ладно, я здесь, по-моему, явно лишняя. Пойду уже.

Догнав девушку у самых дверей, я схватила её за локоть.

— погоди, ну куда ты сейчас пойдёшь? Поздно уже, да и выпила ты много. Может, останешься? Я тебе на кровати постелю, а...

— Нет, на кровати ты со своим Марком и без меня справишься.

Сестра усмехнулась. Не ядовито, даже с какой-то лёгкой иронией.

— А ты ничего мне не скажешь...?

— Нет, ничего. Ты уже большая девочка, справишься и без моих советов. Но, если хочешь знать мнение со стороны, отношения с женатым мужчиной, конечно, не самый лучший вариант. Хотя ты сестрица лёгких путей никогда не ищешь....Скажи, ты хоть любишь его?

Этот вопрос завёл меня в тупик. До этого момента мне казалось, что я знаю ответ, а сейчас...

— Наверное. Мне плохо без него....Думаешь, надо бороться?

Аня фыркнула.

— Только попробуй. Не смей вступать в войнушки с его женой. Бороться надо тому, кто ломает отношения — изменяет, предаёт. А не тому, кто из-за этого рыдает по ночам. Устало усмехнувшись, я обняла сестру.

— Позвони, как доберёшься, а то я буду волноваться.

— Само собой, — открыв дверь, Аня замерла в самом проходе, иронично, усмехнувшись. — Только знаешь, если твой женатик тебя бросит, в этот раз я всё-таки не побоюсь нанять киллера.

Услышав позади себя тихие шаги, я сняла фартук, обернулась вполоборота, окинув мужчину быстрым взглядом. Не прошло и нескольких секунд, как губы сами собой растянулись в широкой улыбке. Растрёпанные волосы, помятая морда и виноватый, даже застенчивый взгляд. Всё-таки Марк всегда знает, как лучше подъехать.

— Если хочешь завтракать, я яичницу пожарила. В холодильнике есть рассол. На верхней полке кухонного шкафчика найдёшь аспирина. А мне уже пора, итак из-за тебя опаздываю.

Глупо было думать, что Марк позволит мне уйти. Обвив руками мою талию, мужчина пускай и неуверенно, но всё же прижал меня к себе, зарывшись лицом в мои волосы. А я не захотела его отталкивать. Вот просто не захотела. Так спокойно и хорошо было рядом с ним. Таким родным стал его запах, его взгляд нашкодившего котёнка, его мягкие бархатные губы.

— Никуда ты не пойдёшь, пока мы не поговорим, — голос мягкий, но абсолютно серьёзный, в нём проскальзывали жёсткие нотки. Обхватив моё лицо ладонями, Марк

заставил поднять на него взгляд. — Я хотел бы извиниться. Даже не столько за эту пьяную выходку. По-правде говоря, я вообще мало, что помню. Что-то я там про супружеский долг вроде городил... Ты его, кстати, по-моему, так и не исполнила?

Я вдарила мужчине в бок. Вот теперь уже попыталась высвободиться, потому что совершенно точно понимала, что начинаю сдавать позиции. Но Марк не позволил. Он только крепче прижал меня к себе, лишая всякой возможности сопротивляться.

— Это претензии?

— Нет, разве что только небольшая обида и упрёк, — мужчина усмехнулся, как всегда широко и до жути заразительно. Правда, уже через пару секунд его лицо стало более чем серьёзным. — Вчера я случайно подслушал твой разговор... с сестрой.

Вот теперь и мне расхотелось улыбаться. Я всё-таки отстранилась от мужчины, чувствуя, как внутри поднимается какая-то пока ещё слабая тревога.

— Как это, подслушал? Ты ведь спал?

— Спал, — Марк утвердительно кивнул, нахмурившись. — А потом мне в туалет приспичило, только я его не сразу нашёл. Сначала до кухни дотопал, невольно услышал пару фраз... ну и короче как-то сразу протрезвел.

Не трудно было догадаться, какие именно фразы он услышал. Наверное, я бы даже рассмеялась, если бы на душе не было так тяжело. Своёобразно я ему, конечно, в любви призналась. И, что теперь? Как он поступит?

— Что с этого?

Мужчина молчал. Долго молчал, не сводя глаз с моего лица. Я не могла понять, о чём он думает. Такой взгляд... такой взгляд, пожалуй, бывает у человека, который ставит всё на игру, прекрасно понимая, что в случае неудачи, он останется ни с чем. Только его это не останавливает.

— Я не буду тебе сейчас ничего обещать, клятвенно заверять, что изменился и всё в этом роде. Я хочу, чтобы ты сама это увидела. Я честно скажу, что не понимаю, что творится у меня внутри. Мне хочется быть с тобой. Просто просыпаться по утрам в одной постели и целовать твою сонную мордашку. Я больше не могу отпускать... и сам куда-то уходить. Я хочу, чтобы мы просто были вместе. Сейчас.

- 'Сейчас'? А, что будет завтра? Завтра ты будешь хотеть быть рядом со мной?

— Не знаю. Правда, не знаю. Завтра будет завтра. Всё может измениться, да ты и сама это понимаешь. Единственное, что я могу обещать тебе со стопроцентной гарантией — честность. Тебе я врать не могу.

— И что ты хочешь сейчас от меня услышать?

— Ты согласна начать всё с чистого листа? Просто забыть обо всём что было, жить сегодняшним днём. Мне нужно, чтобы ты ответила — да или нет. Скажешь 'нет', я уйду. Может это неправильно и настоящий мужик, конечно, должен бороться... Но я Кристинка хреновый мужик. Оттолкнёшь, так уйду. И даже не буду страдать всю жизнь, вспоминая какой идеальной была ты и как я, поганое ничтожество, тебя профукал. Скажешь 'да'... если честно, даже говорить по этому поводу ничего не хочется. Сама всё увидишь, сделаешь выводы, а в случае чего, ошибку исправить никогда не поздно.

По-правде, не ожидала от него это услышать. Наверное, если бы он опять начал что-то обещать, завёл разговор о жене, а точнее о скором разводе, я бы выставила его за дверь, не задумываясь. Но он... он так спокойно смотрит мне в глаза, с каким-то совершенно бесстрастным выражением лица. Можно подумать, что ему всё равно. Просто наплевать. Но

это не так. Это далеко не так.

Я понимала, что я делаю. Взяв его за руку и медленно проведя вслед за собой в спальню, осторожно прикрыв дверь, я знала, что назад дороги нет. Знала и не хотела отступать. Не хотела больше бороться и сопротивляться с самой собой. Сдалась? Проиграла? Нет, в любви нет выигравших и проигравших. Либо оба взлетают выше неба, либо вместе падают в пропасть.

Я понятия не имела, свалились ли мы в бездну или получили ключи от рая, но я точно знала, что никогда не буду жалеть о том, что сделала. К чёрту все эти размышления. Сейчас он здесь, рядом со мной. Судорожно вздыхает от моих прикосновений. Сжимает челюсти, когда я медленно начинаю расстёгивать каждую пуговичку на его рубашке. Резко притягивает меня к себе, поработав каким-то совершенно обезумевшим взглядом, когда я выдыхаю в его приоткрытые губы тихое 'да'.

В этот раз Марк не был нежен, ласков, нетороплив. Лихорадочно стянув с меня одежду, мужчина стал осыпать моё тело жадными поцелуями. Сбросив рубашку, он нервно вцепился в пряжку ремня всё ещё не прерывая поцелуя, терзая мои губы с какой-то порывистой дикостью. Была бы я в состоянии сейчас хоть что-то соображать, я бы точно подумала, что он спятил. Обезумел в дьявольском желании заклеить меня. Доказать даже не столько мне, сколько самому себе, что я полностью подчинена ему. Никто кроме него не имеет право дотрагиваться до меня, даже просто смотреть в мою сторону. Как же безумно сильно мне хотелось закричать, простонать в его губы, что ему не нужно ничего доказывать. Каждый мой взгляд, стон, вздох, каждое прикосновение — всё это принадлежит ему. Только ему. Я сколько угодно могу притворяться, что мне всё равно. Скрываться за маской безразличия, прятать свои чувства за семью замками. Но разве можно обмануть саму себя? Дико смешно даже помыслить, что мне удастся спокойно отпустить его. Говорят, если любишь человека, радуешься его счастью, даже если сам не имеешь к нему никакого отношения. Возможно, это правда. Только нигде не сказано, никем не прописано, как же хочется сдохнуть, взвыть на луну от боли, тоски, безысходности. Видеть его с другой и при этом радоваться, сверкающему в его глазах счастьем? Нет, это за гранью всех моих сил. Вздурораженная собственными мыслями, я вскрикнула, нервно вцепилась в его сильные плечи, когда мужчина проник в меня одним мощными толчком. С какой-то дикой жадностью обхватив ладонями мои груди, он начал двигаться в таком бешеном темпе, что я даже не могла стонать. Я хрипела, царапала ногтями его спину, неистово подмахивала бёдрами, чувствуя как каждый толчок его разгорячённого члена, каждое прикосновение его жадных губ к твердым вершинкам грудей, всё сильнее приближает меня к этой черте невыносимого наслаждения.

Я до крови прикусила нижнюю губу, практически до боли оплела ногами его торс, когда Марк сделал несколько последних судорожных толчков, и внутри меня растеклось его горячее семя.

— Моя, моя... — голос хриплый, вибрирующий от проскальзывающей дрожи.

Глаза мужчины закатились. Сжав челюсти с такой силой, что меж них проступили желваки, Марк, всё ещё продолжая сотрясаться от накрывшей с головой волны дикого удовольствия, очень осторожно, словно боясь раздавить, опустился на меня, жадно обхватив ладонями мою талию.

Когда лихорадочная волна дрожи, пробивающая моё тело, немного поутихла, я вплела

пальцы в его мокрые волосы, чувствуя, как всё внутри сжимается от какого-то болезненного, совершенно нереального счастья. На глаза выступили слёзы. Наверное, первый раз в жизни на меня накатила такая бешеная волна страха. Да я испугалась. Я дико испугалась вот этих чувств. Спокойствия, умиротворения, какого-то тихого и вместе с тем кричащего на весь мир счастья. В этот момент я понятия не имела, и если честно не особо хотела думать, что нас ждёт с Марком. Будем ли мы вместе через месяц, год или может быть несколько лет?

Я не хотела заморачиваться этим, но я точно знала, что если когда-нибудь наши пути разойдутся, я буду скучать вот именно по таким моментам. Когда его голова так безмятежно покоилась на моей груди. Когда мы мокрые, всё ещё содрогаясь после безумной вспышки страсти, прижимались друг к другу так сильно, будто боялись, что всего лишь какой-то лёгкий порыв ветра, ворвавшийся в комнату через приоткрытую створку окна, может разлучить нас. Когда я так нежно, едва ощутимо пропускала меж пальцев густые, всё ещё блестящие от капелек пота пряди его волос....Да я буду скучать по этим моментам независимо от того сколько времени пройдёт и кто будет со мной рядом. Я просто иногда, возможно совсем редко, каким-нибудь глубоким вечером буду тосковать по этим минутам.

— Марк, это безумие! Не будь глупцом! Неужели сам не понимаешь, к чему может привести твоё упрямство? Чёрт подери, уже приводит! Тебе напомнить какие убытки мы понесли всего за один месяц?

Усмехнувшись, мужчина потушил сигарету о пепельницу. Туманова несколько не смутил взволнованный, скорее даже панический взгляд Похоменко. Голос мужчины прозвучал совершенно спокойно, на первый взгляд, казалось, даже безразлично:

— Спасибо, я пока не жалею на память.

Глаза Похоменко удивлённо расширились. На несколько секунд мужчина даже слегка опешил от этого необычайного и совсем неуместного в сложившейся ситуации спокойствия, застывшего на лице Марка.

Ослабив узел галстука, пожилой мужчина опустил обратно в кресло, тяжело глянув на Туманова.

— Ты ведёшь себя как мальчишка. Как упрямый совершенно непробиваемый подросток. Я не один год и даже не один десяток лет кручусь в этом бизнесе. Всякого повидал, с разными людьми работал. Чего только стоил твой отец. В своё время отменные фокусы выкидывал, правда, до тебя не дотянул. Марк, я знаю тебя практически с пелёнок. Пусть это прозвучит слишком высокопарно, но ты стал мне как сын. Ты знаешь я всегда готов поддержать тебя, но только не в этом сумасшествии, которое ты затеял. Парень, ты перегибаешь палку. Хватит, тебе не кажется, что ты уже заигрался в эти никому не нужные игры? Пора остановиться, пока не стало слишком поздно.

Откинувшись на спинку кресла, мужчина на несколько секунд прикрыл глаза. Как же его тяготил разговор с Похоменко — единственным человеком, который не сбежал как позорная крыса. Хотя уж лучше бы и он свалил, не так тяжело было бы на душе. Одно дело, когда тонешь сам, а другое, когда тащишь за собой преданных тебе людей.

— Уже давно стало поздно.

Похоменко поддался вперёд. Его глаза подёрнулись пеленой злости.

— Да прекрати ты нести эту ахинею! Ничего ещё не потерянно! Тебе стоит только захотеть и приложить чуточку усилий как всё вернётся на свои места!

— О чём вы?

— А сам не понимаешь? Вся эта чехарда закрутилась из-за Маринки, а точнее из-за того, что ты её бросил. Но ты в любую секунду можешь взять свой чёртов телефон, и набрать её номер. Я больше чем уверен, что она сама этого ждёт. Ведь, насколько мне известно, процесс с разводом продвигается очень медленно? И способствует этому именно её сторона? Марк, послушай опытного товарища. Бабы отходчивы в таких делах. А уж твоя Маринка как я знаю и подавно. Позвони ей, прекрати, наконец, этот идиотизм!

Марк хотел было возразить, но Похоменко не дал ему произнести даже слова.

— Вот честно ответить самому себе, из-за чего ты взбунтовался? Решил, что ничего не значишь? За всем стоит тесть? Но разве ты не знал этого раньше? Ты прекрасно понимал, как разложены карты и более того, охотно принимал все правила игры. Сколько раз ты брал деньги у Крестецкого, пользовался его связями? И, когда тебя это напрягало? Ты вдруг ни с того ни с сего решил, что тебе только позволили играть в 'большого начальника', и ты палец о палец не ударил для развития компании? Лёг спать, а проснувшись, просто забыл как сутками не вылезал из этого здания, разрабатывал проекты и воплощал их в жизнь, да, где-то не без помощи тестя, но ведь идеи-то были твои! Как ты мог обо всём этом забыть?

Похоменко замолчал на несколько минут, словно давая Марку время обдумать его слова. И Туманов казалось, действительно попробовал вникнуть в их смысл. По крайней мере с лица мужчины слетела маска отрешённости и безразличия ко всему происходящему.

— А теперь позволь я сам отвечу на свой же вопрос, — продолжил Похоменко. — Да из-за бабы ты всё это затеял. Из-за Кристины своей. Ты не думай, что я сейчас смеюсь или издеваюсь, поверь, я тебя прекрасно понимаю. Знаешь, сколько таких случаев уже повидал, да и сам, чего таить, бывало, наступал на эти грабли. И я прекрасно знаю, чем обычно заканчиваются такие истории. Если мужик вовремя не одумается и не отбросит все эти кратковременные чувства и эмоции в сторону, ничего хорошего его не ждёт. Сам себя спроси, почему ты так повернулся на этой Кристине? Сколько баб у тебя всегда было, но ты никогда не нёс это в семью. А тут вдруг и развод, и бизнес к чертям. Почему? Да всё просто и очень банально. Она не такая как все. И я говорю это без какого-либо сарказма. Её действительно нельзя сравнивать ни с одной девицей, с которой ты закручивал интрижку. Она сильная личность со стойким характером. В ней есть внутренний стержень, вот эта самая порода, которая цепляет. Цепляет до какого-то сумасшествия. Ну и вдобавок, что тоже немало важно, она чертовски хороша собой. Этаким идеал, с которым ты прежде никогда не сталкивался. Но подумай, что на самом деле происходит между вами? Вы любите друг друга? Возможно, но скорее всего вы окутаны вот этим чёртовым желанием вырваться из оков прежней жизни, переступить через все запреты. Только что будет потом, когда вы получите то, что так страстно желали? Пустота. Обычная пустота и неведение, что делать дальше. Чувства всё равно остынут, этого, увы, не избежать. А теперь просто подумай, что ты сейчас творишь? Ты помнишь, сколько человек работает в твоей компании, напрямую от тебя зависят? Конечно, если ты уйдешь, твоё место долго пустовать не будет. Но, где гарантия, что новый руководитель не разгонит всех прежних сотрудников к чёртовой матери, поставив на их место своих людей? Это бизнес, Марк. Никому нет ни до кого дела. Я прошу тебя, подумай об этом, пожалуйста. От твоего решения сейчас слишком многое зависит.

Похоменко уже давно ушёл, а Марк всё ещё продолжал смотреть на какую-то невидимую точку на стене. Словно ещё пять минут таких гляделок, и он обязательно найдёт ответы на все вопросы, которых за последнее время накопилось слишком много.

Наверное, в это трудно поверить, но прошедшие две недели стали самыми счастливыми в его жизни. Никогда Марк не мог даже представить, что можно получить весь мир, при этом потеряв всё, что было. Абсолютно всё. На самом деле только сейчас мужчина осознал, насколько безумна и глупа была его идея. С самого начала ведь было понятно, что в одиночку победить Крестецкого невозможно. Непонятно лишь, на какую вселенскую удачу он надеялся, ввязываясь с ним в это безжалостное противостояние? Только все эти дни, несмотря на то, что дела в компании стремительно ухудшались, Марк находился в каком-то пространстве. Отношения с Кристиной выбили всякую почву из-под ног. Он не помнил, когда в последний раз был так счастлив, да и был ли вообще? Он понятия не имел, что можно сходить с ума от разрывающего душу восторга только потому, что она вырисовывала тонкими пальчиками узоры на его груди, разглаживала морщинки на лбу, покрывала нежными поцелуями его губы, лицо, шею... Он больше не боялся своих чувств. Не хотел их скрывать. Наоборот иной раз, гуляя с ней по парку, мужчина едва сдерживал желание подхватить её на руки и заорать во весь голос, что он любит. Чёрт подери, он безудержно любит её.

До сегодняшнего дня Марк практически не заморачивался сорвавшимися сделками, уходом из компании ценных сотрудников, потерей выгодных контрактов. Отношения с Кристиной опьянили его, но всякий, даже самый крепкий алкоголь рано или поздно выветривается из крови. Похоженко смог надавить на самые болезненные точки. Если всё и дальше будет так продолжаться, то очень скоро его выкурят из этого кресла. Контрольный пакет акций наверняка урвёт кто-нибудь из людей Крестецкого, а может быть он и сам не побрезгует. Ко всему прочему к концу недели приезжает отец. Последний раз они виделись больше года назад, и за это время переменялось абсолютно всё. Марк уже не сомневался, что отец в курсе происходящих событий. И по-правде говоря, мужчина даже не представлял, как он будет всё объяснять. Дело было не только в компании, Марк не знал, как представить Кристину. Он всё ещё был женат. Предстояли неприятные и, по всей видимости, долгие судебные разбирательства. Туманов уже прекрасно понял, что Марина сделает всё, лишь бы максимально оттянуть момент официального расторжения брака, а может быть и вовсе она надеется не дойти до него.

При таких раскладах не было ни одного решения, которое бы обеспечило для Марка благоприятный исход. Правда, одно, о котором он до последнего старался не думать, всё-таки могло разрешить всё проблемы. Ну, или почти все.

Ещё около часа мужчина находился в смятении, но, в конце концов, взял со стола телефонную трубку, набрав выученный наизусть за долгие годы номер. После совсем непродолжительных гудков трубку сняли.

— Здравствуй, — в ответ тишина. Марк нутром ощутил бешеное волнение собеседницы. — Марина, мне кажется, нам нужно встретиться. Сможешь через час в 'Аквармарине'?

Ещё раз, пробежавшись глазами по списку, я положила телефон обратно в карман куртки. Честно говоря, меня просто раздирало желание купить билет на ближайший поезд до Владивостока, а может быть и ещё дальше. Всю неделю как на пороховой бочке. Даже не думала, что приезд отца Марка может настолько выбить меня из колеи. Я уже третий день подряд доставала Туманова расспросами, какие блюда любят в их семье, какие читают книги, смотрят передачи. Мне было важно абсолютно всё. Почему-то хотелось... не ударить

в грязь лицом, что ли. Хотя я также понимала, что, скорее всего, с какой бы самой прекрасной стороны я не раскрылась, отец Марка в лучшем случае воспримет меня просто холодно. Да и как ещё можно относиться к женщине, из-за которой у его сына столько проблем? К тому же я ведь до сих пор находилась не в самом завидном статусе 'любовницы'. Марк не говорил со мной о разводе, да я и сама не заикалась на эту тему. Конечно, я совру, сказав, что мне было наплевать, но я не собиралась давить на него. Я хотела, чтобы он сам принял решение без какого-либо навязывания, по крайней мере с моей стороны.

Ко всему прочему масло в огонь подбавляла ещё и внезапно ужасно сильно захотевшая меня увидеть мать. После нескольких телефонных разговоров я решила, что лучше будет всё-таки с ней встретиться.

— Здравствуй, Кристина.

Когда я под села за столик, женщина улыбнулась, как-то неловко, может даже виновато.

— Здравствуй. Зачем ты хотела меня видеть?

Я сразу перешла к самой сути разговора. Признаться, её присутствие напрягало меня. Я почему-то начала чувствовать себя как-то скованно, даже немного неуверенно.

— Может, сначала закажем что-нибудь? Хочешь, я попрошу принести твой любимый каркаде? Здесь его изумительно готовят!

Мои брови удивлённо поползли вверх.

— Ты всё ещё помнишь, какой чай я люблю?

Женщина улыбнулась. Нежно, немного смущённо... как когда-то в детстве.

— Конечно, я всё помню. Здесь в меню, кстати, есть твой любимый шоколадный мусс.

— Мам, — не знаю, как это получилось. Слово само собой сорвалось с губ. Опустив голову, я уткнулась взглядом в лежащее на столике меню. — У меня в последнее время итак куча проблем, если ты решила просто поболтать...

— А какие проблемы? Может, я могу чем-то помочь?

Голос спокойный, но мне удалось уловить проскользнувшее в нём волнение. Настоящее неподдельное. Опять стало как-то не по себе. Даже усмешка застряла где-то в горле. Я ответила совершенно спокойно:

— Нет, спасибо, я сама в состоянии со всем справиться. Скажи, зачем ты хотела встретиться?

— Просто... увидеть тебя, — её голос слегка дрогнул. — Мы так давно не разговаривали. Я совсем не знаю, как ты живёшь.

— Живу, как и всё. Недавно устроилась на новую работу. Коллектив отличный, начальство адекватное, зарплата вполне устраивает. Ещё квартиру разменяла, хотя об этом ты впрочем, знаешь.

— Да, знаю, — как-то слишком тихо произнесла она. Видимо смутилась, хотя в моём голосе не было даже ни малейшего упрёка. — Аня говорила, что ты встретила мужчину?

На несколько секунд между нами повисло молчание. О Марка мне вообще не хотелось ни с кем разговаривать. Это была запретная тема, что ли.

— Да, встретила. А ты вроде наоборот разошлась со своим депутатом?

Я и сама давно знала, что они развелись. Просто хотелось скорее перевести тему.

— Да, мы расстались.

Опять воцарило молчание. Мама мусолила вилкой свой салат, а я тупо перелистывала странички меню, даже не вчитываясь в их содержимое.

— Слушай, если это всё о чём ты хотела поговорить, то я, наверное, пойду...

— Кристина, — дрогнувший голос матери и её взгляд, пропитанный какой-то совершенно безумной мольбой, заставили меня опуститься обратно в кресло. — Я прошу, выслушай меня, пожалуйста. Я не отниму у тебя много времени. К тому же, возможно, это наша последняя встреча.

— В смысле, последняя?

— Понимаешь, — подняв на меня взгляд, женщина как-то очень скованно улыbnулась, — мне тут недавно звонила Ирина Павловна. Моя тётя, но ты ее, наверное, уже совсем не помнишь. Раньше, когда вы с Анечкой были ещё совсем маленькими, вы практически на всё лето уезжали к ней в Болгарию. Ну, а потом у неё муж заболел, и твой папа умер,...вообщем мы как-то потеряли связь. А буквально полгода назад начали снова общаться. Представляешь, она осталась совсем одна. Муж очень долго тяжело болел и, в конце концов, умер чуть больше года назад. А сын в Америке живёт. У него там работа, семья...вообщем они почти не видятся. Ну, вот она и предложила мне перебраться к ней. Ей не так одиноко, да и ты ведь знаешь, как я море люблю...

Мама опять замолчала, а мне понадобилось несколько минут, чтобы вникнуть в смысл того, что она только что сказала.

— Погоди,...то есть ты уезжаешь что ли?

— Ну да...в конце месяца уже буду в Софии.

— Ясно, выходит это была церемония прощания, — невольно с моих губ сорвалась усмешка. Я, правда, всеми силами старалась сохранять спокойствие, но во взгляде уже начали сверкать злобные искорки. Встав с кресла, я решила, что лучше будет уйти прямо сейчас. Пока я ещё не успела ничего наговорить, — ну хорошо, тогда удачи тебе. Надеюсь, перелёт будет благополучным, да и вообще всё у тебя сложится, впрочем, как и всегда.

— Кристина, подожди, — подскочив на ноги, с губ женщины сорвался такой крик, что на нас невольно обернулись сидящие за соседними столиками люди. Немного смутившись, я ещё помедлила несколько секунд, а потом всё-таки решила остаться. — Я понимаю, что ты меня, наверное, ненавидишь, но я просто хочу, чтобы ты выслушала, постаралась понять...

— Понять что? Да чего ты от меня хочешь? Поговорить? Открыть душу, может быть попытаться всё исправить? Ну, так давай, что мешает?! Зачем ты опять врёшь? Думаешь, я поверю, что по просьбе какой-то тётки, ты вдруг сорвалась и решила уехать из страны? Я знаю, что ты любишь море, да кто его не любит? Но почему-то нормальный человек вряд ли, вот так вот наобум, стал бы бросать всё ради домика на пляже! В конце концов, неужели тебя ничего не держит здесь? Ты ведь ходишь на какие-то занятия танцами, у тебя много друзей, приятелей...и у тебя вообще-то дети ещё есть. Две дочери. ДВЕ, хотя одну ты почему-то упорно стараешься забыть, — прикусив нижнюю губу, я какими-то просто дьявольскими силами смогла сдержать навернувшиеся на глаза слёзы. — Перестань наконец-то лукавить. Если у тебя там, в Софии, какой-то новый мужик появился, то так и скажи, а не морочь мне голову!

— Кристин, ты что? Как ты можешь...

— Могу что? Что я такого сказала? Ты никогда не была обделена вниманием противоположного пола. Я не помню, чтобы ты долго была одна. Отцу вон как быстро нашла замену...

— Господи, ты меня ненавидишь да? — как-то истерически усмехнувшись, она на несколько секунд закрыла лицо дрожащими ладонями. — И, наверное, возненавидишь ещё

больше, если узнаешь то, от чего я всегда старалась отгородить и тебя, и Аню,...но я уже не могу держать всё в себе. Пусть ты ещё сильнее будешь презирать меня, но я хотя бы сброшу этот камень с души. Да, ты права, в моей жизни всегда были мужчины. Первый раз я влюбилась ещё в семнадцать лет. И знаешь,...до сих пор не могу забыть эти чувства. Самые светлые, самые чистые искренние, самые сильные. Уже через год, после того как я повстречала Славу, родилась Анечка. Мы тогда решили не расписываться. Сначала поднакопить на свадьбу, подождать пару лет, пока дочка подрастёт, мы более-менее на ноги встанем, но так и не дождалась. Я ведь в молодости сценой грезила. Поступила в театральное, мечтала стать великой актрисой и при этом иметь любящую счастливую семью. У меня сначала в учёбе ничего не складывалось. Я не получала практически никаких ролей, даже самых пустяков, а потом меня твой отец заметил. Ты ведь знаешь, он был меня старше больше чем на десять лет. К тому времени уже имел крупный бизнес и очень серьёзные знакомства. Я знала, что это он меня везде проталкивал. И от этого, конечно, было не по себе. Я ведь не раз замечала его взгляды,...понимала, что он не из самых светлых побуждений мне помогает. Но пока он сохранял дистанцию и ничего кроме редких обедов в каком-нибудь кафе не требовал, я летала в своей сказке, даже не понимая, что с каждым днём приближаюсь всё ближе и ближе к пропасти. Днём я по полной выкладывалась на сцене, а вечером приходила домой, к Славке и Анечке. И вот настал мой звёздный час. Мы с труппой собирались ехать со своим спектаклем в Париж. Я исполняла главную роль. Представляешь, какое это везение в столь юном возрасте получить такой шанс? Правда, именно перед этой поездкой твой отец ясно дал мне понять, что ни в каком спектакле я играть не буду, если....Знаешь, это было очень жестоко. Я только тогда поняла, почему он так долго тянул. Одно дело, когда у тебя итак ничего нет, соответственно и терять нечего, а совсем другое, когда ты уже почувствовала себе восходящей звездой, и тут снова можешь очутиться в самом низу...Вообщем, можешь мне в лицо плюнуть, но в Париж я полетела и в спектакле играла, правда, когда мы вечером возвращались в гостиницу, все ребята шли по своим номерам, а я к нему....Вернувшись, домой, ничего не прекратилось. Славка, конечно, обо всём узнал. Какое-то время мы ещё были вместе, и в итоге я даже приняла решение развязать этот узел. Я хотела уйти из театра, попробовать снова создать нормальную семью, тем более что Слава, кажется, был готов меня простить, но тут я узнала, что скоро на свет появишься ты...Вообщем после этого со Славой мы, конечно, разбежались. Он пить очень сильно начал, а потом другую девушку встретил, уехал с ней в Москву, ещё, наверное, года два поддерживал со мной связь ради Ани, а потом перестал. У него сейчас уже своя семья. А я за Игоря вышла замуж. И вот тут вся сказка окончательно развеялась. Из театра он меня вынудил уйти, так как считал, что женщина должна сидеть дома и заниматься детьми. Ты только не подумай, что я его монстром каким-то выставляю. Он был прекрасным, пожалуй, самым лучшим на свете отцом. Он безумно любил и тебя, и Анечку. Души в вас обеих не чаял. Постоянно всё позволял, баловал, как только мог. А со мной он был другим. Знаешь, я ведь понимаю, что он любил меня. Только любовь эта была какая-то больная. Вечная ревность ко всему и вся. Неоднократно он поднимал на меня руку...Ты, наверное, помнишь, как я на три месяца уезжала к маме в Брянск, якобы помочь, потому что у неё были проблемы со здоровьем....А на самом деле эти проблемы были у меня. Всё это время я лежала в частной клинике в столице, с множественными ушибами, переломами...и абсолютно расшатанной психикой. Твой отец не был тираном, который постоянно меня избивал. Но он был очень вспыльчивым и дико ревнивым. Хватало какого-нибудь одного

случайного взгляда, как он уже воображал себе невесть что. Я понимаю, что, наверное, после этих слов ты возненавидишь меня ещё больше, но когда он умер, я почувствовала облегчение. Словно из клетки вырвалась. Хотя свобода эта стоила дорого....Да и к тому же я совершенно не знала, как теперь растить вас с Аней. Кроме квартиры я практически ничего не получила, хотя по завещанию мне и вам должно было достаться почти что всё. Но его родственники оказались куда шустрей, а я просто не захотела вступать в войны с его семьёй, тем более во время траура. Несколько лет жила на средства, которые ещё оставались на карточке, а потом...ответила на ухаживания Дениса. К тому времени прошло уже три года со смерти твоего отца, да и я уже устала от этого одиночества...Денис мне нравился, он был не похож ни на Славку, ни на твоего отца. Лёгкий открытый человек, да не скрою, его возможности меня тоже привлекли. Он обещал помочь мне открыть собственную театральную студию, и вообще...я как-то зажила по-новому. Снова с головой окунулась в мечту молодости, а потом эта авария...Я нравилась Денису, в первые годы брака он вообще чуть ли не каждый день признавался в любви, но я понимала, что вся эта романтика очень зыбка. Тем более что я уже немолода, да и двое детей...Я тогда так испугалась, что он бросит меня, если я перевезу тебя к себе...Мне стало так страшно, что всё разрушится вновь, уже во второй раз...Кристина, Господи, ну скажи что-нибудь! Ну, прокляни меня, в лицо плюнь, только не молчи!

Теперь я уже не сдерживала слёзы, да это, кажется было просто невозможно. Я смотрела на женщину, которая сидела прямо передо мной и с ужасом понимала, что она не лжёт. Всё правда. Все слова, все, что она говорила...это не ложь.

— Почему ты на самом деле решила уехать в Болгарию?

Наверное, я сама могла бы испугаться своего до жути ледяного голоса, но она кажется, даже не обратила на него внимания. Скорее её смутил, немного выбил из колеи сам вопрос. Кажется, она действительно ждала проклятий. Даже хотела их. Наверное, это бы принесло ей облегчение...

— У меня кое-какие проблемы со здоровьем, с дыханием. Только ты, пожалуйста, не подумай, что я начну клянчить деньги на лечение. Никакие операции мне не нужны, а на лекарства вполне хватает, к счастью они недорогие. Да и в Болгарии...там природа, воздух, море, домик прямо на побережье....И ещё я хочу начать всё заново. Попытаться хоть что-то изменить. Ты только не думай, что я бросаю тебя...Ты можешь приехать в любое время, когда только захочешь. И, если позволишь, я бы тоже хотела тебя навещать...может быть, скоро и с внуками надо будет помогать нянчиться.

Она улыбнулась, а мне захотелось бежать без оглядки, куда угодно, не разбирая дороги, главное бежать, бежать...Аня наверняка сказала ей про операцию, но ни словом не обмолвилась о выкидыше.

— Да нет, как-нибудь обойдусь и без твоей помощи. И не ври себе, ты бросаешь меня. Бросаешь уже во второй раз, — встав из-за стола, я перекинула сумку через плечо. — Кстати, спасибо. Теперь, когда я знаю, что ты отказалась от меня не просто так, а променяла на театр, мне стало намного легче.

Порезав хлеб, я взял один кусочек, кинув на него ломтик сыра. Я мусолила бутерброд несколько минут, и так и не откусив, положила обратно на тарелку. Взгляд совершенно беспорядочно блуждал по комнате, не зная, куда бы примкнуть. Я старалась, я правда старалась, отогнать все чувства и эмоции в сторону, но получалось это у меня, прямо скажем

хреново. Как же я теперь сожалела, что согласилась на эту встречу. Лучше было ничего не знать. Оставаться в неведении. Иногда правда оказывается не только слишком болезненной, но ещё и ненужной. Порой лучше ничего не знать и жить в иллюзиях, чем грызть зубами подушку, мучаясь от непонимания и полного бессилия, что-либо изменить.

Что дало мне её откровение? Жить теперь станет проще? Хотя...возможно. Раньше я действительно не понимала, почему она так поступила, какие были причины? Теперь всё хотя бы прояснилось. И да, наверное, с моей души тоже упал камень. Наверное, только сейчас я почувствовала, что удалось распрощаться, пожалуй, с самой болезненной частью прошлого.

Когда в прихожей хлопнула дверь, я тут же подскочила со стула и чуть ли не бегом вышла в коридор. Встретившись с немного усталой, но безумно нежной улыбкой Марка, я не выдержала, обняла мужчину за шею, прижавшись к нему всем телом. Уже через секунду его руки легли на мою талию, а лицо зарылось в волосах. Между нами нечасто случались такие порывы нежности. Обычно их всегда заменяла страсть, какой-то совершенно безумной голод друг в друге. Но сейчас мы просто стояли обнявшись, на несколько секунд, наверное, вообще позабыв обо всём мире.

— Ты чего так рано?

Я заговорила первой и тут же вздрогнула, почувствовав губы мужчины на своей шее.

— Мне уйти?

— Нет! — с моих губ невольно сорвался крик полный какого-то совершенно безумного страха. Ещё сильнее прижавшись к Марку, я тихо, едва слышно, прошептала ему на ухо, — не уходи, пожалуйста...

Внезапно обхватив моё лицо ладонями, он, глядя мне прямо в глаза, совершенно серьёзно произнёс:

— Не уйду. Теперь уже больше никуда не уйду.

— В каком смысле?

Сердце пропустило несколько ударов. Интуитивно я уже начала догадываться, что эти слова неоднозначны.

— Несколько часов назад я встречался с Мариной, — мужчина усмехнулся, щёлкнув меня по насупившемуся носу. — Сильнее всего процесс развода тормозил пункт о разделе имущества. Теперь эта проблема устранена. Всё достанется ей. Я не хочу ничего делить, конечно, кроме акций и машины, которую мне впрочем, подарил отец. Но с этим проблем не возникнет. Тут даже, если очень постараться, то максимум, к концу месяца я всё равно получу свидетельство о разводе.

Вновь прижавшись к Марку, я спрятала лицо у него на груди. Почему-то мне не то что не хотелось, чтобы Марк заметил, а было как-то стыдно, за растянувшиеся губы в улыбке. И хотя это была вовсе не ухмылка коварной разлучницы, которая наконец-то добилась своего, мне всё равно, как бы безумно это не звучало, было немножко неудобно за вдруг нахлынувшую с головой волну счастья.

— И что теперь будет? Как же твой бизнес?

— Некоторая часть акций, конечно, перейдёт к Марине, но всё же большая останется у меня. Как раз где-то полчаса назад я встречался с одним человеком, его имя тебе ничего не даст, но так для справки — это Кирилл Михаев. Уже около года он хотел выкупить у меня акции. Сейчас, в связи с последними обстоятельствами, конечно, мне придётся продать их практически на треть дешевле, но главное, что я знаю, в чьих руках будет компания. Кирилл

— надёжный толковый мужик, у которого очень неприятельские отношения с Крестецким. Это для меня безумно важно. Так я хотя бы уверен, что у бывшего тестя не будет шансов развалить компанию, — поцеловав мужчину в шею, я почувствовала, как в груди что-то болезненно защемило. Как много проблем свалилось на него из-за меня. На какую-то секунду я даже испугалась, что он, наверное, сожалеет, что я вообще появилась в его жизни. Но потом все эти скверные мысли развеялись. Я знала, что он хоть сейчас мог вернуться к жене, и всё бы стало на свои места. Но он этого не делал, а значит, не сожалел... Ни о чём не сожалел. — Кристин, скажи, ты теперь будешь со мной? Сейчас у меня практически ничего нет. Конечно, я не нищий. Но деньги за продажу акций я хочу вложить в новое дело. Только теперь уже не факт, что оно прогорит. Думаю, будет слишком много желающих вставить мне палки в колёса. Ты понимаешь это? Если ты не хочешь или боишься...

— Марк, — накрыв пальцами его губы, я улыбнулась, глядя в нахмурившееся лицо мужчины. — Вот чего-чего, а бояться я уже до ужаса устала. Если ты разоришься, и нам придётся лазить по помойкам в поисках еды быстрого приготовления, то знай: дошираки я не люблю, а вот китайская лапша со вкусом бекона — самое то!

Рассмеявшись, Марк вдруг приподнял меня над полом, просто какой-то железной хваткой сжав руки на моей талии.

— Знаю, сейчас не самый удачный момент, но... ты выйдешь за меня замуж?

Если честно, нельзя даже сказать, что я опешила. По-правде говоря, я уже привыкла, что от Марка можно ожидать всего чего угодно. Несмотря на то, что ему уже тридцать, у него серьёзный бизнес и подростковый период давно закончился, многие решения он всё равно принимает сердцем, нежели головой.

— Вообще-то не очень красиво, будучи ещё женатым на одной, делать предложение другой, — усмехнувшись, я провела ладонью по опять нахмурившемуся лицу мужчины. — Я тебе сейчас точно ничего не смогу ответить. Я, правда, не знаю, хочу ли я опять замуж... и вообще это вопрос, который надо принимать на здравый рассудок. А вот, что касается жизни с совершенного нового чистого листа, ... я была бы не против начать её с тобой. Хотя... кому я вру? Я хочу, очень хочу начать её с тобой!

— Знаете Кристина, Марк, конечно, говорил мне, что вы потрясающе готовите, но я даже не думал, что настолько. Мясо по-французски это нечто! Я чуть тарелку от удовольствия не съел!

Как бы я не старалась, губы всё же растянулись в смущённой улыбке.

— Спасибо, я очень рада, что вам понравилось.

— Рад должен быть мой сын. Он ведь, небось, каждый день так питается? — подмигнув Марку, Олег Константинович сделал несколько глотков вина из своего бокала. — Кристиночка, только вы его шибко не балуйте. А то привыкнет, наглец. На завтрак — кашу, в обед — суп, на ужин и бутерброд какой-нибудь сойдёт — вот это будет самое то.

— Спасибо папа, ты всегда заботился о моём правильном питании.

Усмехнувшись, Туманов хлопнул сына по плечу. Ослабив узел галстука, мужчина откинулся в кресле, на несколько секунд довольно прикрыв глаза, а я, воспользовавшись моментом, украдкой бросила на него оценивающий взгляд. Как же он всё-таки был похож на Марка. Хотя вернее будет сказать, Марк на него. Невооружённым глазом видно, что они родственники. А вот то, что этому подтянутому загорелому (как-никак совсем недавно прилетел из Испании), невероятно харизматичному мужчине перевалило уже за пятый

десяток, так просто и не скажешь. Он с первых минут общения располагал к себе. Хоть я и ожидала, что сегодняшняя встреча будет самой волнительной в моей жизни, вечер пролетел за совершенно непринуждёнными разговорами и незамысловатыми шутками, иногда вызывающими румянец на щеках. Одним словом, сразу было понятно в кого Марк такой.

— Кристиночка, а я смотрю, вы посадили Марка на искусство? — мужчина кивнул на картины, развешанные на стене. — Слава богу, хоть кто-то пытается сделать из него человека!

Когда Марк недовольно скривился, с моих губ всё-таки сорвалась усмешка. Интересные у них отношения.

— Да какое там искусство?! Так, наляпала мазню, когда скучно было.

— Это что ваши картины? — перемешавшиеся в голосе мужчины удивление вместе с совершенно не скрытым восхищением, заставили меня покраснеть и опустить взгляд в тарелку. — Ничего себе! Нет, я знал, что вы работаете в рекламном агентстве, но до меня никогда даже не доходило, что вы умеете рисовать, да ещё так потрясающе! В связи с этим, у меня возник один маленький вопросик. Что такая красивая талантливая девушка забыла рядом с этой свиньёй?

В то время, когда Марк переводил взгляд полный злобы то на меня, то на отца, я уже из последних сил сдерживала рвущийся из груди смех.

— А у меня возник вопрос: не забыл ли ты, что я твой сын? И кстати, очень на тебя похож.

— В нашем случае яблоко от яблони далеко упало. Да и чего ты обижаешься? Я же любя. Кто тебе ещё кроме отца-то правду скажет?

Эти двое препирались между собой, наверное, ещё минут сорок. Если честно было очень интересно и весело смотреть на их перепалку. Несмотря на колкости, которые они отбрасывали друг другу, всё равно чувствовалось, что у них очень тёплые отношения. Пожалуй, даже идеальные. Именно такие, которые должны быть между отцом и сыном.

— А может быть ещё салату или картошечки?

— Ой, нет, я итак наелся на несколько дней вперёд. Мало того, что сразу после расселения плотно позавтракал в гостинице, так ещё и у вас полстола уничтожил.

— Ну, тогда, я, пожалуй, пойду, унесу посуду на кухню.

— Подожди, я помогу!

— Нет, не нужно, — я понимала, что мне сейчас будет лучше оставить их наедине. Наверняка, им обоим есть, что сказать друг другу. — Марк, я сама справляюсь.

— Помогать своей женщине, конечно, обязанность любого мужчины, но в данном случае, я полностью с вами согласен, Кристиночка. У моего сына руки из точки? 5 растут. Поставив посуду на поднос, я поспешила удалиться из гостиной раньше, чем мужчины снова начнут препираться.

— Так и будешь молчать?

Достав из пиджака сигареты, Марк прикурил одну, уже несколько секунд не сводя глаз с отца.

— А, что ты хочешь от меня услышать?

— Ну, не знаю. Скажи, что я дебил, что сам всё рушу, пускаю свою жизнь под откос.

— Мой сын не может быть дебилем, — Туманов старший усмехнулся. — А с остальным я, пожалуй, спорить не буду. Только, если разрешишь, один вопрос: ты уверен в том, что

делаешь? Знаешь, сам пройдя через развод, я тебя сейчас, с одной стороны, прекрасно понимаю, но с другой, ситуации-то у нас ведь были совершенно разные. Я понимаю, что твоя Марина девушка очень вспыльчивая, нередко устраивает истерики, но согласишься, ты сам даешь ей поводы. Кроме того, мне казалось тебя, совершенно устраивала твоя жизнь. Красавица-жена, которую ты сам говорил, что любишь, прекрасная работа, множество планов, друзья, развлечения... Что пошло не так? Это из-за Кристины?

— И да и нет. Я, конечно, совру, сказав, что она здесь совсем не причём.... Но развожусь я по другой причине. Знаешь, как-то вернувшись с работы, я, наверное, час сидел в машине у подъезда, просто ловя себя на мысли, что не хочу подниматься. Не хочу домой. Ноги сами туда не идут. И ведь знаю, что меня там ждут... на столе горячий ужин, в комнатах прибрано, вроде как каждый квадратный метр пропитан атмосферой уюта. А всё равно хочется завести двигатель и ехать, куда глаза глядят.

— А глаза глядят в сторону квартиры, где мы сейчас находимся?

Мужчина усмехнулся, не сводя внимательного взгляда с сына.

— Я зажрался да?

— Ну, ты с самого детства отличался барскими замашками. Хотя сейчас твои действия подкинут тебе скорее проблемы, чем шансы на светлое и безмятежное будущее. Впрочем, это твоя жизнь. И ты уже далеко не маленький мальчик, за которого нужно что-то решать. Только скажи мне, а что ты планируешь с Кристиной? Вы хотите быть вместе и дальше?

— Я хочу жениться на ней.

Марк, казалось, был абсолютно серьёзен, а вот в глазах его отца наоборот проскальзывала усмешка.

— Сын, не надо. Нет, конечно, решай сам, но я бы не советовал после развода сразу жениться вновь. И дело вовсе не в том, что надо бы отдохнуть от семейной жизни, насладиться свободой и прочей лабудой. Как бы странно это не звучало, но мне кажется, что за все семь лет брака ты уже достаточно набегался на свободе. Когда-то всё равно пора остепениться. И хотя, ты вроде и сам это понимаешь, а главное не только готов, но и сам хочешь распрощаться с прежним образом жизни, жениться тебе сейчас не стоит. Хотя бы потому, что вот лично у меня сложилось такое впечатление, что твоя Кристина пока сама к этому не готова. Вы как два слепых котёнка тыкаете всюду свои носики, в искреннем желании добраться до счастья, но вы его не найдёте, пока полностью не примите друг друга. Вам нужно пожить вместе. Может год, может чуть больше. У вас у обоих такие непростые характеры. Вам нужно разобраться, сможете ли вы ужиться вместе?

— Отец...

— Марк, я ведь не навязываю тебе своё мнение. Это твоя жизнь, и ты должен прожить её так, как хочешь сам. Я же только могу, что-то посоветовать и надеюсь, что эти советы окажутся дельными. Но вот, прислушиваться к ним или нет, решать только тебе. В конце концов, ты даже представить не можешь, как я буду счастлив, если для тебя Кристина окажется той самой,... с которой ты пройдёшь до конца весь свой жизненный путь.

Включив чайник, я подошла к окну, широко зевнула и, встав на цыпочки, лениво потянулась, буквально через секунду вскрикнув от испуга, когда сильные мужские руки стиснули мою талию.

— Чёрт Марк, ещё раз так подкрадётся и я...

— Ну и что ты сделаешь? — прикусив губами мочку уха, мужчина прижал меня к себе

так сильно, что я в полной мере ощутила его желание. — Ты меня накажешь да?

Забравшись под рубашку, его ладони поползли вверх, выжигая невидимые узоры на покрывшейся испаринами коже. И хотя уже через секунду внизу живота разгорелось сладостное томление, я всё-таки нашла в себе силы отстраниться от мужчины. Подойдя к плите, я усмехнулась:

— Ага, накажу. Фингал под глазом устроит?

— Ууу, какие мы злые, — уже через мгновение я вновь почувствовала его руки на своей талии, а в бёдра вжалось его красноречиво выпирающее из трусов достоинство. — А, между прочим, могла бы быть и полубезней. На тебе моя рубашка.

Его ладони были уже в несколько сантиметрах от груди, и на сей раз, чтобы сдержать рвущийся наружу стон, мне пришлось прикусить губу, с силой вцепившись руками в кухонный стол. Желание отдаться ему прямо здесь и прямо сейчас разгорелось с какой-то просто дьявольской силой. Но ещё больше я хотела продолжить игру. Пускай совсем чуть-чуть помучить его, ...да и себя тоже.

— Правда? — вцепившись ладонью в его затылок, на сей раз я не стала сдерживать томный стон, когда пальцы мужчины сжались на твёрдых горошинках. Дьявольский огонь в его глазах подстегнул меня ещё сильнее. — Значит, ты хочешь, чтобы я её сняла?

Сорвавшийся с его губ судорожный вздох, пробил каждую клеточку моего тела. Если бы сейчас на мне были трусики, они бы уже насквозь вымокли. Положив ладонь на его уже окаменевший член, я несильно сжала его и едва сама не запрыгнула на стол, сдёрнув с мужчины трусы, когда его глаза почернели, а из груди вырвался судорожный вздох.

Но всё же, наверное, я полная мазохистка. Кое-как отстранившись от мужчины, я нагло усмехнулась:

— Тогда принеси мне джинсы и свитер. А то что-то холодно... Может нам обогреватель купить?

Уже через секунду Марк резко развернул меня к себе, обхватив моё лицо ладонями, яростно выдохнув в губы:

— Ты доиграешься.

— И что будет? — я усмехнулась нагло, глядя ему в глаза. — Ты меня накажешь?

Вцепившись в мои бедра с такой силой, что я невольно вскрикнула, мужчина усадил меня на стол, яростно смяв ртом мои губы. В одно мгновение мы возбудились до предела и уже были на грани. Жадно исследуя ладонями его тело, я выдыхала в его губы хриплые вздохи, всякий раз, когда мужчина сжимал пальцами ноющие соски или спускался к самому низу живота, лишь дразня, не притрагиваясь...

— Марк, — прервав наш сумасшедший поцелуй, я попыталась отдышаться, дрожащими ладонями упершись в грудь мужчины. — У тебя важная встреча через час...и я...я тоже уже опаздываю...

Спустившись губами к груди, Марк обвёл кончиком языка твёрдую вершинку, выбив из меня приглушённый стон.

— Утренняя зарядка...чтобы взбодриться...

— Для этого у меня есть кофе, — усмехнувшись, я судорожно вцепилась в его плечи, когда мужчина опустился на колени, склонив голову между моих бёдер. — Мааарк...

Меня пробила дьявольская волна дрожи, когда его язык надавил на чувственный бугорок. Вплетя ладони в его волосы, я запрокинула голову, уже не сдерживая сладострастные стоны. Всего через несколько секунд он подвёл меня к самой вершине.

Когда тело начала пробивать судорожная волна дрожи и приближались первые спазмы оргазма, Марк резко отстранился. Поднявшись с колен, он потрогал чайник.

— О, уже горячий. Тебе кофе с одной ложкой сахара или двумя?

Если бы в этот момент у меня под рукой оказалось что-нибудь тяжелое, Туманову бы точно не поздоровилось. Но в его сторону полетел только пакетик с сухариками, от которого он благополучно увернулся.

— В следующий раз сначала подумаешь, прежде чем менять меня на кружку кофе.

Этот паразит ещё и смеялся!

— Да после такого, тебе ещё фиг когда, что обломится!

Обиженно фыркнув, я отвернулась, попытавшись сбросить, тут же обхватившие меня за талию руки.

— Ну ладно малыш, не обижайся. Просто ты действительно права. Сейчас слишком мало времени. Зато вечером я зажгу свечи, приготовлю романтический ужин, мы завесим все шторы, и нам уже никто не помешает...Кстати, у меня для тебя будет сюрприз.

— Сюрприз? Это, по какому поводу?

— А ты забыла? — Марк удивлённо на меня уставился, а я с трудом смогла сдержать рвущуюся улыбку. Конечно, не забыла и прекрасно понимала, о чём он говорит. — В конце недели я получу развод. Это, по-твоему, не повод?

— Ну, смотря для чего. Я так понимаю, сюрпризом станет заказанный столик в стипбаре? Знаешь, мне кажется, тебе туда лучше без меня наведаться.

— Фу, — Марк скривился, изображая из себя самую невинность. — Вот как ты можешь обо мне такое думать? Я испытываю отвращение к таким местам!

— Ага, как же, отвращение. Да у тебя глаза горят как у кота, нацелившегося на миску сметаны! Дурак ты!

— Дурак, — внезапно Марк подхватил меня на руки, широко улыбнувшись. — Но дурак безумно в тебя влюблённый!

Его глаза сияли счастьем. Настолько искренним и настолько безмятежным, что мне даже захотелось зажмуриться. Я знала, что он ждал от меня ответного признания. Я ведь ещё ни разу не говорила ему о своих чувствах. Мне хотелось, мне, правда, очень хотелось раскрыться ему. Но...был какой-то страх. Одному мужчине я уже признавалась в любви, и теперь как какая-то сумасшедшая, боялась, что с Марком у меня тоже может всё разрушиться, как только я открою свои чувства.

— У нас начальник уходит на корпоратив, так что я сегодня освобожусь на два часа раньше. Ты меня заберёшь?

Поставив меня на пол, Марк нежно поцеловал меня в губы, унимая лёгкую волну дрожи, разгоревшуюся внутри меня. Он знал, что мне самой не по себе от своего страха. И я была ему безмерно благодарна за то, что он не давил, а просто терпеливо ждал, когда я сама буду готова.

— Конечно, заберу. Хотя будь бы моя воля, вообще бы никуда не отпускал!

Обхватив его шею руками, я улыбнулась.

— А я итак никуда не уйду. Я рядом. Всегда, — поцеловав мужчину в колючую щёку, я заглянула в его невозможно-синие глаза, уже через секунду потеряв себя в них. — Увидимся вечером?

Марк ласково улыбнулся, щёлкнул меня по носу и вышел из кухни. А я со спокойным сердцем приступила к приготовлению завтрака, даже не догадываясь, что вечером мы уже не

увидимся. И на следующий день тоже. И через неделю. Никогда.

Переключая каналы, я без особого интереса смотрела на меняющиеся через каждые несколько секунд картинки на экране телевизора. По правде говоря, меня уже начало клонить в сон. Пасмурная погода за окном, тёплый плед и гробовая тишина буквально слипали глаза, хотя на часах не было ещё и девяти вечера. И пускай я сейчас спокойно могла завалиться на диван и хорошенько выспаться, я всё также продолжала крепко сжимать в ладони мобильный, периодически поглядывая на дисплей. Не то чтобы я злилась, но упрекающую реплику к приходу Марка уже подготовила. Конечно, я уже привыкла, что выехав на деловую встречу, которая должна была продлиться приблизительно час, он может вернуться только под вечер, причём уже немного пригубивший. Такое к счастью на моей памяти случалось нечасто, но всё-таки совсем отучить Марка от посиделок с приятелями, мне, наверное, не удастся. Хотя по правде, не очень-то и хочется. Он такой смешной, когда напивается. Постоянно лезет целоваться, шепчет какие-то бредовые нежности, а на утро, с виноватой мордочкой пытается всунуть мне букет цветов.

Только сегодня я всё же была намерена с ним серьёзно поговорить. Да, у него была важная встреча, решался вопрос по поводу акций, и если всё прошло хорошо, не исключено, что он захотел это дело обмыть со своим другом или приятелем. Но неужели так сложно было позвонить? Мог бы, хотя предупредить, чтобы я не ждала его как дура в офисе лишних полтора часа!

Постепенно, желание зарыться лицом в подушку начало брать вверх. Глаза стали закрываться сами собой и, наверное, ещё бы несколько минут и я бы точно отключилась. Но уже машинально я снова щёлкнула на кнопку пульта и канал переключился. Появившаяся на экране картина как-то сразу развеяла всю сонливость. Поначалу я даже не сразу разобрала, что к чему. Вроде бы вполне типичный сюжет для новостей. Опять какая-то авария, огороженная красной лентой дорога, полиция, конечно же, журналисты. Такое чуть ли не каждый день освещают центральные каналы. Только вот что-то меня в этом насторожило. Почему-то внутри всё как-то похолодело. Я буквально приросла глазами к экрану, отчаянно вглядываясь в перевернутую иномарку, почему-то смутно казавшуюся мне знакомой.

— Сегодня ситуация на дорогах крайне напряжённая. Из-за непрекращающегося с самого утра ливня, водители теряют управление, в результате чего это уже вторая авария за день. Правда, если первая, к счастью обошлась без серьёзных последствий, то на этот раз, всё намного страшнее. Частный микроавтобус на полном ходу врезался в стоящий на светофоре BMW. Уже сейчас, можно с полной точностью сказать, что виновником страшной аварии стал водитель микроавтобуса, который скончался на месте происшествия до приезда скорой помощи. Ещё двух находившихся в салоне пассажиров увезли в больницу, на данный момент известно, что они в тяжёлом состоянии. Водитель BMW, которая практически превратилась в груды металла, сейчас находится в реанимации, врачи говорят, что он в критическом состоянии. Ещё больший ажиотаж этой аварии придаёт то, что владелец иномарки — тридцатилетний Марк Туманов, главный акционер крупной строительной компании 'Visitorford'. Сейчас на месте аварии... Дальше я уже не слушала, а точнее не слышала. После того, как из похолодевших рук выпал пульт, прошло, наверное, минут пять, прежде чем я медленно поднялась с дивана, а потом как ненормальная рванула к двери.

— Девушка, ну я же объясняю туда нельзя! Ну что вы, не понимаете?!

— Пропустите! Мне нужно туда, немедленно пропустите!

Сотрясаясь словно в самой страшной лихорадке, я пыталась сдвинуть не пропускающую меня медсестру с места. Если честно, то я из последних сил сдерживалась, чтобы просто не врезать ей. Меня коробило только от одной мысли, что он всего в нескольких метрах от меня, а я не могу быть рядом, не могу его увидеть!

— Да вы вообще кто?

Этот вопрос на несколько секунд выбил меня из колеи. Я даже невольно отцепилась от опашаленно и немного испуганно поглядывающей на меня медсестры.

— Жена, — голос дрогнул на этом слове. Только через несколько секунд мне удалось снова собраться с остатками сил, хотя переменившийся взгляд девушки, которая теперь смотрела на меня с недоверием и каким-то укором, дал только лишний повод для волнений.

— Его жена сейчас у дверей реанимации, — её голос стал немного жёстче, в глазах исчезло мелькающее всего пару секунд назад сочувствие, хотя мне на это было наплевать.

— Почему тогда вы не пускаете меня? Почему я не могу пройти?!

— Потому что жена — это близкий родственник, а вы чужой человек. Ждите здесь. Я уверена, как-то только что-то станет известно, вы сразу же узнаете.

Опустившись на скамью, я закрыла лицо ладонями. Нет, как не странно слёз не было. Ещё пару минут назад они душили меня, а сейчас я просто раскачивалась на месте, убеждая себя, что всё обойдётся. Точнее я была уверена, что всё разрешится. Да разве и может быть по-другому? Он ведь только утром целовал, обнимал меня, смеялся, был таким радостным, живым...

Я старалась думать только о хорошем, не подпускать к себе дурных мыслей. И собственно у меня это почти получалось. Мне даже удалось унять, пробивающую тело дрожь, но одна фраза так и не давала покоя. Она никак не могла выйти из мыслей. ‘... Потому что жена — это близкий родственник, а вы чужой человек’. Я как мазахистка подолгу переваривала каждое слово, и всё внутри кипело от какой-то совершенно звериной ярости. Я не чужая. Не чужая! НЕ ЧУЖАЯ, ЧЁРТ РАЗДЕРИ! Это меня он целовал сегодня утром, это со мной он засыпает и просыпается в одной постели, это я вижу его сонные улыбки и светящиеся счастьем глаза! Я не чужая!

Когда в коридор вышел мужчина в белом халате, я тут же чуть было не сшибла его с ног.

— Доктор, пожалуйста, скажите как он?!

В каком-то отчаянном порыве я вцепилась в его руки, в надежде, точнее в дьявольском желании, наконец, услышать, что всё хорошо, но мужчина явно, ещё несколько секунд не понимал, что мне вообще нужно. Наконец, он перевёл удивлённый взгляд на тут же подлетевшую медсестру.

— Сонечка, это кто?

— Это к Туманову.

— Родственница?

— Родственница! — с каким-то не передающимся описанию отчаянием прокричала я, судорожно и вместе с тем облегчённо вздохнув, когда медсестра промолчала, отведя взгляд.

— Тогда примите мои соболезнования. Поверьте, мы все сделали всё, что могли. Но не было никаких шансов. Его привезли уже фактически мёртвым...Послушайте, а если вы родственница, может вам лучше подняться вверх? Там сейчас его отец и жена...кто знает, вдруг у вас получится её успокоить, а то у неё такая истерика...Девушка, вы меня слышите? Что с вами? Девушка...

Две недели спустя

Прижав колени к груди, я, наверное, уже несколько часов неотрывно смотрела на экран телевизора, но так и не могла понять, что за передача или может фильм сейчас идёт. Хотя точнее будет сказать, я и не пыталась в этом разобраться. Взгляд лишь безразборчиво пробегался по мелькающим картинкам, не зацкливаясь ни на одной из них. Я не плакала. Не то чтобы у меня совсем не осталось слёз, просто я вообще не плакала. Ни разу. Это, наверное, странно. Обычно люди впадают в истерики, депрессии. Хотя каждый по-разному переживает своё горе. Кому-то требуется помощь психологов или просто человек рядом, не обязательно даже близкий, главное, чтобы он мог выслушать. Кто-то замыкается, уходит в себя, отталкивается родных и друзей. А кто-то как я, живет, казалось бы, совершенно в обычном ритме, будто ничего и не случилось. Я всё также спокойно вставала утром с кровати, умывалась, шла в магазин, готовила завтрак и дальше весь день в таком же духе. Что изменилось? С работы уволилась. В основном из-за того, что не могла терпеть косых взглядов, усмешек и лицемерных слов сочувствия. Наверное, в городе не осталось ни одной мухи, которая бы не знала о случившемся. И поводом для всеобщего обсуждения стала не сама трагедия, а ‘смертельный подарок’, так кажется, его обозвали в народе. Два билета в Париж. На наши имена. Тот самый сюрприз, который он так и не успел мне преподнести. Ему не хватило каких-то десяти минут. Он уже подъезжал к дому. Оставалось всего несколько кварталов... Он ехал не по той дороге, что обычно. Возвращаясь с аэропорта, ему пришлось объезжать платину. Возможно, если бы он не стал покупать билетов, ничего бы не произошло. Именно за это зацепилась вся пресса, все ‘друзья’ Марка и Марина — его жена. ‘Разлучница, любовница, даже убийца’ — это лишь немногие из всего перечня оскорблений, которые свалились на меня. Правда, если признаться совершенно откровенно, мне было как-то по херу. Перед кем я могла бы чувствовать себя виноватой? Перед его, так называемыми ‘друзьями’, которые забабахивали такие душещипательные речи на похоронах, но предпочитали умалчивать, о том, как сбежали, бросили его в возможно самый трудный период его жизни. Или может, я должна была валяться в ногах у Марины, которая в истерике набросилась на меня на похоронах, правда её папочка, тут же поспешил унять дочурку. А то, как же, камеры ведь были. Правда, Марину мне действительно было жаль. Чисто по-человечески. Она так надеялась построить с ним счастье...и, наверное, всё-таки любила, по крайней мере искренни так думала.

В этой ситуации, я ещё много кого могла пожалеть, но только не себя. Нет, себя мне, правда, не было жалко. Каждый день умирают сотни, тысячи людей. Но это только по факту. На самом деле погибают гораздо больше. Вместе с теми, кто уже лежит в гробах, умирают и их близкие, которые ходят по земле, дышат, каждое утро видят рассвет, но они всё равно мёртвые. И умирают они гораздо мучительней. На протяжении многих лет, а может и десятилетий. Эта боль, от понимания, что дьявольское слово НИКОГДА теперь пробралось в их дом, липкими когтями сжало сердце — намного мучительней, чем сама смерть. Потому что фактически ты существуешь, вроде как живёшь и иногда даже улыбаешься, но всё никак не можешь ответить на один единственный вопрос: для кого?

— Ну, что больная, как самочувствие? Есть какие-нибудь жалобы?

— Когда меня отсюда выпустят?

Выключив телевизор, я даже не взглянула на Рушанова. Кто бы знал, как мне хотелось

просто исчезнуть. Скрыться, даже не от журналюг и прочих стервятников, а именно от самых близких, в основном, конечно, от Ани, которая так переволновалась, когда я грохнула в обморок, что теперь, сломившись под её просьбами, я уже третий день валялась в больничной койке. Я не знала, как объяснить, что никакой врач мне сейчас не поможет. Да и вообще не нужна мне никакая помощь. Я просто хочу уехать. Куда-нибудь далеко-далеко. Где никого нет. Где я бы смогла, наконец, осознать, именно осознать, никак не смириться, с тем, что произошло.

— Стрижова, это ведь не тюрьма, чтобы кого-то держать силком. Просто ты сама знаешь, как волнуется твоя сестра, она, кстати, обещала скоро заехать. На вот, держи яблочко.

Когда, мне на колени приземлился фрукт, я тут же убрала его на тумбочку.

— Я не хочу яблочко. Я хочу уйти отсюда.

— Успеется. А яблоко съешь, в нём много витаминов, тебе они сейчас нужны.

— Ничего мне не нужно.

— Ещё как нуж... — когда взгляд мужчины упал на лежащую в углу кровати газету, голос Рушанова резко изменился, стал грубым, даже обвиняющим. Схватив газету, он с презрением выкинул её прямо из окна. — Зачем ты читаешь эту дрянь? Как будто в жёлтой прессе хоть когда-то бывают путные статьи. Одно дерьмо.

— Это не статьи, а я дерьмо. Впрочем, здесь об этом всё подробно написано.

Усмехнувшись, я перевернулась на бок, неожиданно, первый раз за всё это время, почувствовав, как к горлу подкатывает комок. Вот сейчас мне действительно хотелось остаться одной. Как максимум — во всей вселенной, как минимум — хотя бы в палате. Но Ваня, похоже, этого не понимал. Мужчина сел на краешек кровати, осторожно прикоснувшись ладонью к моему плечу.

— Ответь, пожалуйста, на один вопрос: ты его любила?

Если, он хотел добить меня этим вопросом, то у него это прекрасно получилось. Лучше бы по башке чем-нибудь тяжёлым двинул, и то было бы не так больно.

— Прекрати!

— Нет, ты скажи: ты его любила?

— Да! — резко подскочив на кровати, из моего горла вырвался крик, который, наверное, был слышен в каждом уголке больницы. — Да, чёрт раздери, да, любила, и что с того?!

— А то, что прекращай это самоистязание! Хватит из себя овощ лепить! Надо жить, надо...

— Жить? Зачем? Какой смысл?

Он молчал несколько минут. Я думала, ему просто нечего ответить, а оказывается, он, наверное, всего лишь думал, как лучше, мягче, что ли преподнести мне эту новость,... которая в буквальном смысле разорвала меня на части и тут же, по кусочкам собрала заново.

— Воспитывать ребёнка от любимого мужчины. Разве ты не видишь в этом смысла? Да, Кристина, вот так. Нежданно-негаданно. Хотя...чудеса, наверное, так и случаются. Когда пропадает вера, желание жить,...когда нет уже никакой надежды, кто-то там, сверху, дарит второе дыхание. Ты станешь мамой, Кристина. Слышишь? Ты. Станешь. Мамой.

Три месяца спустя

Открыв дверь и увидев на пороге Олега Константиновича, я даже невольно пошатнулась и прислонилась к стене, чтобы не упасть.

— Здравствуй, Кристина. Впустишь?

Несколько секунд я из-под опущенных ресниц испуганно глядела на мужчину, а потом всё-таки заставила себя собраться с чувствами. Отступив в сторону, я позволила Олегу Константиновичу пройти в квартиру.

— Ну что, наверное, пришло время поговорить.

Разлив чай, я, всеми силами пытаюсь унять, пробивающую каждую клеточку тела дрожь, поставила чашки на стол. Но мужчина даже не прикоснулся к ним. Его взгляд уже минут десять не сходил с моего живота. И даже мешковатая кофта не могла скрыть того факта, что он заметно округлился.

— Олег Константинович, вы ведь приехали, потому что... всё узнали? А откуда?

Мой голос заметно дрожал. Пожалуй, ещё никогда в жизни я не испытывала такой неловкости и чувства вины.

— Из газет, да и много ‘хороших людей’ нашлось, которые сочли своим долгом поставить меня в известность. Хотя я думаю, что правильней бы было, если бы ты сама всё рассказала.

Я опять стыдливо опустила глаза, понимая, что, конечно же, он во всём прав. Да и если честно, мне самой было не по себе от этой скрытности. Ведь о ребёнке знали только Аня, Ванька...ну и мама.

— Простите меня, пожалуйста. Я как раз на днях собиралась...

Прервавшись на несколько секунд, я всё думала, как бы лучше выкрутиться, но Олегу Константиновичу, к счастью, похоже были не нужно мои объяснения.

— Ладно, Кристина, проехали. На вот лучше, возьми, — мужчина протянул мне несколько больших пакетов, — здесь апельсины, соки, сладости всякие. А, и чуть не забыл, — достав из одной из сумок скромный и очень нежный букет пионов, он протянул его мне, — когда я гостил у вас в прошлый раз, я подметил, что на подоконнике стояли сразу две вазы с этими цветами. Надеюсь я не прогадал?

Отрицательно помотав головой, я на несколько секунд уткнулась носом в цветы и уже через пару мгновений на глаза навернулись слёзы. Меня разрывали два совершенно противоречивых чувства: ужасная, ввевшаяся в каждую клеточку тела тоска от вновь наплывших воспоминаний и какая-то безумная, наверное, совершенно неуместная радость. Он меня не осуждает. Ведь по-правде, я же действительно собиралась позвонить отцу Марка, но понятия не имела, как он отреагирует на такую новость. Я вообще не была уверена, что он станет меня слушать. За прошедших три месяца я уже привыкла, что стала изгоем в своё маленьком мирке. Наверное, только самый ленивый журналист дешёвой газетки не опубликовал какую-нибудь грязную статью обо мне. Хотя я особо никогда не обращала внимания на подобную галиматью. Да и, конечно, со временем, эта история стала утихать. Все постепенно начали забывать и об аварии, и о Марке...Все, кроме меня и его жены. После похорон я видела её лишь однажды. Не знаю как, но она одной из первой узнала о беременности и сразу же приехала ко мне на квартиру. В этот раз Марина не стала устраивать истерик или драк. Да и я бы этого не допустила. Может кому-то такое покажется смешным, но всё время нашего разговора я стояла возле стола, в любую секунду, готовая схватить с него нож и воспользоваться им в случае малейшей опасности. Теперь я уже была

готова разодрать любого, кто посмеет даже просто подумать о том, чтобы причинить вред моему малышу. Но на сей раз Марина явно не преследовала такой цели. Она пришла только, чтобы в очередной раз обвинить меня в гибели мужа и поставить перед фактом, что я ни при каких обстоятельствах не могу рассчитывать даже на малую долю его состояния. После этой встречи у меня не осталось ничего кроме чувства жалости и даже какого-то уважения. Да, пускай это звучит смешно, но я не испытывала к Марине ни грамма презрения, скорее наоборот. Все эти её интервью журналистам, в которых она поливала меня грязью, эта отчаянная борьба за наследство, на которое я впрочем, и не претендовала...мне почему-то казалось, что она делает это не из какой-то корысти и даже не из желания очернить меня... просто она находила в этом спасение. Обвиняя меня в его смерти, теша себя мыслями, что Марк, наверняка, обязательно бы передумал и не стал разводиться, она хоть как-то пыталась справиться, выстоять...выжить.

— Олег Конст...

— Кристина, я не хочу ходить вокруг до около. Скажу всё сразу и прямо. Когда Марк разбился...мне казалось, что я потерял всякий смысл жить. А теперь, когда я скоро стану дедом...Кристин, ты пойми, я не настаиваю, но мне кажется, что ребёнку нужно мужское плечо. Конечно, отца ему никто не заменит....Но хороший дед ведь тоже лишним не будет?

Первый раз за долгое время мои губы растянулись в улыбке. Мне даже едва удалось сдержать облегчённый вздох. Он не просто не держит на меня зла. Он принял меня. Хочет, чтобы я вошла в их семью.

— Олег Константинович, спасибо вам большое. Вы, безусловно, правы, дедушка ребёнку очень нужен. Но...не знаю, правильно ли я вас поняла, но мне показалось, будто вы хотите, чтобы я к вам переехала?

Рассеяно улыбнувшись, мужчина утвердительно кивнул.

— Да, совершенно верно. У меня большая пятикомнатная квартира, место всем хватит. Кроме того Петербург — величайший город, в него влюбляешься с самых первых дней. Да и к тому же, за последние тридцать лет в моей жизни многое что изменилось, но я всё так же живу практически в самом центре города, в той самой квартире, где Марк вырос и провёл двадцать лет своей жизни. Его комната уже давно пустует,...но знаешь, я так воодушевился идеей переделать её в детскую. Что ты насчёт этого думаешь?

Конечно, такой вопрос завёл меня в тупик. По-правде, ни о чём подобном я ни разу не задумывалась. Переехать в Петербург? Жить в квартире отца Марка? Нет....Хотя, конечно, вполне может быть, но точно не сейчас.

— Олег Константинович, спасибо вам большое за предложение, но я пока не хочу никуда переезжать. Возможно позже, когда ребёнок родится. Но не сейчас.

Я не стала объяснять, чем вызвано такое решение. Просто мне действительно хотелось, чтобы мой малыш родился именно здесь, в этом городе. Узнав о беременности, я переехала в ту самую квартиру, которую Марк купил для нас. Может это и мазохизм, но я хотела жить именно в этом месте, где всё напоминает о нём. Жизнь ещё более жестока, чем смерть. Она идёт с такой бешеной скоростью, вытесняя прошлое и безжалостно толкая вперёд. И лишь в памяти остаются такие дорогие, такие ценные моменты. Но приходит время, и они когда-нибудь начинают блекнуть. Конечно, я ни о чём не забыла. И, наверное, никогда не смогу забыть. Но всё же мне хочется жить именно в том месте, где воспоминания, пускай лишь только в моём воображении, хоть на несколько секунд могут превратиться в реальность. В той самой квартире, где ещё совсем недавно витали мечты о совместной жизни, о нашем

будущем...я особенно ярко чувствовала его присутствие. Мне постоянно казалось, что он где-то рядом. Со мной...и нашим ребёнком.

— Я понимаю, и я не буду давить. Хотя и надеюсь, что когда-нибудь ты всё-таки изменишь решение.

Олег Константинович сказал правду. Он действительно не давил, а к моему удивлению, наоборот, сделал всё, чтобы именно здесь, в этом городе, я чувствовала себя максимально комфортно. Я точно знала, что это он заткнул рты журналистам, которые до последнего не унимались. Хотя, по-моему, уже никого не волновала эта история. Каждый день в мире происходят какие-нибудь события, которые непременно переключают на себя всеобщее внимание. Никто особо подолгу не хочет рыться в чужих судьбах, да и как бы прискорбно это ни было, но смерть одного человека ни для кого не является трагедией...кроме близких, конечно. Хотя, может многие меня осудят, а многие просто не согласятся, но с каждым днём боль утихает. Нет, никуда не исчезает тоска и безумная грусть по не исчезающей из памяти улыбке, но сердце уже не щемит, и лезть в петлю тоже не хочется. Я лично, испытала совсем противоположное желание. Не знаю, наверное, всё дело в ребёнке, появление которого, кажется, ждали абсолютно все, но я никогда так не ценила каждое мгновение жизни, как в это время. Я жила каждой секундой, хотя при этом и отсчитывала дни до появления на свет, наверное, самого долгожданного ребёнка в мире.

К этому событию, с каким-то просто безумным нетерпением готовилась не только я, но и вся съехавшаяся родня. Мама Марка привезла с собой из Барселоны кучу детских игрушек, особенно ценными для меня стали те, с которыми когда-то игрался сам Марк. Кроме того, она, оказавшись женщиной с очень непростым характером, помогала мне на протяжении всей беременности. Особенно дельным стал её совет насчёт родов. Собственно, я им воспользовалась. Рушанов, наверное, до конца жизни будет мне припоминать, как я покрывала всех благим матом, когда рожала.

Олег Константинович взял на себя всё обустройство детской. По-скольку я не стала заранее узнавать, кого именно 'принесёт нам аист', комната была отделана в нейтральных жёлтых тонах, да и вообще, всё получилось настолько замечательным, что у меня иной раз самой возникало желание туда переехать.

Мама всё-таки не уехала в Болгарию. Не знаю, правильно ли я поступила, но я сама первая пошла на мировую. Мне действительно хотелось, чтобы все обиды, ссоры, предательства остались в прошлом. И в первую очередь, нашему с мамой примирению больше всех была рада Анька. Собственно сестра стала моим главным помощником. Кажется, никто как она не беспокоился о моём самочувствии. Даже я меньше волновалось, хотя, по-мере того, как время всё быстрее приближалось к назначенному дню родов, я становилась всё большей истеричкой и паникёршей. И надо сказать, что это вполне оправданно. Сколько бы мы не готовились к этому торжественному событию, до каких мелочей бы всё не спланировали, конечно, в итоге всё пошло по другому сценарию.

Роды начались за две недели до положенного срока. Господи, не передать, как я испугалась. Как ревела, когда меня уже везли в родильную. Этот дикий дьявольски страх даже немного, на какую-то сотую доли, перекрывал боль. Я тряслась до самого последнего момента. Я предполагала самое худшее ровно до той секунды, пока мне не положили на грудь маленький горячий, пищащий, наверное, на весь роддом комочек. Я не чувствовала слёз, которые беспрерывно катились по моим щекам. Не понимала, что происходит вокруг

меня. На какое-то, пускай совсем мимолётное мгновение, во всём мире осталась только я, со своим чудом, с этим маленьким голубоглазым ангелом. И только тихий, радостный голос акушерки, смог пробраться в мою маленькую вселенную:

— Поздравляю, с появлением дочки...

Да, наверное, моя жизнь всегда будет сумбурной. Сколько мы все планировали этот торжественный день выписки, а в итоге, меня некому было встречать. Мама Марка улетела обратно в Барселону. У неё там какие-то проблемы с работой возникли. Моя мама вместе с Олегом Константиновичем на несколько дней отправились в Питер, чтобы забрать кое-что из детских вещичек Марка и докупить мебели. Сестра должна была по работе уехать в командировку в другой город, но Рушанов, подлец, сообщил ей, что мне некому встречать, и никакие уговоры не смогли убедить Аньку, что несколько дней, я смогу справиться и без посторонней помощи.

Правда, когда я вышла на улицу, крепко прижимая к груди сопящую дочку и не хотя отводя от неё взгляд, выискивая глазами сестру, ко мне почему-то подошёл совершенно незнакомый (как мне сначала показалось) мужчина.

— Здравствуйте, Кристина! Искренне поздравляю с таким знаменательным событием!

Пока этот высокорослый блондин улыбался во весь рот, я всё пыталась сообразить, кто он вообще такой.

— Спасибо. А вы собственно...

— Я Сергей, друг Аньки, по совместительству её бывший коллега. Собственно это я и отговорил её отменять командировку. Взамен дал клятвенное обещание встретить вас. Надеюсь, вы не против? — мужчина всё так же улыбался, а я продолжала непонимающе его разглядывать. — Вы меня совсем не помните? Мы встречались в клубе, и потом ещё несколько раз.

Только тут до меня дошло, кто передо мной стоит. Тот самый Сергей, которого я просто использовала в своих целях, чтобы заставить Марка ревновать. И у меня это получилось. В тот вечер мы вновь сошлись после самого первого расставания, а от Сергея я ещё несколько дней позорно бегала и игнорировала звонки.

— Да...да, конечно, я вас помню, — отведя смущённый взгляд, я почувствовала, как щёки начинают заплывать краской. — Только...не нужно. Спасибо вам, но я сама доберусь.

— Ага, как же! Вы сами доберётесь, а Анька на мне потом живого места не оставит?

Сергей усмехнулся, а я уже мысленно представила, как буду убивать сестру. Долго и мучительного. Даже не предупредила, зараза!

— Спасибо вам, но я...

— Ой, чуть не забыл! — не дав мне договорить, мужчина достал из позadi стоящей машины цветы и коробку конфет, которые уже через пару секунд оказались в руках у акушерки. — Спасибо вам огромное! Удачи в работе, пусть все малыши рождаются здоровыми!

— Спасибо, — пожилая женщина засмеялась. — Только это вам, папаша, нужно удачи пожелать. Ну и голосистая же у вас дочка получилась, скучать не придётся!

Теперь я уже вся с ног до головы покрылась краской, и только было хотела возразить, как Сергей уже вернулся, тоже казалось, изрядно смутившись.

— Может, фотографию сделаем? Анька очень упрашивала...

— А давайте я? Я могу вас всех вместе сфотографировать! — пока мы с Сергеем,

окончательно покраснев из-под опущенных ресниц, глядели друг на друга, акушерка уже взяла из рук мужчины фотоаппарат и сделала пару снимков. — Ну вот, теперь такая память на всю жизнь останется! Ещё раз поздравляю с дочкой!

С самой первой секунды как я села в его автомобиль, я чувствовала себя ужасно неуютно. Да и малышка опять разбушевалась. По-моему, принцесса была очень недовольна, что её не встретили с шарами и фейерверками.

— С характером девочка будет, — Сергей усмехнулся, притормозив машину на светофоре. Взяв с переднего пассажирского сиденья цветы, мужчина протянул их мне. — Аня сказала, что вы любите пионы, но я, к сожалению, не нашёл. По-правде, как называются эти цветы, я не запомнил, но мне кажется, они очень красивые, по-моему, даже не хуже пионов.

Удивительно, но как только букет очутился на моих коленях, голубоглазый котёнок затих. Наверное, маленькая леди решила, что это её презент.

— Спасибо...да вы правы, цветы очень красивые...не хуже пионов...

— А как дочку назвать хотите?

Поцеловав малышку в носик, я прислонилось щекой к её гладкой, почти лысенькой головке.

— Света. Чтобы жизнь у неё была такая же светлая...

Ну, вот и всё! Конец!

Больше книг на сайте - Knigolub.net